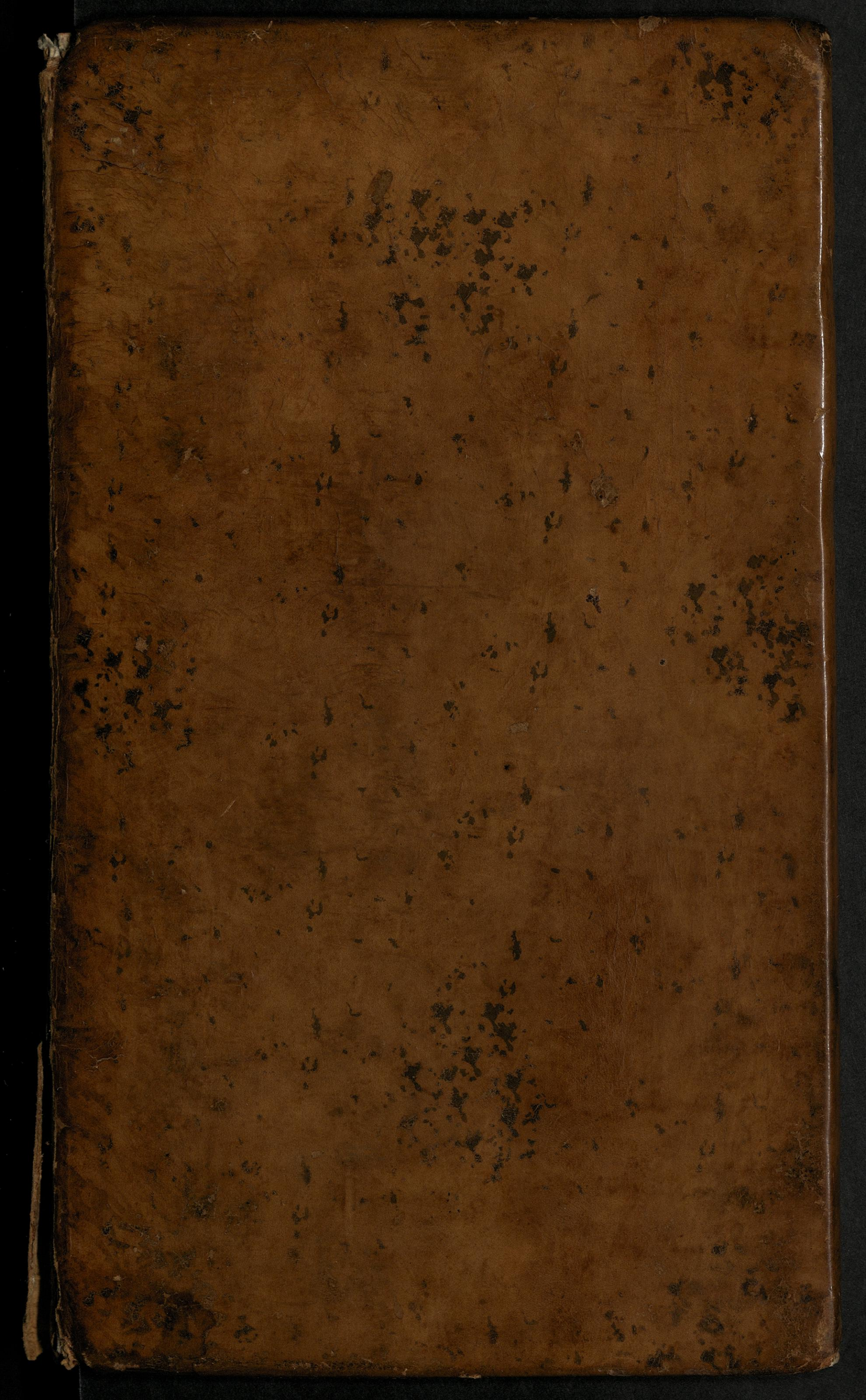
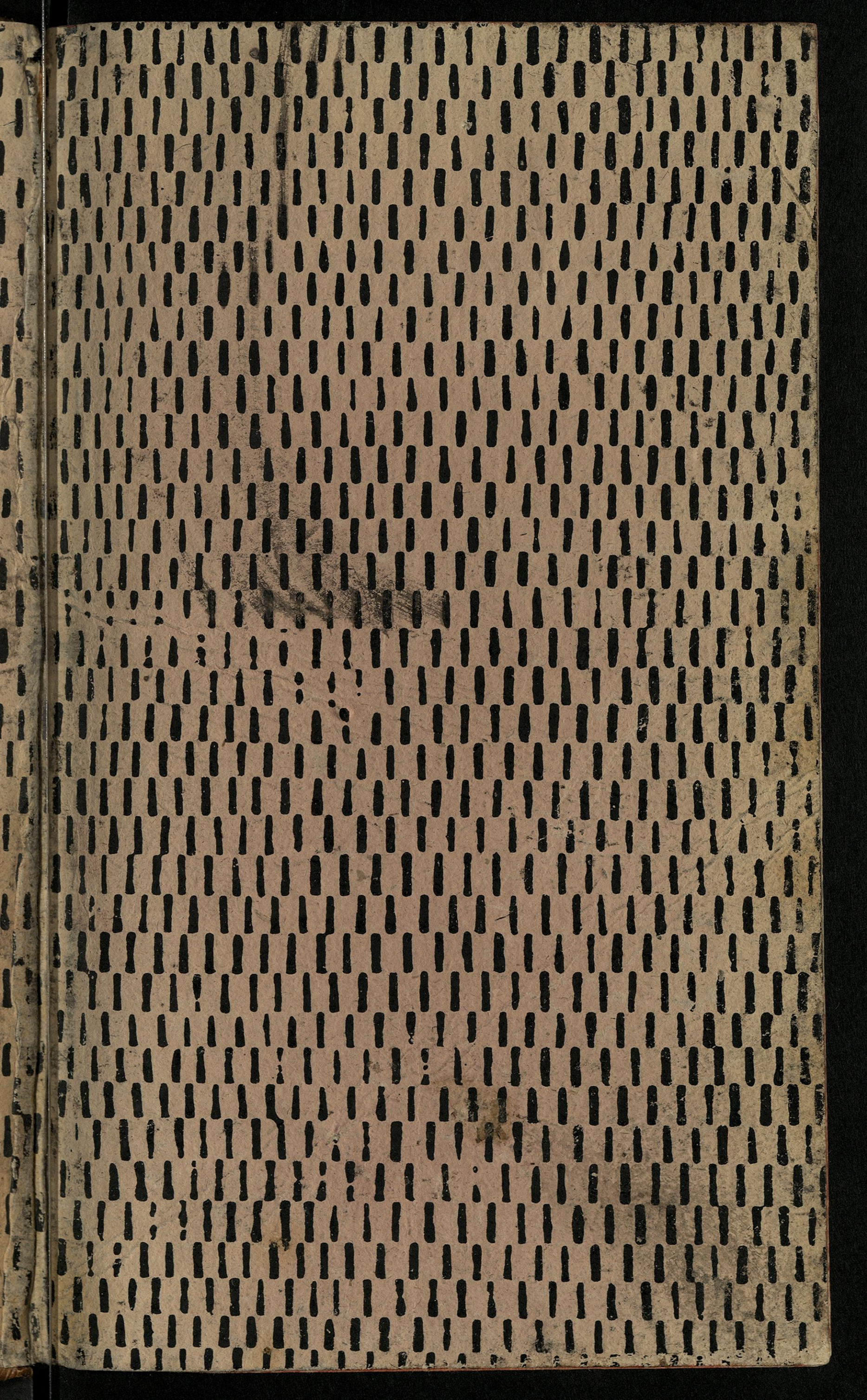

ВЕСЕЛЫЙ и ШУТЛИВЫЙ
МЕЛАНДРЪ,

Повѣствующiй короткiе, но прiятные Анекдоты, восхитительныя повѣсти и исторiи съ довольною чувствительностiю, человѣка къ честности и добродѣтели поощряющiя; также замысловатыя басни и шутки, и нужныя для всякаго состоянiя наставленiя и совѣты и пр. съ присовокупленiемъ примѣчанiй и мнѣнiй изъ разныхъ писателей выбранныхъ и къ матерiямъ по приличiю имъ самимъ принаровленныхъ.

ПЕРЕВОДЪ съ ЛАТИНСКАГО

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Цѣна 1 рубль.

МОСКВА

Съ УКАЗНАГО ДОЗВОЛЕНIЯ.

Печатана у содержателя Типографiи Ф. Гиппiуса. 1789 года.

Его Превосходительству

ПАВЛУ ИВАНОВИЧУ

ФОНЪ-ВИЗИНУ

ДѢЙСТВИТЕЛЬНОМУ СТАТСКОМУ СОВѢТНИКУ,

Св. Владимира Третьей Степени

КАВАЛЕРУ

И

ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

ДИРЕКТОРУ.

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ!

Не тщетная какая либо слава и не суетное какое либо честолюбїе побудили меня посвятить Вамъ сей мой переводъ, но единственно усердїе и почтенїе къ тѣмъ превосходнымъ качествамъ души Вашей, которыми Вы имени и достоинству Вашему соотвѣтствуете.

Незабвенною наградою и весьма великимъ поощренїемъ къ продолженїю трудовъ будетъ мнѣ, естьли Вы удостоите благосклоннаго Вашего приня-

тїя

тія сіе мое приношеніе, которое посвящается Вамъ въ знакъ благодарности за Ваши ко мнѣ милости, которыя обязуютъ меня быть навсегда

ВАШЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВА

покорнѣйшимъ слугою

Студентъ Андрей Урусовъ.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ

отъ Переводчика.

Люди различнаго суть свойства. Иные подъ прикрытіемъ (*) имени своего могутъ терпѣливо слушать свои пороки; а другіе всячески стараются таить оные. Тѣ любятъ истину и справедливость, и слыша о худыхъ своихъ поступкахъ, исправляются; а сіи, будучи чрезъ мѣру самолюбивы, тѣхъ, кои говорятъ объ нихъ худо, хотя впрочемъ справедливо, ненавидятъ и гонятъ. Но не малому учтивству, скромности, человѣколюбію и искусству трогать воображеніе приписать должно, что теперь нѣкоторые по своему проницательному и тонкому понятію говорятъ о порокахъ другихъ стороною, употребляя, для отвращенія примѣченнаго какого либо порока, приличныя или исторійки, или сказочки, или басенки, или замысловатыя шутки, дабы тѣмъ, которые ослѣпили себя самолюбіемъ, дать слегка почувствовать и одуматься. Несносенъ ударъ можетъ быть для тѣхъ, которыхъ иные грубые и непросвѣщенные пересужденіями сво-

(*) Напр. въ сатирахъ, въ коихъ живо описываются поступки и дѣйствія, но имени прямо не упоминается.

своими колютъ, какъ говоритъ пословица, не въ бровь, но въ самой глазъ. Они отъ таковыхъ пересужденій дѣлаются больше закоренѣлыми въ своихъ заблужденіяхъ, малодушными и нерадивыми о самой своей жизни. И такъ человѣку, въ обществѣ живущему и о другихъ судить и говорить не умѣющему, крайняя бѣда и опасность. Опытъ и примѣръ увѣряютъ, что связанные крѣпчайшимъ узломъ любви и дружества чрезъ неосторожное, неискусное и колкое отъ одного къ другому слово и пересужденіе дѣлаются непримиримыми непріятелями.

Иные къ отвращенію какого либо порока употребляютъ какія нибудь умствованія, нравоученія и правила. Но не всякой имѣетъ даръ одними скоропреходящими словами тронуть сердце закоренѣвшаго въ какомъ либо порокѣ, и не всякой столько мягкосердъ и благонравенъ, чтобъ благосклонно и сердечно принималъ и исполнялъ другаго совѣтованія.

Авторъ въ предисловіи сей своей книги пишетъ, что хотя многіе къ

исправ-

исправленїю слабаго человѣка пишутъ нравоучительныя книги; однако по его мнѣнїю, къ исправленїю его гораздо лучше служатъ книги, въ которыхъ безпристрастно описываются человѣческїе нравы, поступки и дѣйствїя.

Я, не отступая во всей его книгѣ ни отъ одного почти слова, не противнымъ почелъ согласиться и съ симъ его мнѣнїемъ. И такъ въ семъ-то намѣренїи перевелъ я сїю книгу.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЕРВОЙ ЧАСТИ

Стран.

О

Стран.

Стран.

ОГЛА-

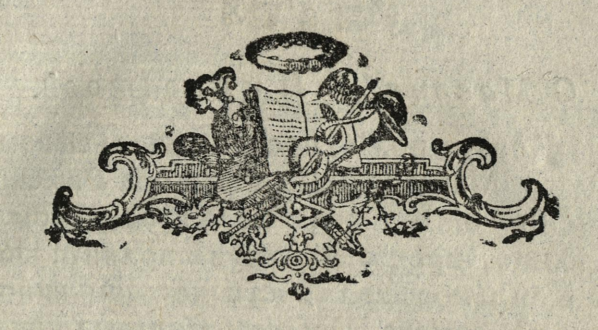
ОГЛАВЛЕНІЕ
ВТОРОЙ ЧАСТИ.

Стран.

Какъ

Стран.

Стран.

О добромъ Государѣ и народѣ.

Одинъ Государь любящїй свой народъ составляетъ благополучїе цѣлаго государства. Онъ есть глава; народъ составляетъ прочїе члены. Государь сколько имѣетъ гражданъ, (поколику не желаетъ никому погибнуть) столько считаетъ членовъ тѣла своего. Добрые граждане всѣмъ жертвуютъ для своего Государя, и думаетъ каждый, что онъ есть глава ихъ тѣла.

О добромъ и худомъ начальникѣ.

Что есть добрый начальникъ? Есть пастырь или стражъ неусыпностїю своею сберегающїй овецъ отъ насилїя волковъ. Что есть худой или злой? Есть самый волкъ.

О Маврикіѣ Императорѣ.

Когда подъ предводительствомъ самаго Маврикія Императора Римское войско отъ Хана полководца было разбито, прочїе взяты въ полонъ: тогда Ханъ, поставляя сей потери виновникомъ самаго Маврикія, предложилъ ему, что онъ готовъ возвратить ему плѣнныхъ, взявши за каждаго по монетѣ, или за двоихъ по одной монетѣ, или за каждаго по четыре стручька грецкаго бѣлаго гороху. Когда же Маврикїй и сего послѣдняго не хотѣлъ дать за своихъ вѣрноподданныхъ, то Ханъ разсердясь приказалъ всѣхъ побить до смерти. Ихъ числомъ было 12 тысячь. Съ сего времени Маврикїй (что послѣдовало по самой справедливости) пришелъ у всѣхъ въ крайнюю ненависть и былъ въ оной до самой смерти. Вотъ примѣръ худаго начальника!

О Юстиніанѣ Императорѣ, которой Велизарію выкололъ глаза.

Велизарїй, будучи посланъ отъ Юстиніана Императора въ Италію съ тѣмъ, чтобы изъ оной выгналъ онъ всѣхъ Го-

Готовъ и Вандаловъ, столь отмѣнно отправлялъ должность полководца, что въ разсужденіи сего никому его уподобить не можно. Ибо и городъ Римъ возвратилъ и Готовъ выгналъ изъ Италіи за границы, Царя взявши въ полонъ отвелъ въ Константинополь. Въ воинской наукѣ столь былъ искусенъ, что не можно выдумать достойной за сіе ему похвалы. Однако когда возвратился онъ въ Константинополь: то неблагодарнѣйшій Императоръ вмѣсто любви за его усердную и вѣрную службу по оклеветанію возымѣлъ къ нему ненависть и злобу, вмѣсто похвалъ за его храбрость наложилъ на него оковы, вмѣсто прославленія и награжденія, которыя Героямъ единственнымъ суть утѣшеніемъ и отрадою послѣ понесенныхъ трудовъ, велѣлъ выколоть ему глаза, и просить милостыню у гражданъ подъ окнами. Бѣдный Велизарій, никогда почти за свои услуги такого награжденія отъ Государя своего не ожидавшій, принужденъ былъ остатокъ жизни своей препроводить, прося милостыню. Онъ просилъ оную такъ: подайте милостинку Велизарію, котораго мужество прославило и воз-

высило, ненависть обезславила, низвергнула и ослѣпила. Вотъ примѣры худаго и добраго начальника!

О Ѳемистоклѣ и Андріанахъ.

Ѳемистоклъ, когда требовалъ отъ Андріанъ денегъ, то дабы показать имъ, что его требованія непреодолимы и непремѣнны, сказалъ имъ, что къ сему побудили меня два бога, Сила и Совѣтъ. Но Андріане на сіе ему не неблагоразумно отвѣчали, что у нихъ находятся два непобѣдимые и неупросимые Бога, Убожество и Невозможность, которые препятствуютъ намъ принесть жертву вашимъ богамъ.

О Королѣ и мужикѣ.

Одинъ мужикъ рожденный и воспитанный въ деревнѣ грубѣе Фавна и Сатира, въ первый еще разъ пришелъ въ городъ въ то самое время, когда всѣ жители онаго, стоя по широкимъ улицамъ, единогласно восклицали: Король ѣдетъ. Онъ, тронувшись симъ для него необыкновеннымъ случаемъ, оглядывался на всѣ стороны и, не видя отмѣннаго ничего, дивился, чего

бы

бы сей стоящій народъ ожидалъ столь вожделѣнно и смотрѣлъ столь пристально. Вдругъ въ предшествіи весьма пышной помпы ѣдетъ Король на богато убранной лошади и имѣя на себѣ златотканную одежду, отъ которой тогда, по причинѣ солнечнаго сіянія, бросался блескъ во всѣ стороны. Тогда всѣ со всѣхъ сторонъ вдругъ закричали: Да здравствуетъ нашъ Король. Повторивши сіи слова еще дважды, перестали. Мужикъ, когда уже всѣ умолкли, въ слухъ при всѣхъ спрашивалъ: Гдѣ Король? Гдѣ Король? Тогда одинъ подошедши къ нему сказалъ: Вонъ что ѣдетъ, на самой лучшей лошади и одѣтъ въ блестящее платье. Это Король? Ты смѣешся, отвѣчалъ мужикъ, это, кажется, человѣкъ!

О важныхъ нѣкоторыхъ Сенаторахъ и простомъ человѣкѣ.

Въ знаменитѣйшемъ и пространнѣйшемъ одномъ Нѣмецкомъ городѣ съ общенароднаго согласія избранъ былъ въ Сенатъ человѣкъ весьма умной, но не богатой. Занимающіе первое мѣсто въ Сенатѣ, смотря на сего добраго мужа, какъ бы съ неизмѣ-

мѣримой высоты, запретили ему говорить свое мнѣніе, когда разбирали они весьма трудныя и важныя дѣла и подавали свои голоса и мнѣнія. Симъ онъ крайне будучи огорченъ, за благо почелъ сыскать средство къ избѣжанію сего зла. Почему въ одно время при требованіи голосовъ, будучи съ презрѣніемъ отъ нихъ онъ обойденъ, съ досадою всталъ съ своего мѣста и взявши свою шляпу повесилъ оную на крючокъ къ дверямъ, говоря сіи слова: „поелику я „здѣсь сижу точно какъ нѣмый, то „есть, что ни предложеній выслуши„вать, ниже совѣтовъ подавать мнѣ поз„воляютъ: то пусть мое мѣсто занима„етъ моя шляпа, которая вмѣсто ме„ня будетъ слушать и подавать весьма полезныя мнѣнія. И сіе сказавши изъ Сената вышелъ.

Мнѣнія.

Нѣкоторый мудрецъ.

Мудрость и благоразуміе нищаго уничижается и слова его не пріемлются и ни во что вмѣняются.

Онъ же.

Богатый ежели подверженъ бываетъ какому случаю, то друзья поддер-

держиваютъ его; ежели же убогїй падетъ, то своими друзьями оставляется. Богатый ежели въ чемъ прошибется, тогда многїе сыскиваются заступники, сказалъ ли что хотя нелѣпо, оправдаютъ. Но ежели убогїй въ чемъ провинится, то весьма трудное бываетъ ему оправданїе, сказалъ ли что хотя разумное, не даютъ мѣста словамъ его. Богатый когда говоритъ, тогда всѣ молчатъ и слова его возносятъ даже до облакъ: убогїй же когда говоритъ, тогда спрашиваютъ, что это за человѣкъ, и ежели въ чемъ ошибется, то съѣсть хотятъ.

Овидїй.

Въ судебныя мѣста входъ бѣднымъ затворенъ;
Тамъ судится богачь и честью кто почтенъ:

Авлъ Геллїй ночей кн. 2. гл. 6. свидѣтельствуетъ, что въ старину ввели въ пословицу сїе: *Не рѣдко и садовникъ подаетъ мудрыя наставленїя.*

Изъ сего ясно можно видѣть, что не должно презирать и пренебрегать полезныхъ наставленїй и ученїй, судя о низкости Автора. Ибо случается иногда, что и незнатной и не

ученой мужъ скажетъ такое нѣчто, что и знатнѣйшїе и ученнѣйшїе пренебречь почтутъ себѣ за стыдъ.

О мужикѣ пожилыхъ лѣтъ и Колоненскомъ Епископѣ.

Нѣкоторый мужичокъ пожилыхъ уже лѣтъ увидѣвши одного Колоненскаго Епископа, что онъ отправляетъ должность Полководца, и будучи вооруженъ, идетъ съ солдатами въ походъ, весьма громко захохоталъ: Епископъ услышавши сїе спросилъ у него причину. Мужикъ не хотя запереться въ томъ, что онъ видѣлъ, сказалъ: я васъ вчера видѣлъ ходившаго по могиламъ и устремлявшагося на блины и кутью, а нынѣ вы устремляетесь на брань съ подобными вамъ. Что тебѣ до того нужды, отвѣчалъ Епископъ, я вмѣстѣ и полководецъ и Епископъ, и въ то время, когда надобно будетъ съ воинами въ походъ итти, я такъ какъ полководецъ, а ежели случится быть въ церквѣ, тогда я такъ какъ Епископъ. Позвольте же спросить, сказалъ мужичокъ, ежели сему полководцу, котораго

раго лице вы представляете, случится быть въ аду, то куда тогда пойдетъ Епископъ?

О N. Государѣ и N. Герцогѣ.

Одинъ Нѣмецкой Герцогъ пріѣхалъ нѣкогда къ Императору просить совѣтовъ о важнѣйшихъ нѣкіихъ дѣлахъ. Императоръ почтилъ его надлежащимъ пріемомъ, держалъ потомъ у себя нѣсколько дней и угощалъ отмѣнно, такъ же и въ подаваніи совѣтовъ дѣлалъ всевозможное вспомоществованіе. И многократно уже подавая оныя новопріѣзжему гостю, Императоръ думалъ, что довольно наслушавшись оныхъ, возвратится въ свой домъ; однако онъ оставался съ своею свитою еще попиршествовать въ его Дворѣ, что Императору наконецъ прискучило. И такъ таковое онаго Герцога безстыдство за благо почелъ онъ нѣкоторыми околичностями обнаружить ему самому. Почему въ наступившую ночь послалъ къ нему одного изъ своихъ Министровъ, чтобъ онъ его именемъ пожелалъ ему доброй ночи, и попросилъ бы на слѣдующій день, по причинѣ его отъѣзда, въ послѣдній разъ съ нимъ откушать. Герцогъ

 выслу-

выслушавъ сіи слова, догадался къ чему они клонятся, потомъ сказалъ самъ себѣ, что конечно Императоръ для моего, а не для своего отъѣзда желаетъ сдѣлать послѣдній обѣдъ; а наконецъ отвѣтствовалъ посланному, что онъ завтришній день будетъ кушать у Его Величества. Однако вставши поутру еще до свѣту, приказалъ подавать лошадей и сбираться всей своей свитѣ. Самъ между тѣмъ написалъ къ Императору письмо, въ которомъ изъяснялъ ему благодарность какъ за добрые его совѣты, такъ и за щедрое угощеніе. И оставя оное въ той комнатѣ, которая ему была отведена, уѣхалъ со двора на разсвѣтѣ, не дожидаясь и Императорскаго стола.

Мнѣнія

отъ неизвѣстнаго.

Послѣ трехъ дней рыба и гость теряютъ свою цѣну и пріятность.

Плавтъ въ книгѣ о славномъ воинѣ.

Ниодинъ гость даже у друга своего не можетъ прогостить и трехъ дней такъ, чтобъ возвратился домой не подпавши никакому осужденію; и естьли прожи-

живетъ сряду десять дней, то хотя хозяинъ сїе гощенїе его кой-какъ терпитъ, но слуги его о томъ гостѣ начнутъ переговаривать и перешептывать.

О измѣнникахъ.

Почитать начальниковъ, любить свое отечество и не давать знать непрїятелямъ о положенїи и состоянїи своихъ гражданъ, не только повелѣваетъ здравый разсудокъ, но и священное писанїе. И такъ о измѣнникахъ во всѣ времена отзывались весьма худо, и ненавидѣли ихъ даже и тѣ самые, къ которымъ они предаются, и которымъ открываютъ всѣ тайны и положенїе своего отечества. Многїя и на многихъ можно видѣть сему примѣры. *Первый примѣръ.*

О Лашенѣ.

Нѣкоторый Лашенъ измѣнилъ своему отечеству. Олинто, предавшись Македонянамъ въ надеждѣ той, что онъ будетъ ими любимъ и уважаемъ. Чему однакожъ послѣ вышло совсѣмъ противное. Ибо хотя Македо-

доняне пособіемъ измѣнника сего одержали побѣду, однако, якобы попущеніемъ Вседѣйствующаго, прогнали его сквозь строй. Въ чемъ когда онъ сталъ приносить свою жалобу Филиппу Царю, то Царь ему сказалъ: *Ты конечно, другъ мой, и моимъ солдатамъ измѣнилъ.*

Вторый.

О Риминалѣ.

Когда Риминалъ Фракійскій Государь, который отъ Антонія предался къ Августу, при всей кампаніи съ лишкомъ хвастался своими услугами и пособіями, оказанными Кесарю и всему его войску: то Кесарь наконецъ скучившись симъ его хвастовствомъ, подошедши къ другому нѣкоему Царю сказалъ: Измѣну люблю, измѣнниковъ ненавижу, означая симъ, что которые чрезъ измѣну хотятъ услужить и выслужиться, тѣ недостойны никакихъ милостей. Ибо хотя пріятенъ тотъ долгъ, которой они на первомъ случаѣ исполняютъ, но сами они остаются и всегда скучны и презираемы.

Третій.

О Солиманѣ Турецкомъ Султанѣ и нѣкоторомъ Родоссѣ.

Тягчайшее наказанїе и лютѣйшїе раны за измѣну претерпѣлъ нѣкто изъ Родоссовъ, которыхъ достойнымъ быть судилъ его Турецкїй Султанъ Солиманъ, хотя впрочемъ чрезъ онаго измѣнника и одержена была побѣда. Сей Султанъ по одержанїи побѣды обѣщалъ выдать за него одну изъ своихъ дочерей съ весьма богатымъ и многимъ приданымъ. Когда побѣждены и покорены были Родоссы, то измѣнникъ началъ требовать отъ Солимана обѣщанной себѣ награды. Султанъ немедленно предъ глаза его представляетъ дочь свою въ Царскомъ богатомъ одѣянїи, и показываетъ на лицо пребогатое и весьма великое за нею приданое. Синонъ (такъ назывался оный измѣнникъ) весьма былъ радъ и твердую имѣлъ надежду, что скоро получитъ молодую невѣсту и будетъ жить съ нею при всякомъ довольствїи. Но сїя льстящая его надежда была тщетна и обманчива. Ибо Султанъ въ тужъ минуту обратившись къ нему, началъ говорить, что я исполнилъ твое желанїе. Но какъ ты Каѳолической вѣры, а дочь моя Мугаметанс-

танской, то тебѣ сочетаться браком съ нею несходно, да и она на сїе не вдругъ согласится; чтожъ касается до меня, то и я ниодного не приму въ число своихъ зятей, который по наружному только, а не внутренно и не природный есть Музульманъ. И такъ когда ты соглашаешся быть истиннымъ Музульманомъ, то долженъ ты сїе доказать не только словами, но и дѣломъ. И сїе сказавши тотчасъ призваннымъ нарочно для сего палачамъ приказалъ съ нареченнаго своего зятя снять природную его кожу, а потомъ положить его на постелю усыпанную солью, чтобъ отъ сего самаго пристала и прирасла къ нему новая Мугаметанская кожа. Послѣ чего (примолвилъ Султанъ) безспорно совершенный онъ будетъ Музыльманъ, и первый возметъ за себя мою дочь. Но бѣдный Синонъ катаяся по постелѣ, весьма долго кричалъ и истощивши всѣ свои силы, съ великимъ стенанїемъ издохъ. Вотъ какая измѣнникамъ награда! Сказываютъ, что сей же самой Султанъ за измѣну и нарушенїе вѣрности сына своего Мустафу наказалъ точно такимъ же образомъ.

О Генгрихѣ Глореанѣ.

Нѣкто спросилъ Глореана передъ смертїю, какъ ты живешь? Хорошо я живу, отвѣчалъ, и точно такъ какъ маленькой владѣлецъ. Другой не понявши сего, спросилъ, что это значитъ? Я имѣю много ѣствы и питїя и много долгу.

О Албертѣ Саксонскомъ начальникѣ.

Албертъ Саксонскїй начальникъ когда сидѣлъ въ кампанїи, прочїе поговоря прежде о состоянїи своихъ государствъ, спросили потомъ у него, нѣтъ ли чего новаго и отмѣннаго въ его областяхъ? Не знаю, отвѣчалъ, что теперь къ вашему удовольствїю сказать, однако доложу вамъ объ одномъ такомъ обществѣ, въ которомъ три вещи можно почесть удивительными.

Въ Лейпцигѣ находится одно общество людей троякаго роду:

Одинъ родъ есть такихъ людей, которые имѣютъ у себя много хлѣба, не имѣя земли ничего.

Дру-

Другой родъ состоитъ изъ такихъ, которые имѣютъ у себя много денегъ, не имѣя никакихъ доходовъ.

Третій родъ составляютъ такіе, которые имѣютъ многихъ дѣтей, не имѣя совсѣмъ женъ.

Послѣ сего бывшіе въ кампаніи стали просить его, чтобъ онъ наименовалъ родъ сихъ людей; но онъ имъ отвѣчалъ, естьли сіе не до васъ касается, и естьли въ вашихъ государствахъ нѣтъ ниодного роду такихъ людей, то отгадайте сами.

О М. Брутѣ и одномъ слугѣ.

М. Брутъ когда Азію оружіемъ покорялъ подъ свою и К. Кассія власть и сдѣлался полномочнымъ надъ Патаренцами; то издалъ указъ, чтобъ всѣ граждане, сколько ни имѣютъ золота и серебра, дѣланнаго или не дѣланнаго, приносили къ нему: въ противномъ же случаѣ, которые утаятъ что либо изъ таковыхъ вещей, будутъ казнены смертію. По обнародованіи сего указа спустя не много одинъ слуга донесъ на господина, что онъ утаилъ у себя много денегъ. М. Брутъ послалъ по сего господина сыщика,

чтобЪ онЪ его и сЪ фамилїею привелЪ кЪ суду. ОнЪ былЪ приведенЪ сЪ матерью, и велѢно было ему говорить судЪ: Однако онЪ ничего не отвѢчалЪ. Видя сїе мать его, приняла дѢло на себя, и обвинивЪ себя, смѢло предЪ ИмператоромЪ сказала, что сынЪ невиноватЪ, а виновата я, ибо не онЪ, но я деньги утаила; и такЪ стала умолять, чтобЪ лучше ее по законамЪ наказали, а его простили. Слуга же напротивЪ того до такого дошелЪ вѢроломства и продерзости, что хотя не спрашивали его, почему онЪ на сего господина подозрѢваетЪ, закричалЪ, вретЪ она, сїе наказанїе долженЪ принять сынЪ ее, а не она. ИмператорЪ, какЪ молчаливостїю сына, такЪ честностїю и чистосердечїемЪ матери будучи тронутЪ, даровалЪ имЪ обоимЪ свободу, и наградивЪ знатною суммою денегЪ отпустилЪ домой, а слугу приказалЪ повѢсить.

О женихѢ во сто лѢтЪ.

Находятся нѢкоторые старики, которыхЪ юношество сопровождаемо было воздержанїемЪ и умѢренностїю,

 столь

столь здоровы и крѣпки, что будучи въ восемьдесятъ лѣтъ раждаютъ дѣтей, чему примѣромъ служатъ Брабанты, Гоѳы и Шведы. Повѣствуетъ такъ же нѣкоторый по морю странствовавшій, человѣкъ въ прочемъ вѣроятія достойный, что когда онъ имѣлъ торговлю въ Стокгольмѣ при владѣніи Густава отца непобѣдимаго Шведскаго Короля Ерика, былъ на свадьбѣ у одного, который имѣя отъ роду сто лѣтъ, взялъ за себя невѣсту тритцати лѣтъ, и послѣ прижилъ съ нею многихъ дѣтей. Ибо сей мущина [какихъ въ оной странѣ находится много] столь былъ въ старости своей здоровъ, крѣпокъ и на лицо взраченъ, что казался пятидесятилѣтнимъ. Слышно еще у Тангровъ и въ кампаніи Брабантійской, гдѣ воздухъ весьма легкой, и народъ живетъ умѣренно и трудолюбиво, что многіе, особливо изъ простонародныхъ, будучи въ 80 лѣтъ вступаютъ въ супружество съ дѣвушками не болѣе какъ лѣтъ въ дватцать и приживаютъ дѣтей. Почему число годовъ не препятствуетъ мущинѣ жениться, развѣ въ юности его невоздержаніемъ и неумѣренностію истощены будутъ соки къ тому споспѣшествующіе.

О нѣко-

О нѣкоторомъ Государѣ и простолюдинѣ.

Нѣкоторый Государь прогуливаясь съ своими Вельможами и Министрами, для отдохновенія сѣлъ на мосту, съ котораго смотрѣлъ внизъ на быстротекущую воду. Въ то же самое время шедши мимо ихъ простолюдинъ сѣлъ на томъ же самомъ мосту, думая, что ему сидѣть тутъ никто не помѣшаетъ. Нѣкто изъ прогуливавшихся съ Государемъ, видя столь грубаго и неучтиваго простолюдина, подшедши къ нему сказалъ: Какъ ты смѣешь сидѣть съ Государемъ на одномъ мосту? Развѣ я обезчестилъ кого, отвѣчалъ простолюдинъ. Конечно такъ виноватъ я; но что ежели сей мостъ продолжается на двѣ тысячи верстъ?

О нѣкоторомъ въ Германіи служившемъ Воинѣ.

Нѣкогда въ Германіи служившаго и въ Венгріи на сраженіи бывшаго Воина захватили Турки въ полонъ, и не хотѣли прежде опредѣлить, голову ли ему отсѣчь, или живова оставить какъ снявши съ него платье. За пазухой у него была изъ паргамента

сдѣланная дощечька, на которой нѣкто изъ его товарищей за нѣсколько предъ симъ въ шутку изобразилъ видъ дурака. Непрїятели забавляяся симъ изображенїемъ, и, будучи въ чаянїи узнать отъ него дальнѣйшаго искуства въ живописи, даровали ему жизнь и отвезли въ Константинополь, гдѣ тщанїемъ посла Французскаго Короля выкупленъ. И такъ многїе мудрымъ, а сей одолженъ жизнїю дураку.

О Фридрихѣ Герцогѣ Саксонскомъ.

Сказываютъ, что Фридриху Герцогу Саксонскому нѣкогда было докладывано, что не прикажетъ ли Квесторамъ прибавить жалованья, дабы они, въ случаѣ собственнаго ихъ въ чемъ либо недостатка, не истощали сумму и иждивенїе другихъ. *Я бы весьма желалъ и довольное и твердое опредѣлить имъ жалованье,* отвѣтствовалъ Фридрихъ, *естьли бы было извѣстно или по крайней мѣрѣ вѣроятно, что они болѣе не станутъ плутовать.*

О трехъ Римскихъ Послахъ, такъ же и о Катонѣ.

Для возстановленїя мира между Никодемомъ и Прузїемъ, посланы были изъ Рима трое пословъ, изъ которыхъ

рыхъ у одного былъ камнемъ разбитъ лобъ, другой боленъ былъ ногами, а у третьяго весьма много недоставало разума. Катонъ извѣстившись о семъ сказалъ: *Конечно Римскій народъ былъ въ замѣшательствѣ, что отправилъ такое посольство, которое не имѣетъ у себя ни головы, ни ногъ, ниже души.*

О Бабонѣ славномъ Вельможѣ, имѣвшемъ отъ двухъ женъ тритцать два сына и восемь дочерей.

Бабонъ славный Вельможа и города Ратиспона главный начальникъ, отъ двухъ законныхъ женъ имѣлъ тритцать двухъ сыновей и восемь дочерей, которыхъ всѣхъ самъ воспиталъ и наслѣдниками по себѣ оставилъ. Императоръ жившій тогда въ Ратиспонѣ приказалъ нѣкогда ему къ себѣ пріѣхать съ нѣсколькими рабами, дабы вмѣстѣ ѣхать на охоту. Бабонъ, почетши сіе за случай, давно себѣ желанный, въ которой онъ можетъ столь знатное свое поколѣніе представить Кесарю, пришедъ домой нарядилъ всѣхъ въ приличное платье, не выключая и тѣхъ, которые только лишь начали ходить и говорить,

и приказавши за каждымъ изъ нихъ и за собою итти провожатому, пришелъ съ такою круглою семьею къ Императору. Увидѣвши Императоръ такую съ нимъ толпу спросилъ его, для чего ты взялъ съ собою столь много слугъ, когда я тебѣ приказывалъ взять нѣсколькихъ. Ваше Величество, отвѣчалъ Бабонъ, при мнѣ только одинъ слуга. А прочïе кто? Спросилъ Кесарь. Ваши рабы, мои дѣти, отвѣчалъ Бабонъ, которыхъ всѣхъ къ собственному ихъ благоденствïю, къ вашимъ же на всегда услугамъ вручаю, и отдаю Вашему Величеству. Августъ почелъ сей подарокъ наидрагоцѣннѣйшимъ и прïятнѣйшимъ. Всѣхъ сыновей его, спросивши у каждаго имя, перецѣловалъ и принявши ихъ къ себѣ, нѣкоторыхъ изъ нихъ сдѣлалъ Министрами, иныхъ градоначальниками, которые за малолѣтствомъ не могли править никакой должности, къ тѣмъ приставилъ дядекъ и учителей до совершенныхъ лѣтъ. А Бабону подарилъ нѣсколько провинцïй.

О Агнïи Филиппа Ландрагскаго Государя дочери.

Агнïя Филиппа Ландрагскаго Государя дочь, обрученная Маврицïю, а

послѣ Іоанну Фридерику Саксонскимъ Герцогамъ, за нѣсколько времени передъ смертію послала къ отцу своему письмо, которымъ просила, чтобъ онъ пріѣхалъ ее посѣтить. Но Филиппъ можетъ быть за какою крайностію не поѣхалъ, и какъ письмо принесено было къ ней обратно и сказано, что отецъ не будетъ, то она, оборотясь къ стенѣ, ничего болѣе не сказала, какъ только сіи слова: Отецъ и мать оставили меня, но ты, о Боже! воспріими.

О Адольфѣ Нассовіенскомъ Вельможѣ.

Сей прежде, нежели сдѣланъ былъ Римскимъ Военачальникомъ, на одномъ сраженіи, когда погнался за пятью Офицерами, которыхъ однакожъ нагналъ и убилъ, былъ пойманъ и приведенъ передъ Полководца, которой его спросилъ, кто ты таковъ? Я, отвѣчалъ, Нассовіенской Вельможа. А вы кто таковы? Я, отвѣчалъ, Брабантской Полководецъ, за которымъ ты на сраженіи безпрестанно гонялся, и у котораго убилъ пять храбрыхъ Офицеровъ. Тогда Адольфъ, дивлюсь, сказалъ, какъ ты увернулся отъ мо-

его меча, которой я нарочно для тебя изострилъ было, и которой на тебя больше всѣхъ я устремлялъ. Брабантской Полководецъ слыша его весьма свободно и вольно разговаривающаго, далъ ему превеликіе подарки и отпустилъ опять въ свое отечество.

Эпитафія, которая была прилѣплена къ гробу Климента VII.

Насъ гнавшая судьба къ намъ благосклонна стала,
Климентовъ долгой вѣкъ съ жестокостью скончала.
Климентъ погибъ! и какъ прошелъ вездѣ сей слухъ,
То Римскій весь народъ возрадовался вдругъ.
Сей свѣту цѣлому и Римлянамъ былъ стыдъ,
Не дѣлалъ ничего въ свой вѣкъ кромѣ обидъ.
Сей Тотъ, кой заключивъ со многими миръ вѣчно,
Самъ послѣ нападалъ, губилъ безчеловѣчно.
Сей Тотъ, кой подданныхъ податьми изнурялъ;
Былъ скупъ, такъ Итала богатѣе вдругъ сталъ.

Оте-

Отечество войной привелъ сей къ раззоренью,
Сей смерти сродниковъ, боговъ предалъ сожженью.
Сей зданье Рима все хотѣлъ въ прахъ обратить,
Но только битыми людьми смогъ Римъ покрыть.
Симъ множество градовъ опустошилось,
Симъ множество честей и живота лишилось.
И такъ ты знаешь Римъ, Климентъ кто былъ таковъ?
Онъ былъ гладъ, смерть тебѣ, война и вѣчный ковъ,
Свирѣпъ, хитръ, хищникъ, лживъ, неправосуденъ злобенъ,
Ругатель былъ боговъ, обманщикъ, вѣроломенъ.
Сей добродѣтельныхъ и любящихъ покой
Гналъ, живота лишалъ и ссорилъ межъ собой.
Симъ стыдъ попранъ дѣвицъ, и попрана ихъ честность:
Богатствъ ужь въ Римѣ нѣтъ, видна повсюду бѣдность.
Сей захвативъ къ себѣ все сильною рукой,

Гражданамъ продавалъ высокой цѣ-
ной;
Сей для погибели всего въ Римѣ
народа
Поносный выдумалъ сїи два смерти
рода:
То предавать мечю и старыхъ и
младыхъ,
То голодомъ уморить чужихъ всѣхъ
и родныхъ,
И въ семъ токмо Климентъ свое
блаженство ставилъ!
И сколь онъ сожалѣлъ, что свѣтъ
сей цѣлой оставилъ,
И что не произвелъ войны между
боговъ,
Что онъ не могъ взнестись и жить
сверьхъ облаковъ!
Но, Римляне! его симъ словомъ не
обидимъ,
Что жилъ Климентъ, погибъ, отъ
всѣхъ былъ ненавидимъ.
Мы достодолжную ему честь воз-
дадимъ,
Коль птицамъ трупъ его въ снѣ-
денье отдадимъ,
Чтобъ Римская земля его не покры-
вала,
Чтобъ злости отъ его свободна
пребывала.
Но

Но что ужь Солнце къ намъ пускаетъ лучь свѣтлѣй?
Знать мы, о Римляне! дождались мирныхъ дней.
Возвеселись, народъ, начни въ долинахъ игры,
Не думай, чтобы тамъ теперь ужь были тигры,
Согрѣйте, граждане, обмерзлые сердца,
Не ждите болѣе живыхъ людей жреца.
Въ установленны дни отъ предковъ торжествуйте,
Климента съ Нерономъ во вѣки позабудьте.
И такъ спокойся Римъ, казнь, смерть прекращена,
И вольность прежняя тебѣ возвращена.

О двухъ родственникахъ, спорющихся въ раздѣленіи именія.

Между двумя нѣкоторыми родственниками въ раздѣленіи имѣнія, доставшагося имъ по наслѣдству, произошелъ столь великой споръ, что одинъ другому никакъ не соглашался добровольно уступить. И такъ дѣло дошло до суда. Изыскиваются для хожденія за дѣломъ стряпчіе, призываются къ суду, предстаютъ предъ законо-

законоискусниковъ, велѣно начинать дѣло и вступать въ формальной судъ. Одинъ заблаговременно догадавшись, противника отозвалъ въ сторону и сталъ говорить слѣдующее: *Во первыхъ*: весьма поносно намъ, что насъ, которыхъ натура соединила, деньги раздѣлили и привели въ разстройство.

Во вторыхъ: слѣдствіе спора нашего неизвѣстно столько же, сколько и войны. Весь нашъ споръ состоитъ о десяти золотыхъ, вдвое сей суммы надобно на однихъ стряпчихъ. Такъ же думать надобно, что сколько нибудь изойдетъ на натаріусовъ, на судей, на судейскихъ друзей, естьли станемъ добираться до скорѣйшаго законнаго опредѣленія. И такъ ежели ты не соглашаешся отступить отъ формальнаго суда, то я все дѣло оставляю на одного тебя. Я лучше желаю, чтобъ сіи деньги достались своему, нежели чужому. Великую сдѣлаю себѣ выгоду, ежели и славу сохраню, и друга сберегу и избѣгу толикихъ хлопотъ. Тронутъ былъ соперникъ какъ самою справедливостію предлагаемой ему вещи, такъ пріязнію и искренностію своего друга. И такъ дѣло рѣшили сами промежъ себя; а стряпчіе весьма были

не

недовольны и очень долго на нихъ сердились.

О женахъ Миніанскихъ.

Миніане, славный и храбрый на востокѣ народъ, будучи не довольны тѣмъ, что Спартанцы побѣдивши ихъ, по собственному ихъ требованію, уступили городъ Тиндаридъ и доставляли имъ довольное пропитаніе, стали еще безстыднымъ образомъ требовать всего того, что за ними прежде сей войны было. Спартанцы за такое вѣроломство опредѣлили посадить ихъ въ тюрьму. Жены ихъ, когда о семъ услышали и когда узнали такое Спартанцовъ обыкновеніе, чтобъ всѣхъ тѣхъ ночью казнить, которые посажены будутъ въ тюрьму, собравшись всѣ вмѣстѣ, пришли ночью къ оной тюрьмѣ, гдѣ были ихъ мужья, яко бы съ ними въ послѣдній разъ поговорить и повидаться. Взошедши въ тюрьму перемѣнялись съ мужьями платьемъ, сами остались въ ней, а мужьямъ велѣли, принявши на себя печальной видъ, итти домой. Въ назначенное время надобно было осужденныхъ казнить. Спартанцы, увидѣвши женъ осужденныхъ мужей, чувствительно были тронуты ихъ любовію

бовїю супружества и освободивъ ихъ отвезли къ Минянамъ мужьямъ своимъ.

Лоссій въ Елигр. стр. 277.

Чудиться будущимъ надлежитъ временамъ,
Какая въ сихъ женахъ любовь къ своимъ мужьямъ.

Палингеній въ Зодїаковой жизни.

Когда впадешь въ болѣзнь или постигнетъ старость,
То вѣрная жена тогда утѣха, радость.
Совѣтъ, привѣтъ всегда и голосъ подаетъ:
Старается помочь и отъ одра нейдетъ.

Никостратъ.

Не должно называть жену женою, ежели она не будетъ ласкова, привѣтлива и послушна, и недостойна имени ~~того,~~ ежели не будетъ къ мужу своему откровенна, чистосердечна и вѣрна.

О нѣкоторомъ мужѣ.

У однаго мужа была жена очень молодая, но напротивъ того весьма лѣнивая и около домашнева ничего не знающая и не разумѣющая. И сколь-

сколько онъ ей ни совѣтовалъ, чтобъ она была поприлѣжнѣе, однако всѣ его совѣты оставались тщетны. И такъ онъ за благо почелъ жену свою почаще проучивать ѣжжалымъ кнутомъ. Будучи такимъ образомъ жена его проучивана почти всякой день, наконецъ сказала ему: знаетъ самъ Всевѣдущїй Творецъ, что я готова работать и служить тебѣ во всемъ. Но чтожъ ты не дѣлаешь ничего? спросилъ ея мужъ. Причиною тому то, что ты меня бранишь всегда и бьешь; естьли же ты ласково и дружелюбно будешь со мною поступать и научать меня честными словами, то я стану дѣлать все для тебя угодное. Чтожъ? Не прошло еще трехъ дней, какъ подавая она мужу своему на столъ похлебку, всю оную пролила къ нему подъ ноги. Мужъ, пришедши отъ того въ великое сердце, ухватилъ въ переднемъ углу лежавшую нравоучительную книгу и зачалъ ею бить жену свою въ голову, приговаривая: ты просила для поведенїя себя въ добромъ порядкѣ хорошаго наставленїя и частыхъ словъ, такъ чтобъ твоя прозьба не осталась вотще, то вотъ, я тебѣ вмѣщаю въ голову цѣлую книгу, въ которой

торой находятся наставленія самыя лучшія и слова прямо спасительныя, и естьли послѣ сего не увижу ничего въ тебѣ проку, то безъ сомнѣнія и весь мой прежній въ исправленіи тебя трудъ пропалъ.

Эразмъ въ настав. о супруж.

Легче, думаю, снести разлученіе съ тѣломъ, нежели неудачливое и нещастное супружество. Ибо живущіе въ такомъ супружествѣ суть живые мертвецы потому, что тутъ нѣтъ ни согласія, ни совѣтовъ и нѣтъ ничего кромѣ плача и сѣтованія.

Онъ же.

Находятся еще и такіе люди, что развѣ убьешь ихъ до смерти прежде, нежели исправишь побоями; но пріязнію и ласковыми словами заставишь ихъ дѣлать все, что похочешь.

Герзонъ рѣчей 24.

Пріязнь и ласковыя слова дѣлаютъ мужа пріятнымъ женѣ.

Робертъ Горлотъ.

Женою должно управлять честно и ласково, а нежестокосердно и тираннически; словами, а не побоями; любовію, а не страхомъ. Фриксъ отъ уда-

ударовъ исправляется, но непокорная и упрямая жена не такъ. Ибо она отъ побоевъ не только не будетъ лучшею, но еще худшею.

О мущинѣ и женщинѣ случившихся на одной пирушкѣ.

Нѣкто по особенному какому-то случаю сродственниковъ своихъ, друзей и пріятелей созвалъ къ себѣ на обѣденное кушанье. Званые сошедшись въ надлежащее время посѣли за столъ. Случилось тогда такъ, что подлѣ учтиваго мущины сѣла не очень вѣжливая женщина. Сей, когда была поставлена рыба карпій, отломивши голову подалъ ей съ пристойною учтивостію. Она принявши отъ него голову, о которой думала, что она ей только достойна, держала долго въ рукахъ, оборачивала ее и обирала, что ей тогда взглянулось и похотѣлось; разобрать же ее, или разломить, почла она за излишнее, потому можетъ быть, чтобъ не упустить лучшихъ частей поставленной рыбы, или что почла ее не стоющею такого труда. И такъ обобравши только кой какъ съ вершочку, бросила всю голову подъ столъ. Примѣтя потомъ, что всѣ вдругъ стали на нее смотрѣть, закраснѣлась и

и стала раскаиваться, что она сдѣлала такъ плохо, и не могши отъ стыда усидѣть, наклонясь подъ столъ достала опять оную голову. Послѣ сего, подавшїй ей прежде оную голову, сталъ ее грубымъ образомъ уличать: не стыдноль тебѣ такъ дѣлать; сїя голова подана была тебѣ въ знакъ почтенїя, а не для того, чтобъ ты бросила ее подъ столъ. Для чего ты, когда тебѣ не похотѣлось оную разобрать, не отдала намъ. Пристыженная женщина не могши на сїе ему ничего отвѣчать, но отворатясь къ стѣнѣ выколола себѣ оба глаза. Знающїе политику и скромность скажите, кто изъ нихъ былъ учтивъ, кто поступилъ хорошо и похвально, кто худо и поносно.

О Мартинѣ бранчивомъ.

Сей былъ деревенской житель, человѣкъ впрочемъ богатой и честной. Онъ былъ на языкъ весьма дерзокъ; какъ скоро кто ему досадитъ, тому тотчасъ скажетъ, *чтобъ тебя громомъ убило до смерти.* Чтожъ съ нимъ случилось? Когда пришло время жатвы, то всею деревнею, въ которой онъ жилъ, выбрали его въ старосты, чтобъ онъ наряжалъ на рабо-

работу жнецовъ и смотрѣлъ за ними въ полѣ, дабы проворнѣе работали. Случилось, что онъ увидѣлъ одного, двоихъ и многихъ то стоящихъ, то назадъ озирающихся, въ чемъ весьма на нихъ разсердился и зачалъ кричать: что вы лѣнивцы стоите, работайте, чтобъ васъ тутъ громомъ побило. Чтожъ? Нѣсколько спустя послѣ великаго жара вдругъ взошла прегрозная туча, и нечаянно начала палить молнія и грѣмѣть громъ. Мартинъ самъ испужавшись, зачалъ бѣгать и искать, гдѣ бы укрыться отъ молніи и грому, однако вдругъ былъ пораженъ, но такъ, что больше былъ приведенъ въ изступленіе и безпамятство, нежели чтобъ совсѣмъ былъ убитъ, ибо молнія всѣ бывшія у него на головѣ и бородѣ волосы опалила и отварила какъ бы искусной брадобрѣй бритвою; да и все что на немъ ни было, шляпу, кафтанъ, рубашку, чулки и сапоги силою оной молніи на мѣльчайшія части разодрано было такъ, что какъ бы сіе сдѣлалъ портной, употребивши особенное искусство. И такъ бѣдной Мартинъ, не имѣя чувствъ, потерявши голосъ, постыдно передъ жнецами и ихъ женами лежалъ и стеналъ

 такъ,

тако, что многіе отчаяли ему быть живому. Но чрезъ нѣсколько времени пришедши въ себя, послалъ домой человѣка, чтобы онъ взявши у жены его платье, пріѣжжалъ по него, и съ сихъ поръ Мартинъ не сталъ болѣе браниться такими словами.

О нѣкоторой дѣвушкѣ.

Одна дѣвушка Римлянка, когда ѣхала въ Апулію, на дорогѣ поражена была громомъ. Платье, чулки и башмаки съ нее, также перлы съ шеи и золотое кольцо съ руки сорваны были безъ наималѣйшей порчи. Тѣло обнаженное лежало. —Между родами молній есть одинъ такой родъ, называемый свѣтлый, что изъ бочекъ въ мгновеніе ока вырываетъ воду не повреждая ихъ нимало; золото и серебро въ мѣшкахъ растопляетъ, мѣшки же самые и прилѣпленные къ нимъ восковые печати остаются ни въ чемъ не вредимы. Сказываютъ, что Марція жена одного Римскаго начальника, по свидѣтельству Плинія, хотя младенецъ бывшій въ ея утробѣ силою оной молніи умерщвленъ и выброшенъ, жила еще нѣсколько времени, не чувствуя въ себѣ послѣ того никакой боли.

Еще примѣръ о убитыхъ громомъ.

Сказываютъ, что на островѣ Лемно найдены были подъ сосною мертвые восемь жнецовъ въ такомъ точно положенїи, въ какомъ тогда обѣдающихъ ихъ поразилъ громовой ударъ, какъ то: одинъ казалось ѣлъ, другой стаканъ съ водою несъ ко рту, третїй пилъ, четвертый въ зубахъ чистилъ и проч. И какъ всѣ они были черные, то представляли видъ статуй.

О нѣкоторомъ Парижскомъ шутѣ.

Софисты нѣкогда въ Парижѣ съ докторами,
Имѣли споръ о томъ, чего не знали сами,
Подшедъ къ нимъ шутъ, то есть, забавной человѣкъ,
Назвалъ глупцами ихъ; и споръ ихъ симъ пресѣкъ;
Что лучше смертному, творить ли то, что знаетъ,
Иль размышлять о томъ, чего не понимаетъ,
Рѣшите? Мудрецы запросъ услышавъ сей,
Судили, спорили чрезъ нѣсколько хоть дней,
Но основательно сїю его задачу,
Рѣшить не знали какъ; сказали на удачу,

 Кто

Кто лучше знаетъ что, то дѣломъ исполнять,
По семъ къ нимъ оный шутъ, позвольте же сказать:
Ученіе Христа извѣстно вамъ и ясно,
Почто же оному творите несогласно!

О деревенскомъ Пасторѣ и не очень честной женщинѣ.

Нѣкогда деревенской Пасторъ, будучи у одного крестьянина въ пирушкѣ на родинахъ, сталъ за ужиномъ говорить различные стихи изъ Священнаго Писанія и сказывать многія различныя примѣры, которыми объяснялъ, сколь великой грѣхъ дѣлаютъ тѣ жены, которыя, имѣвши у себя мужей, чужихъ непозволительнымъ образомъ любятъ. Услышавши сіе сидѣвшая подлѣ его женщина, которая тогда была кумою, почла сіи слова для себя колкими, думая, что они къ ней только клонились, и что въ семъ прочіе ее подозрѣваютъ, наконецъ сказала: Я бы желала, честный отецъ, что бы у каждой таковой женщины вырасло на лбу по рогу, чѣмъ бы они отличались отъ постоянныхъ и честныхъ женъ. И едва успѣла только сіи слова выговорить, вдругъ зачала крестить свой лобъ, лицо и грудь, творя сію молитву:

Дай

Дай боже, чтобъ сїе сбылось только съ ненавистницами моими, а меня избави.

Мнѣнїя.

Христофоръ Авлей.

Старайся завсегда похвально жить
и честно:
Скрывать порокъ и грѣхъ, стара-
нїе есть тщетно.
Не сыщешь мѣста здѣсь въ свой
вѣкъ ни одного,
Чтобъ безъ свидѣтеля могло быть
твоего.
Пороковъ видѣть всѣхъ не можетъ
человѣкъ,
Но видитъ зрящїй все отъ безна-
чальныхъ вѣкъ.

О нѣкоторомъ ворѣ.

Въ Германїи въ одномъ трактирѣ, когда между прочими тамъ ужинающими удалось сѣсть вору, о безпорядкахъ коего никто изъ тѣхъ ниже самъ трактирщикъ не вѣдалъ, случилось, что за ужиномъ свѣча тратилася безпорядочно, ибо опустившаяся съ ночника, висящаго надъ сею свѣчею маслиная веревочка, лежала на ней и оную весьма отаивала. Сїе видя трактирщикъ вдругъ закричалъ, ей братцы! воры, воры, ловите, вяжите, душите. Сими словами

хотѣлъ онъ только побудить подлѣ свѣчи сидѣвшихъ, чтобъ оную веревочку скорѣе отъ оной отняли и затушили. Чтожъ? Воръ оный сидѣвши въ серединѣ подумалъ, что это трактирщикъ на него извѣщаетъ, столь былъ ударами совѣсти пораженъ, что выскочивши изъ за стола, оставя въ трактирѣ шляпу, перчатки и палку, ударился какъ наивозможно скорѣе бѣжать.

Мнѣнія.

Бернардъ.

Состоянїе беззаконниковъ есть таковое: все имъ кажется странно и несносно, боятся тѣни, дрожатъ услыша стукъ, и представляется имъ, что все противъ нихъ идетъ. Когда они видятъ толпу людей, идущихъ хотя въ другое совсѣмъ мѣсто, думаютъ, что они идутъ къ нимъ: или когда другїе говорятъ о чемъ либо, или разсуждаютъ, тогда имъ думается, что они говорятъ и судятъ объ нихъ. Ибо порокъ есть такая вещь, которая изобличаетъ безо всякаго свидѣтельства, осуждаетъ безо всякаго доказательства, и виновника своего дѣлаетъ робкимъ, блѣднымъ и разстройнымъ.

Онъ же.

Онъ же.

Совѣсть есть какъ бы одръ душѣ, на которомъ человѣкъ, или покоится, или мучится. Ибо видимъ, что здоровой человѣкъ на одрѣ наслаждается спокойствіемъ, а больной мучится отъ ранъ. Подобнымъ образомъ доброй человѣкъ въ чистой совѣсти пріятно успокоивается, а худой всегда ударами совѣсти мучится.

Луканъ.

Какъ зажженная свѣча поставляется въ домѣ для того, чтобъ можно было видѣть и различить находящіяся въономъ вещи: такъ Богъ вложилъ совѣсть въ нѣдра сердца и въ разумную душу, яко свѣтильникъ, посредствомъ котораго душа видитъ и различаетъ, что должно и чего не должно дѣлать.

Георгій въ заключеніе.

Во всѣхъ вашихъ разговорахъ должны мы тайно прибѣгать къ разсудку и относиться къ внутреннему свидѣтелю [совѣсти.] Ибо какое спокойствіе, ежели тебя всѣ хвалятъ, но совѣсть обвиняетъ? Какое же тутъ нещастіе, ежели тебя другіе поносятъ, въ чемъ совѣсть дѣлаетъ тебя правымъ?

О женщинѣ отъ мужа своего оклеветанной.

Когда пришлось писать о жесточайшихъ наказанїяхъ, то не могъ, чтобъ здѣсь гораздо не помедлить и не подумать подолѣе, дабы мало знающимъ и разумѣющимъ судьямъ сказать что нибудь нужное и выгодное. Находятся безъ сомнѣнїя люди столь нѣжнаго и слабаго сложенїя, что узъ и темницъ чрезъ долгое время никакъ вытерпѣть не могутъ, но будучи заключены въ оныя часто приходятъ въ изступленїе ума, падаютъ въ обморокъ и обмираютъ. И такъ весьма часто случалось, что многихъ находили въ темницахъ полумертвыми. И когда находятся нѣкоторые, кои мышей и кошекъ смертельно боятся, то кому сомнительно покажется, чтобъ не было и такихъ, которые въ понесенїи жесточайшихъ мученїй гораздо слабѣе, или совсѣмъ снести не могутъ? Но будучи подвержены наказанїю показываютъ на себя и то, чему совсѣмъ не причастны, и потому невинны осуждаются и теряютъ жизнь. Я здѣсь сообщу особенный случай изъ нѣкотораго писателя.

Нѣкто въ преданїяхъ своихъ пишетъ, что при его жизни былъ нѣкото-

который въ Верселлахъ мужъ, который жену свою подозрѣвалъ въ любви съ нѣкоторымъ юношею, на котораго онъ имѣлъ нѣкоторую злобу и досаду. Жена его и юноша сей не токмо посажены были въ тюрьму, но еще отданы подъ жесточайшее истязанїе и допрашиваны. Юноша хотя былъ совсѣмъ не виноватъ, но дабы избавиться отъ жестокости наказанїя и попользоваться еще сколько нибудь жизнїю, сказалъ на себя, что онъ виноватъ, почему и приговоренъ былъ къ смерти. О крайности! Невинный юноша признается въ незнаемомъ имъ преступленїи, дабы спасти жизнь, но тѣмъ самымъ прекращаетъ оную. Женщина призванная къ допросу изобличала сего юношу въ ложномъ показанїи и признанїи, и среди самыхъ жесточайшихъ мученїй пребыла непоколебимою, и не показала, что она была въ семъ участна. Юношѣ, такъ какъ онъ самъ признался, отрубили голову, и женщинѣ потому опредѣлили равную участь. Но Провидѣнїе очевидно въ семъ случаѣ явило свое правосудїе и всемогущество, подкрѣпляя оную женщину до того, что она безъ всякаго смущенїя наклонила голову свою подъ острїе меча, по которой палачь столь

сильно

сильно ударилъ, что мечь изъ рукъ у него выпалъ. Сїе увидѣвши другой поспѣшилъ къ окончанїю жизни оной невинной и рубилъ многократно шею, но тщетно.

Г. Лютеръ г I. Ситтембергъ на Нѣмецкомъ, стр. 297.

О нѣкоторомъ кулцѣ и палачѣ.

Въ Мецїи произошелъ нѣкогда такой случай, которымъ законо-искусники могутъ приведены быть въ немалой страхъ или по крайней мѣрѣ сдѣлаться гораздо осторожнѣйшими. Въ домъ одного знатнаго и богатаго купца, жившаго въ ономъ городѣ, вломившись палачь въ то самое время, когда оной купецъ былъ въ отлучкѣ, не только жену его и со всею фамилїею убилъ, но все сокровище, золото и серебро дѣланное и не дѣланное унесъ. Когда купецъ возвратился домой и увидѣлъ столь ужасное въ домѣ своемъ позорище, залился слезами и былъ въ недоумѣнїи. Палачь же увѣдавъ о его возвращенїи, вездѣ разнесъ слухъ, что будто самъ купецъ, которой теперь притворно плачетъ, толикаго злодѣянїя въ своемъ домѣ причиною. Почему оный купецъ во первыхъ былъ заключенъ въ темницу, потомъ къ допросу призванъ и изспы-

занїю

занію подверженъ. Палачь же, дабы не подать на себя въ семъ преступленіи ни малѣйшаго подозрѣнія, ни единой не пропустилъ жестокости мученій, но всѣ съ жестокосердіемъ на него до тѣхъ поръ налагалъ, пока оный нещастный купецъ не сказался онаго дѣла виновникомъ. Какъ же скоро онъ сказался, что то имъ учинено, о чемъ онъ никогда и не воображалъ, весьма тираннически наказанъ и лишенъ жизни. Но Всевѣдущее Существо невидимо воздало сему убійцѣ достойное. Ибо, когда онъ продавалъ нѣкоторому Жидовину серебряные стаканы, тогда такъ былъ духомъ смущенъ, что совсѣмъ не пришлось ему на мысль и не примѣтно было вырѣзанное на нихъ слово *Веналицій* (это было имя онаго купца.) Жидовинъ признавши онаго купца рѣзьбу и работу, взялъ отъ палача стаканы и отнесъ немедленно въ судебное мѣсто. Палачь былъ пойманъ, почтенъ за убійцу, въ чемъ онъ и признался. Вотъ сколь плачевныя и ужасныя по содѣйствію діавола врага всему роду человѣческому бываютъ между смертными случаи! чтожъ послѣ сего судьи? Покрыли себя вѣчнымъ стыдомъ.

О славномъ Катаненскомъ плаватель Колѣ.

Сей за особенное искусство въ плаванiи отъ своихъ сосѣдей названъ былъ рыбою или морскимъ звѣремъ, ибо онъ плавалъ чрезъ самыя опаснѣйшiя морскiя мѣста, и, когда особливо хорошая погода и воды стремятся въ одну сторону, переплывалъ не отдыхая 50 верстъ. Въ одно время Мессонской Царь бывши въ корабельной пристани полюбопытствовалъ посмотрѣть на искусство плавателей; а дабы болѣе заохотить и поощрить, бросилъ онъ въ море пребольшую золотую чашу въ награжденiе тому, кто ее достанетъ: то Кола первой съ жадностiю бросившись за симъ драгоцѣннымъ сосудомъ, остался самъ вѣчно на днѣ морскомъ, опасаяся оттуду выплыть, дабы товарищи не отняли неоцѣненной оной добычи.

О тѣлѣ умершаго человѣка не обыкновенной величины.

При Генрихѣ II. Императорѣ найдено было, въ Римѣ тѣло, лежавшее нѣсколько лѣтъ въ гробѣ, которое не совсѣмъ еще согнило. Оно показывало такого человѣка, которой былъ

не

не менѣе Гиганта или великана, ибо длина его превышала высоту стѣнъ градскихъ. Въ срединѣ груди его была рана въ четыре фута съ половиною, подлѣ головы его стоялъ факелъ и лежала на паргаментѣ написанная слѣдующая надпись:

На мѣстѣ семъ лежитъ Палласъ
Евандровъ сынъ,
Грудь коему стрѣлой пронзить смогъ
Турнъ одинъ.

Иносказанїе о Правдѣ и одной старухѣ.

Правда, будучи нѣкогда гонима, странствовала вездѣ, ища себѣ пристанища и покровительства, котораго однако нигдѣ не нашедъ принужденною нашлась зайти въ худой шалашъ, гдѣ тогда жила одна старуха. Сїя принявши ее въ свою гостильницу очень благосклонно, спрашивала, кто она такова, откуда и куда идетъ такъ поздо. Я есмь Правда, отвѣтствовала ей, которую многїя ненавидятъ, гонятъ и которой нигдѣ мѣста дать не хотятъ. За чтожъ бы это было, спросила старуха? За то, что я всякаго обвиняю въ худыхъ дѣлахъ, ни въ чемъ не притворствую, ничего не таю и не таюсь. А какъ никто почти изъ смертныхъ

хулы и улики терпѣливо снести не можетъ, то отъ сего самаго на меня и нападки и гоненіе. Чтожъ послѣ? Поужинали, пошли спать. Вставши, когда разсвѣло бѣло, пошли одѣваться, Правда увидѣвши, что у старухи на одномъ глазѣ бѣльмо, сказала ей про сіе. Она вдругъ на это осердившись, Правду съ жестокостію погнала вонъ изъ своего шалаша, говоря: по справедливости не даютъ тебѣ нигдѣ мѣста и всѣ ненавидятъ, когда ты такъ смѣло открываешь пороки другихъ и объ оныхъ умалчивать не умѣешь.

И такъ когда напоминаніе и исполненіе правды кому нибудь ненавистно и тягостно, то такого, который всегда любитъ слышать правду, не должно ли превознесть выше человѣческаго состоянія?

О простинькой нѣкоторой деревенской женщинѣ.

Въ Гонѣ у одного сталяра была жена честная Правда, но очень дурна; неопрятна и съ лишкомъ проста. У ней околѣла корова, которая и была только одна: когда ее вытащили изъ клѣва и живодеръ хотѣлъ снимать кожу, то дѣти оной сталярки прибѣжав-

бѣжавши весьма долго надъ ней плакали. Мать, которая и сама безъ памяти объ ней тогда ревѣла, сжаляся надъ дѣтьми и боясь, чтобъ они не надсѣлись съ крику, обняла ихъ въ охабку и стала ихъ утѣшать: *Любезные мои дѣтушки перестаньте тужить и плакать по любезной нашей коровушкѣ, намъ ужъ ее не оживить, пускай ее обдерутъ, ибо и намъ этой дорожки не миновать.*

О нѣкоемъ юношѣ вдавшемся въ пьянство.

Одинъ юноша знаменитѣйшаго нѣкоего Богослова и весьма честной матери сынъ, будучи ими отпущенъ въ Виттембергъ для большаго свѣденія наукъ и просвѣщенія своего разума, прилѣжно, правда и часто ходилъ на лекціи, но обыкъ пить хмѣльное гораздо больше, нежели какъ такихъ родителей сыну и такого возраста и состоянія человѣку прилично было. Ибо не проходило почти ни одного обѣда и ужина, чтобъ за оными не напивался до того, что уже послѣ валился на постелю не помня самъ себя. Между стаканами же привыкъ весьма часто говорить сіи слова:

Родители мои стаканомъ прежъ пивали,
А нынѣ переставъ мнѣ пить такъ приказали,

Стараяся симъ самымъ не столько изобличить родителей своихъ въ пьянствѣ, сколько защитить и избавить отъ посмѣянія себя и наглую свою страсть къ повсеминутнымъ пированіямъ. Въ ономъ юношѣ видна была особенная острота разума, и онъ, безъ сомнѣнія, въ знаній могъ бы сдѣлаться подобнымъ своему отцу, естьли бы къ оному пороку не былъ попользновененъ. Ибо пристрастіе къ мотовству и пьянству несказанно сколь много и многимъ препятствуетъ къ просвѣщенію, котораго, хранящіе воздержаніе приложивши посредственное стараніе, достигнуть могутъ. Мы будучи въ молодыхъ лѣтахъ сему мало вѣримъ, но пришедши въ старость ознаемся, крайнѣ сожалѣемъ, иногда и плачемъ, но поздо.

Бернардъ.

Кто не можетъ быть добрымъ наставникомъ и учителемъ своимъ дѣтямъ, какъ тотъ можетъ наставить и научить чужихъ? Кто попу-

стилъ развратиться тѣмъ, которыхъ съ самаго начала жизни имѣлъ при себѣ, и надъ которыми, какъ послѣ законовъ, такъ и по праву естества, полная настоитъ власть? Какъ тотъ можетъ пользовать чужимъ? Ибо натурально, что отецъ никогда не терпитъ, чтобъ его дѣтямъ приключилось какое либо зло, развѣ будетъ самъ крайнѣ недовѣрчивъ и къ нимъ неусерденъ. Несродно также кажется быть и тому, чтобъ изъ того, котораго воспитывали съ крайнимъ раченіемъ и прилѣжаніемъ, произошелъ худой человѣкъ.

О нѣкоемъ Профессорѣ Ариѳметики.

Одинъ юноша, получивши Магистерской чинъ; за благо почелъ взять изъ Академіи своего отечества нѣсколькихъ учениковъ для обученія Ариѳметики приватно у себя въ домѣ съ тѣмъ, чтобъ и самому въ сей наукѣ еще болѣе успѣть, и чтобъ получать отъ нихъ какой нибудь капиталъ. Обучая такимъ образомъ годъ и два весьма хорошо самъ успѣлъ въ Математикѣ, и въ наученіи оной своихъ учениковъ оказалъ передъ отечественниками довольное прилѣжаніе. Симъ онъ наконецъ прославился столько, что извѣстнымъ

сдѣлался главнымъ своей Академіи членамъ, которые и исходатайствовали ему чинъ Профессора Ариѳметики. Получивши сіе съ великою радостію юноша всѣ свои мысли и силы устремилъ къ тому, какъ бы пріискать хорошинькую, постоянную и побогатѣе дѣвицу и на ней жениться. Для сего немѣдленно поѣхалъ онъ въ Торгу, гдѣ пріискавъ у одного пребогатаго Судьи дочь, сталъ за себя сговаривать. А чтобъ не получить въ такомъ случаѣ отказа и не остаться въ вѣкъ неженатымъ, сталъ оному Судьѣ пересказывать о своемъ состояніи и увѣрять, что онъ въ своей Академіи Профессоръ и годоваго жалованья получаетъ 200 червонныхъ, да притомъ и послѣ родителей получилъ хорошее наслѣдство, и сверьхъ всего сего сказалъ ему, что онъ по милости Божіей такого знанія и ученія, что какъ только пожелаетъ, безъ всякаго труда, только стоитъ припудриться получше, получитъ Докторское достоинство. Судья поколику слыхалъ, что Профессоры въ великой славѣ и уваженіи, а Докторы еще и больше, дочь свою по собственному ея и по ея матери желанію за него отдать соглашается: однако съ та-

такимъ предлогомъ, или условіемъ, чтобъ точно по прошествіи двухъ лѣтъ просилъ и старался о полученіи Доктора. Уговорившись такимъ образомъ съ нимъ ударили по рукамъ, и дѣвушка весьма пригожая, постоянная и съ богатымъ приданымъ, по благословенію Божію и по совѣту добрыхъ людей, обвѣнчана была за него. По окончаніи брака и по прошествіи торжества сего, новобрачная его весьма рачительно и порядочно стала исправлять должность усердной и къ своему дому рачительной хозяйки, такъ что по вечеру ложится спать послѣ всѣхъ, а по утру вставши ранѣе всѣхъ, что нибудь дѣлаетъ. Но чтожъ напротивъ сего приближающійся къ Докторству? Онъ почетши для себя довольнымъ то, что онъ публичный Профессоръ, отпустилъ отъ себя всѣхъ учениковъ, и вдался самъ въ праздность и нерадѣніе, такъ что спитъ безъ просыпу до бѣлаго дни, а проснувшись лежитъ на постелѣ часовъ пять, совсѣмъ же встаетъ къ 12 му часу, то есть къ обѣду. Молодая и добронравная его жена весьма вознегодовала на него за такую лѣность. Видя же, что онъ не исправляется, но еще больше портится, вышла наконецъ изъ терпѣ-

 нія

нія и стала говорить ему слѣдующимъ образомъ: Господинъ Профессоръ, прошу покорно встать и за что нибудь приняться. Не ужели ты позабылъ, что ты при сговорѣ меня за себя въ замужство, родителямъ моимъ и мнѣ клялся, что ты черезъ два года будешъ Докторъ? Пожалоста, ежели меня любишъ, растанься съ постеліею и что нибудь читай, или пиши, и оное свое обѣщаніе потщися исполнить. Воистинну, повѣрь мнѣ, что ты съ этимъ безплоднымъ сномъ и проклятою лѣностію Докторства вовѣки не увидишъ. Встаньже, прошу ради Бога, встань и чѣмъ нибудь займись. Сказать не можно, какъ мнѣ хочется съ Докторомъ пожить. Чтожъ? Хотя она ему всякой день сію пѣснь пѣла, такъ что отдыху не давала, однако онъ, всѣ ея прозьбы и слова отъ однаго уха пропуская въ другое, продолжаетъ сонъ свой и нерадѣніе по прежнему, и не отсталъ ни отъ того, ни отъ другаго даже и тогда, когда тесть его человѣкъ весьма случайной и мужъ изящной добродѣтели, обѣщался ему всячески помогать и доставлять все то, что только нужно будетъ къ его промоціи, или повышенію чиномъ. И такъ сталось,

что

что Іоаннъ остался навсегда тѣмъ, чѣмъ былъ, и никогда не былъ Докторомъ.

Мнѣнія.

Нѣкоторой мудрецъ.

Мудрыя жены созидаютъ домы, а безумныя оныя разоряютъ.

Онъ же.

Жена трудолюбивая и мужественная украшеніе своему дому и вѣнецъ мужу; а злая въ домѣ своемъ не что иное есть, какъ червь все въономъ погубляющій.

Мнѣнія противъ лѣности.
Петръ Монтанъ.

Науки не слѣдуютъ за карманомъ. Онѣ спутницы суть прилѣжанія и охоты. И такъ Аристотель на предложенный ему вопросъ, гдѣ обитаютъ Музы, весьма правильно отвѣчалъ, въ душахъ трудолюбивыхъ учениковъ.

Еразмъ.

Которымъ непріятны кажутся науки, тѣ ко избѣжанію оныхъ извиняются, или слабостію здоровья, или упражненіями въ домашнемъ чемъ либо, или худою погодою, зимой стужею,

лѣтомъ зноемъ и дождемъ. Кои не хотятъ читать полезныхъ книгъ, тѣ извиняются недостаткомъ хорошаго и удобнаго къ тому времени: поѣвши оныхъ читать не можно, говорятъ они, прежде нежели желудокъ сваритъ пищу; а голоднымъ скучно и непріятно; когда настаетъ день, за непристойное считаютъ сидѣть дома, вечеромъ сидѣть при свѣчѣ глазамъ вредно: ежели въ домѣ во всемъ достатокъ, то какая нужда въ наукахъ; ежели сего нѣтъ, то отвергаютъ, чтобъ бѣдный могъ философствовать; юноша не вѣритъ, чтобъ трудами можно было поддержать здоровье и сдѣлать жизнь долговременнѣйшею; совершенновозрастный говоритъ, что здоровье должно беречь наипаче всего. Смотри въ его пословицахъ, *лѣнивымъ всегда бездѣлье.*

Горацій о наукѣ стихотворческой.

Кто хочетъ достигнуть цѣли крайнихъ своихъ желаній, тотъ долженъ въ молодости много потѣть и трудиться, и всячески предостерегаться Бахуса и Венеры, то есть, не вдаваться въ пьянство и сладострастіе.

Сене-

Сенека.

Праздность безъ наукъ есть смерть и погребенïе живаго человѣка.

Старинная рѣчь.

Лѣнивый спитъ, лежитъ и празденъ завсегда.
Но быть въ спокойствïи не можетъ никогда,
Покой великими трудами покупаютъ,
Трудолюбивые одни покой вкушаютъ.

О мужѣ рачливомъ и женѣ его смирнинькой.

Нѣкто въ повѣствованïяхъ своихъ между прочимъ пишетъ, что одинъ весьма запальчивой и сердитой мужъ билъ иногда жену свою немилосердо и тираннически. Въ одно время какъ она отъ своего мужа, или лучше сказать, тигра претерпѣла жесточайшïе удары, то зашедши въ одну дома своего каморку оплакивала горькую свою участь безъ всякаго вопля, дабы никто не слыхалъ. Мужъ, какъ уже гнѣвъ въ немъ сталъ утихать и родилось сожалѣнïе, пришелъ тудаже и видя жену свою лежащую и обливающуюся слезами, сталъ ей говорить:

что ты какъ будто малинькая зашедши сюда тоскуешь и плачешь, не крушись сдѣлай милость, и отри свои слезы. Начто она ему отвѣчала; я лучше здѣсь въ своемъ домѣ довольно наплачюсь, нежели чтобъ мнѣ выбѣжавши на улицу во все горло ревѣть и всѣмъ извѣщать, что меня мужъ бьетъ безъ милосердія, а за что, не знаю. Весьма хорошій отвѣтъ женщины весьма смирной и скромной. Ибо которые добрые и честные жены, тѣ нанесенные отъ своихъ мужей обиды, не только скрываютъ, не говоря объ нихъ ни слова, но еще всячески стараются загладить и изгнать изъ памяти.

Мнѣнія.

Францискъ Барбаръ знаменитѣйшій Ораторъ объ отношеніяхъ женъ къ своимъ мужьямъ.

Кн. I. гл. I.

Что полезнѣе, какъ имѣть въ домѣ общій совѣтъ даже и о малѣйшихъ вещахъ? Что пріятнѣе, какъ имѣть цѣломудренную и честную жену, которая и въ щастіи и нещастіи участница, помощница и вѣрный другъ? Кому тайныя мысли о чемъ либо домаш-

машнемъ, кому малыхъ и общихъ дѣтей лучше и надежнѣе ввѣрить можно какъ не женѣ? Между чьими разговорами и прiязнiю усталость и печаль отъ чего либо приключившуюся скорѣе позабудешъ, какъ не между женниными. Почему такъ люби жену свою, чтобъ она сознавалася, что въ ея щастливой жизни заключается нѣкоторая часть твоей. И Цензорiй Катонъ сiе же за благо почелъ столько уважить, что кто ударитъ жену свою рукою, тотъ неменьшее преступленiе дѣлаетъ, какъ кто наругается надъ изображенiями боговъ, и, по его мнѣнiю, достоинъ оный, такъ какъ и сей, всегдашняго презрѣнiя и поношенiя.

О деревенскомъ мужикѣ великомъ лукавцѣ, и сапожникѣ весьма хитромъ.

Одинъ мужикъ, привыкши всякаго обманывать и всегда лукавить, пришелъ нѣкогда къ сапожнику и показавши ему голые ноги всячески просилъ, чтобъ онъ сшилъ ему пару сапоговъ къ жатвѣ, которая поспѣетъ черезъ недѣлю. Но чтобъ не получить отъ него въ семъ отказа и достигнуть своего желанiя, не масте-

стеромъ, но сударемъ сталъ при всякомъ словѣ приговаривать и величать, потомъ сдѣлавшись такимъ униженнымъ и услужливымъ, подводилъ разныя шутки и точилъ балы, наконецъ сталъ ему льстивыми словами говорить: нынѣ мнѣ бесъ далъ какой хорошой хлѣбъ, естьли я приберу къ рукамъ и обмолочу, тогда тебѣ, сударь, сколько понадобится, отпущу. Послѣ сего началъ было, кой что еще разглагольствовать, но сапожникъ, которой былъ, какъ говорится, себѣ на умѣ, пресѣкъ его балы и на прежнія слова его отвѣчалъ такимъ образомъ: весьма мягко ты говоришъ, однако сими балами и ласками ты у меня сапоговъ не выторгуешъ, развѣ дашъ впередъ деньги. Я знаю сложеніе и нравъ деревенскихъ мужиковъ: у нихъ только то и на умѣ, какъ бы кого обмануть, а послѣ хоть совсѣмъ не знаться, и то почитаютъ еще за честь и хвалу, естьли кого обманутъ. Мужикъ и такъ и сякъ къ нему подлезалъ и ласкался, однако оный сапожникъ ни ласкательствами, ни поблажками его не прельстился и на прозьбу его не склонился, только въ послѣдній разъ сказалъ ему, соловья баснями не кормятъ,

то

то естьли хочешъ носить сапоги, дай напередъ деньги, въ противномъ же случаѣ хоть лобъ разбѣй кланявшись, не будетъ тебѣ не только сапоговъ, но ниже головъ.

Мнѣнія.

Германъ Шоллеръ въ придворной жизни.

Ласкательства суть сладкій медъ, пріятное щекотаніе ушей и пространный путь къ милости и благосклонности легкомысленныхъ людей. Не льзя впрочемъ не признаться, что весьма трудно да и не возможно почти избѣгнуть отъ всякихъ ласкательствъ хитрыхъ и пронырливыхъ людей, потому что такіе люди не всегда одинакое имѣютъ на себѣ лице, но часто перемѣняютъ оное. Однако кто не всякому скоро вѣритъ, и кто не очень легкомысленъ, тотъ не часто обманывается. И естьли кто не любитъ ласкательствъ и желаетъ узнать, не льститъ ли тотъ, кто ему о чемъ либо говоритъ съ униженіемъ, совѣтую тому при всякомъ словѣ говорящаго съ собою спрашивать, что, для чего, какъ, съ какимъ намѣреніемъ и на какой конецъ говоритъ онъ, или о новостяхъ какихъ, или представляетъ какія шутки.

Нравоучительное мнѣнїе.

Цицер. Кн. I. гл. 26.

Надобно остерегаться, чтобъ не слушать ласкателей, и не допускать до того, что бы намъ ласкали, въ чемъ легко обмануться можно тѣмъ наипаче, что мы отъ натуры толь высокое о себѣ мнѣнїе имѣемъ, что думаемъ, будто насъ по справедливости похвалами превозносятъ, отъ чего люди безчисленнымъ образомъ погрѣшаютъ: ибо будучи надменны высокими о себѣ мнѣнїями и обращаясь въ великихъ заблужденїяхъ, причину подаютъ къ посмѣянїю надъ собою.

О томъ, какъ въ городѣ Клагефуртинѣ наказываютъ воровъ.

Кориноской Провинцїи въ городѣ, называемомъ Клагефуртинѣ, жестокое заведено противу воровъ обыкновенїе. Ежели кто пойманъ и приличенъ будетъ въ воровствѣ, того тотъ же часъ повѣсятъ. Наказавши его такимъ образомъ, спустя три дни, разсуждаютъ о его преступленїи. Ежели окажется виноватымъ, то оставляютъ кадаверъ [мертвое тѣло] на виселицѣ, пока самъ оторвется и упа-

упадетъ на землю; а ежели невиноватымъ, то продавши, ежели есть повѣшеннаго имѣніе, а ежели нѣтъ, то судьи сдѣлавши складчину, похороняютъ его публично.

О нѣкоемъ Серебряникѣ.

Сказываютъ, что въ Касселлахъ нижней Митрополитанской Гисси былъ одинъ молодой человѣкъ, которой обучаясь нѣсколько времени серебряныхъ дѣлъ мастерству, наконецъ совершенно спознавъ оное, отошелъ отъ мастера въ свой домъ и женился на одной молодой дѣвушкѣ. На первомъ году женидьбы его родился у него сынъ; и такъ онъ сдѣлавшись отцемъ, пошелъ къ одному бывшему прежде Консуломъ, просить и молить его, чтобъ онъ не погнушался быть воспріемникомъ новорожденнаго его младенца. Бывшій Консулъ благосклонно принявши предложеніе сего новаго своего кума, по вечеру пошелъ по своимъ родственникамъ и друзьямъ просить ихъ, чтобъ они для церемоніи пришли назавтрее въ церковь, когда будутъ крестить младенца. Они въ назначенной часъ собравшись въ церковь молили боговъ о здоровьѣ и о проч. сего младенца, потомъ когда

да окрестили его, пошли всѣ въ домъ сего серебряника, какъ то обыкновенно бываетъ. Сей принялъ ихъ ласково и просилъ сѣсть за столъ. Оной былъ накрытъ въ скорѣйшемъ времени. Обѣдъ начинался весьма великолѣпно, и гости начинали кушать весьма весело тѣмъ паче, что Тафельдекаремъ былъ тогда Адамъ Анерфелдъ человѣкъ прямо доброй, а оному бывшему Консулу, а нынѣ сущему куму, великой другъ и пріятель, да притомъ превеликой весельчакъ и забавникъ. По нѣсколькихъ перемѣнахъ, молча подошелъ къ столу оный серебряникъ, и стоя какъ рыба, то на того, то на другаго глаза свои быстро устремлялъ, какъ бы считая каждаго самые глотки, и сколько кто съѣстъ кусковъ жаренаго или варенаго. Быстрѣе же и пристальнѣе всего смотрѣлъ онъ на Тафельдекаря, сколь онъ исправно отправлялъ свою должность. Иногда сей рѣзалъ курицу, или индѣйку, или другое что, и по пропорціи раздавалъ гостямъ, то оный серебряникъ при всякомъ протяганіи руки его къ гостямъ своимъ перемѣнялся въ лицѣ, то морщилъ лобъ, то чесалъ затылокъ, чрезъ что всякой изъ обѣдающихъ могъ догадаться, что ему край-

крайнѣ непріятно то, что они ѣдятъ. Однако онъ удержался еще отъ того, чтобъ онаго Тафельдекаря попрекнуть, или обнесть какими словами. Въ такомъ положеніи увидя жена его съ постели сквозь занавѣсъ, дала ему скрытно рукою знать, чтобъ онъ къ ней подошелъ. Когда же онъ къ ней приближился, то она стала говорить ему слѣдующимъ образомъ: *Что ты стоишъ подлѣ стола какъ какая статуя, ни говоря ни слова и съ суровымъ видомъ вытаращилъ глаза свои на всѣхъ гостей, примѣчая сколько кто съѣстъ? А ты говори что нибудь съ ними, старайся ихъ развеселить, проси, чтобъ покушали и подчивай, что случилось и самъ за кампанію вылей, и такъ ты будешъ веселѣе и гостямъ твоимъ пріятнѣе.* Но онъ презрѣвши всѣ сіи ея слова пошелъ опять къ столу, говоря очень нескромно, такъ что всѣ слышали сіи слова: ваше это только дѣло, голубчики мои, кумовья и прочіе кто тутъ есть, чтобъ веселиться, пить, жрать и объѣдаться. Бывшій Консулъ, именемъ всѣхъ на сіе ему отвѣчалъ, ты насъ звалъ съ тѣмъ, чтобъ у тебя пообѣдать, попить и повеселиться. Противу чего

оный хозяинъ ни слова не сказалъ. Потомъ одинъ изъ гостей сказалъ ему: сядь и ты съ нами пообѣдай, вотъ и мѣсто есть; но онъ какъ бы еще съ досадою и негодованїемъ отвѣтствовалъ ему: Я довольно уже наѣлся вмѣстѣ съ моимъ поваромъ на кухнѣ прежде еще крестинъ и прокладнаго вашего обѣда.

Сїи его слова всѣми гостями были осмѣяны.

Немного погодя подаютъ на столъ различнаго рода жаркїя. Тафельдекарь оный по своему обыкновенїю и должности, то отъ гуся, то отъ зайца, то отъ куропатки, то отъ утки урѣзывая по частки, клалъ оныя передъ гостей отъ перваго до послѣдняго. Смотря на него серебряникъ не могъ утерпѣть, чтобъ не сказать ему, что тогда взошло въ здорную его голову. О какъ бы я желалъ, говорилъ онъ, когда нибудь быть у сего честнаго человѣка на обѣдѣ единственно для того, чтобъ посмотрѣть, такъ ли онъ въ домѣ у себя щедръ и жаденъ, какъ у меня. Сїи слова весьма тронули даже и домашнихъ всѣхъ такъ, что тесть, теща и жена и прочїе сродники принужденными нашлись ругать сего осла. А гости весьма съ вели-

великимъ смущенїемъ и огорченїемъ, не докончавши обѣда, пошли всѣ по своимъ домамъ, ни говоря ни слова, и послѣ сего никогда уже къ нему не заходили.

Мнѣнїя.

Нѣкто изъ Премудрыхъ.

Скупому человѣку нѣтъ нималѣйшей пользы и увеселенїя въ своемъ богатствѣ, и завистливому нѣтъ никакого удовольствїя и прїятности въ своемъ имѣнїи. Ибо при всемъ своемъ довольствїи скучаютъ и мучатся; да сверьхъ сего собственное же ихъ и съ великимъ трудомъ прїобрѣтенное стяжанїе достанется въ руки другимъ.

Іоганнъ Постїй.

Изъ всѣхъ страстей чрезмѣрная скупость одна ненасытима, все и всегда хватаетъ, но ничѣмъ недовольна. Бога притомъ не боится, людей не стыдится, отцу не щадитъ; матери отрѣкается, брата чуждается, союзъ дружества разрываетъ, вдову притѣсняетъ, сиротъ давитъ, собственныхъ дѣтей отдаетъ въ работу.

Бернардъ.

Скупые среди богатствъ своихъ дрожатъ и пустымъ воображенїемъ безвремянно мучатся, чтобъ не напалъ на нихъ разбойникъ, не обокралъ воръ, или чтобъ ненависть непрїятеля какого либо богатѣйшаго со всемъ имуществомъ ихъ не пожрала. И такъ ѣдятъ и спятъ они въ опасности. И не разумѣютъ нещастные, что явная погибель и неизбѣжная ненависть отъ другихъ за то, что собраннымъ своимъ богатствомъ ни сами пользуются, ни другимъ пользоваться попускаютъ!

О Музыкантѣ, какъ онъ обманулъ одного купца.

На памяти нашихъ предковъ жилъ въ Ешвегїи одинъ музыкантъ, именемъ Помпонїй, человѣкъ весьма веселой и шутливой. Онъ когда дошелъ до того состоянїя, что ѣсть почти было нѣчего, и, что большимъ для него было безпокойствїемъ, не имѣлъ у себя никакого платья: то въ одно время, долго разсуждая, какъ бы достать себѣ платье; вздумалъ наконецъ пойти къ Ѳеодориту, одному наибогатѣйшему изъ Невгазїйскихъ куп-

купцовъ, съ тѣмъ, чтобъ выманить у него на кредитъ сколько нибудь сукна. И такъ пришедъ къ нему началъ объясняться: не безъизвѣстно вамъ, милостивый государь мой! что вся почти наша братья больше всего терпитъ стужу, и меньше всего получаетъ себѣ добычи въ Декабрѣ мѣсяцѣ, по причинѣ поста, называемаго четыредесятницею. Ибо въ сїе время никакихъ не бываетъ въ народѣ празднованїй и никто не играетъ свадебъ, отъ которыхъ только мы и получаемъ выигрышъ. Теперь же, вы видите, что сей постъ совсѣмъ почти проходитъ и наступаетъ масленица, въ теченїи, которой свадебъ будетъ безъ числа и намъ будетъ хорошая поживка, то, прошу покорнѣйше, не можно ли отрѣзать мнѣ шести аршинъ Аглинскаго сукна, изъ котораго я сдѣлавши себѣ платье, сталъ бы ходить вмѣстѣ съ моими товарищами, куда позовутъ. Едва только успѣлъ окончить сей свой комплементъ, Ѳеодоритъ какъ былъ человѣкъ доброй и имовѣрной, не зная притомъ, что сей самой музыкантъ былъ хуже самой четвероногой скотины, немедленно склонился на сїю его прозьбу и оную исполнилъ. Давши

же ему Лондонскаго лучшаго сукна шесть аршинъ, спросилъ, когда же ты Помпоній принесешъ деньги, такъ я это число запишу въ книгу? Тогда отвѣчалъ онъ, когда совершенно кончится празднованіе масленицы. Купецъ изъ сего заключилъ, что сей платежъ воспослѣдуетъ, какъ только пройдетъ слѣдующая масленица. Но музыкантъ на умѣ своемъ держалъ, что я де заплачу ему деньги тогда, когда, какъ говорится Латинская пословица, родитъ лошакъ, или при Греческихъ календахъ, т. е. никогда. Чтожъ? Прошла масленица и еще послѣ нее нѣсколько недѣль, но Помпоній денегъ не несетъ. И такъ Ѳеодоритъ вышедши изъ терпѣнія послалъ къ нему за деньгами малаго, которыхъ требовать приказалъ ему неотступно. Помпоній сему мальчику очень шибко божился, что онъ всячески постарается исполнить Ѳеодоритово требованіе, чего однакожъ у него и въ умѣ совсѣмъ не бывало. Купецъ дошелъ уже до того, что самъ принужденъ былъ къ нему итти. Пришедши же сталъ говорить ему, Помпоній, ты взялъ у меня въ минувшій постъ шесть аршинъ Лондонскаго

скаго сукна, и обѣщался за оное заплатить мнѣ въ слѣдующую, а теперь уже прошедшую масленицу; но для чегожъ ты въ своемъ словѣ не устоялъ? Масленица уже прошла и весна вся и нѣсколько протекло времени лѣтняго, однако ты не платишъ, и какъ бы не твое это и дѣло. Но Помпоній съ неблагодарнымъ видомъ отвѣчалъ ему: я тебѣ обѣщался вскорѣ послѣ масленицы отдать, но для чегожъ ты такъ долго не приходилъ за деньгами. Сей отвѣтъ показался купцу очень непріятнымъ. И такъ пришедши въ сердце пошелъ просить на него Претору [главному начальнику]. Сей призвавши его къ себѣ спросилъ, бралъ ли ты у купца Ѳеодорита шесть аршинъ Лондонскаго сукна, и долженъ ли ты ему? Онъ когда въ семъ признался, Преторъ оборотясь къ купцу спросилъ, когда по договору онъ обѣщался заплатить тебѣ деньги? Когда, отвѣчалъ ему, совсѣмъ кончится празднованіе масленицы. Такъ ли у васъ договоръ былъ спросилъ, оборотясь къ Помпонію? Такъ, сударь, по окончаніи празднованія масленицы, и я не запираюсь, что тогда повиннымъ останусь заплатить ему деньги, когда народъ въ по-

послѣднїй разъ будетъ праздновать масленицѣ. Преторъ узнавши, что это надъ купцомъ сыграна шутка, ну, сказалъ, Ѳеодоритъ, когда ты самъ на семъ условился, то дожидайся послѣдней масленицы, или конца человѣческихъ бѣшенствъ и заблужденїй. И тогда-то уже, примолвилъ ему, ежели Помпонїй изъ доброй воли не заплатитъ тебѣ долгу, мы принудимъ его заплатить и по нуждѣ. Купецъ услышавши сїе рѣшенїе пошелъ домой повѣся голову.

Цицеронъ.

Между добрыми и честными людьми должно поступать откровенно и безъ всякаго обмана.

Онъ же.

Натура каждаго почти человѣка многоразличными покрывается занавѣсками: лобъ, глаза, лице весьма часто показываютъ видъ притворной и ложной, а слова еще и всего сего обманчивѣе.

Плавтъ въ комедїи Тринум. дѣйств. 4. явлен. 3.

Нынѣ такїя времена, что ежели дашъ кому что въ займы, то уже считай

считай лучше пропадшимъ. Ибо ежели будешъ требовать отдачи, то хотя бы былъ тотъ твой другъ, кого ты одолжилъ, на тебя же вознегодуетъ. И такъ ежели возвратить хочешъ данное, то изъ двухъ одно что нибудь долженъ избрать, или потерять друга, или лишиться друга.

Благоразумный отвѣтъ.

Люзитанскiе послы идучи къ Гишпанскому Двору послали напередъ одного солдата къ тому, кому поручено было смотрѣнiе за симъ дворомъ. Когда посланный пришедши къ нему сталъ докладывать, что въ сей Дворъ идутъ изъ Люзитанiи послы, тогда надзиратель сего двора спросилъ его, сколько всѣхъ васъ? Тысяча, отвѣчалъ посланный, изъ числа коего пять сотъ столь честные и благочестивые, что почитаютъ ихъ подобными богамъ, а другiе пять сотъ подобны прочимъ человѣкамъ. Очень хорошо, сказалъ надзиратель, тѣ коихъ уподобляютъ богамъ, пусть идутъ въ Божiи храмы, а прочiе пускай придутъ сюда.

Сказачька.

Не подалеку отъ города Ѳивъ, жилъ одинъ мужикъ, которой всю

жизнь свою препроводилъ въ обманахъ. Въ одно время пришелъ онъ къ Пивовару, живущему въ самомъ городѣ Ѳивахъ, просить бочки для полпива. Просилъ онъ весьма лестными словами и увѣряя, что оную непремѣнно возвратитъ черезъ мѣсяцъ. Пивоваръ, такъ какъ человѣкъ простой и доброй, повѣря его словамъ, далъ ему оную до показаннаго времени. Мужикъ взявши бочку весьма былъ радъ, что удалось неправедною божбою обмануть Пивовара, такъ, что онъ сего и не примѣтилъ, Съ великою радостїю выѣзжалъ онъ изъ города и прїѣхалъ къ послѣднимъ уже онаго воротамъ. Они, какъ то было поздо, заперты были. Почему онъ принужденъ былъ остановиться. Когда онъ остановился и выпрягъ лошадь, тогда пришелъ къ нему знакомой и ему подобной обманщикъ. Поздоровавшись пошли въ то мѣсто, гдѣ покупаютъ за деньги мужицкое веселье. Возвратившись оттуда опять къ воротамъ, мужикъ съ восторгомъ сталъ изъяснять своему знакомцу, какъ онъ выманилъ у Пивовара сїю бочку, которая, примолвилъ ему, никогда къ нему не возвратится. Сей самой разговоръ и слова услышавши тотъ самой Пивоваръ, котораго

та

та бочка, когда нечаянно ходилъ онъ по своему саду, стоящему блиско оныхъ воротъ, думалъ, какъ бы ему отшупить. Для сего вышелъ онъ въ потаенный сада своего проходъ, который велъ къ самымъ онымъ воротамъ, и притворясь, какъ бы другаго города житель подошелъ къ своему обманщику и сталъ спрашивать: честной человѣкъ, что это у тебя за бочка и на что? Такъ-ста, отвѣчалъ? Взялъ для полпива у одного Пивовара. Э братъ, сказалъ Пивоваръ, да эта бочка съ нашей пивоварни, и она не годится тебѣ на полпиво, ибо она винная, да притомъ худая, э это работникъ нашъ далъ тебѣ ошибкою. Жаль мнѣ тебя, ты видно что доброй человѣкъ, такъ запряги свою лошадь и поѣдемъ опять на нашу пивоварню, я тебѣ эту бочку обмѣняю и дамъ пивную и покрѣпче. Мужикъ обрадовался больше прежняго, надѣяся получить еще лучшую бочку, и не мѣшкавъ ни мало, поѣхали куда назначили. Какъ скоро туда прїѣхали, мужикъ, сложивши бочку, проситъ, чтобъ велѣли взложить другую. Но хозяинъ нѣтъ братъ сказалъ ему, теперь ужь не дамъ тебѣ, потому что ты взявши худую бочку не хотѣлъ совсѣмъ при-

привесть обратно, то какъ тебѣ можно дать хорошую. Короче сказать нѣтъ тебѣ никакой. И такъ мужикъ принужденъ былъ возвратиться домой съ пустою телѣгою.

Горацій.

Съ лисицами самъ обращайся лисицею, то есть, съ хитрыми и лукавыми поступай равномѣрно.

О рудоколныхъ золотыхъ въ Индіи ямахъ.

Мегастенъ о муравьяхъ повѣствуетъ, что при Дердахъ обширнѣйшей на востокѣ странѣ, гдѣ поселились горные Индіане, находится холмъ, или вершина горы окружностію на три тысячи верстъ, и что подъ нею находятся золотые ямы, которые копаютъ муравьи, равняющіеся ростомъ лисицамъ, имѣющіе удивительную скорость въ бѣганіи и питающіеся травою, такъ называемою мята. Копаютъ же они зимою, и что выкапываютъ, пригребаютъ къ самому отверстію, которое ведетъ въ землю. Сіе золото весьма скоро растопляется. Живущіе около сего мѣста люди пріѣзжаютъ на лошадяхъ къ сему отверстію тайно, и уво-

увозятъ золото; ибо въявь сего сдѣлать не могутъ по той причинѣ, что препятствуютъ оные муравьи, которые вступаютъ за него въ бой, и, ежели осилятъ, то отъ нихъ никакъ уйти не можно, и они догнавши и людей и лошадей убиваютъ до смерти. Но чтобъ сего избавиться и отъ нихъ уѣхать, то ѣдущіе за золотомъ кладутъ на дорогѣ на многихъ мѣстахъ небольшія части звѣринаго мяса, которое муравьи гнавшись за ними останавливаются ѣсть, и такъ похитившихъ золото совсѣмъ упускаютъ изъ своего виду.

О Перевозчикѣ.

Одинъ Перевозчикъ нанялся перевозить черезъ рѣку съ тѣмъ, чтобъ съ перевозимыхъ черезъ нее за каждой порогъ брать по одному талеру. Почему когда пришелъ къ нему такой, которой былъ въ чесоткѣ, то въ силу условія своего сталъ требовать съ него одинъ талеръ, но прохожій извинялся, что у него теперь денегъ нѣтъ. Перевозчикъже сомнѣваяся повѣрить ему въ долгъ, вмѣсто закладу сорвалъ съ него шапку; но послѣ сего увидѣлъ, что онъ плѣшивъ, зачалъ съ него требовать двухъ талеровъ

ровъ. Нѣтъ у меня, отвѣчалъ прохожїй, и зачалъ здорить и ссориться съ Перевозчикомъ; но какъ сей былъ гораздо сильнѣе, то и повергъ его на землю такъ, что отъ сильнаго размаху поднялись полы его кафтана, и тогда онъ увидѣлъ, что у него же одна нога на деревяшкѣ, и такъ наступя на него сталъ требовать трехъ талеровъ, которые онъ, не согласившись прежде добровольно дать одинъ, по принужденїю заплатилъ всѣ.

Объ одномъ безмилосердномъ растовщикѣ.

Одинъ бѣдниънькой мужичекъ за нѣсколько недѣль передъ жатвою пришелъ къ такому, у котораго во владѣнїи людей и земли было какъ бы у нѣкоего республиканскаго правителя, просить такой милости, чтобъ онъ одолжилъ его одною четвертїю ржи до того времени, какъ поспѣетъ и снятъ будетъ съ поля хлѣбъ, божася и кленяся, что онъ все непремѣнно тогда возвратитъ ему должное. А дабы сверьхъ чаянїя не получить въ семъ своемъ прошенїи отказа, сказалъ, что я во увѣренїе сего сей же часъ представлю вамъ по себѣ въ поруки

руки честныхъ и надежныхъ двоихъ и троихъ гражданъ. Но сей во всемъ изобилующїй горчайшїй растовщикъ отвѣчалъ ему короткими словами: тебѣ не безъизвѣстно, другъ мой, что я всякой хлѣбъ обыкновенно и покупаю и продаю. Но что препятствуетъ намъ сдѣлаться такимъ образомъ, учинимъ мы съ тобою обмѣнъ, ты возми у меня ржи, а я возму у тебя овса? Знаешъ ты, что нынѣ четверть ржи продается за четыре талера, такъ сколько же, пожалуй скажи, дашъ мнѣ овса? Не безъизвѣстно и вамъ, отвѣчалъ мужичекъ, что нынѣ овса четверть стоитъ одинъ талеръ, и такъ съ великою моею охотою даю вамъ онаго четыре четверти. На сїе сказалъ ему чрезвычайный экономъ, повѣрь мнѣ, что нынѣшнюю осень я за одинъ талеръ, но что говорю за талеръ, за половину талера, могу купить двѣ четверти. И такъ ежели хочешъ дать восемь четвертей, то безъ дальныхъ хлопотъ получишъ ты отъ меня чего требуешъ. Проговоря сїи слова схватилъ свою долгополую шинель, притворясь какъ будто больше и говорить не хочетъ, и хочетъ отъ него уйти (что обыкновенно дѣлаютъ та-

такого сорту люди, дабы приведши бѣдныхъ и нуждающихся людей къ отчаянію больше у нихъ выманить.) Чтожъ въ такомъ случаѣ осталось дѣлать оному бѣдняку? Денегъ у него нѣтъ, кормить сѣмью нѣчемъ, овса ѣсть не льзя. И такъ будучи стѣсняемъ крайнею нуждою, даетъ ему требуемое число овса. Всякой, кажется безпристрастной и посторонній зритель, или Судья сего честнаго раздѣла, не могъ бы утерпѣть, чтобъ не изобличить и не обнаружить предъ всѣми сосѣдами столь безчеловѣчнаго растовщикова поступка: то кольми сіе, коль мучительно и несносно было оному бѣдняку самому и имъ стѣсняемому. И такъ онъ взявши отъ него рожъ обнаружилъ предъ всѣми наглость его своими слезами, которыя тогда выгнала изъ его досада и нетерпѣливость. — Увѣдавши о семъ растовщикѣ Пасторъ за благо почелъ поговорить объ немъ публично въ своей проповѣди. Почему когда въ прилучившійся праздникъ послѣ службы сталъ говорить проповѣдь, и говоря оную дошелъ до матеріи *о скупости*: то оборотившись къ сему полчеловѣку съ угрюмымъ видомъ, сталъ его описывать столь живо, что

хотя

хотя не называлъ его по имени, однако всякой легко могъ подразумѣть, что сей токмо ростовщикъ такъ цѣнится и критикуется. По прочемъ въ своей проповѣди сталъ онъ говорить слѣдующимъ образомъ: въ нашемъ сосѣдствѣ не давно проявился новый Химикъ, который всѣхъ прочихъ Химиковъ, сколько ихъ ни было, ни есть и сколько ни будетъ, искуснѣе въ своей наукѣ. Ибо прочїе, кои нискаго роду и бѣднаго состоянїя изъ свинцу дѣлаютъ серебро, изъ мѣди золото, истощевая много и иждивенїя и едва получая себѣ какой либо выигрышъ: а нашъ высокаго рода и бѣднаго состоянїя оный нововыходецъ изъ одной четверти ржи, изъ одной только говорю, и то безъ всякаго труда и убытка умѣетъ въ добавокъ своему неизмѣримому богатству, сдѣлать четыре четверти овса.— Такъ сей ростовщикъ былъ описанъ. Но чтожъ! хотя таковыя слова и послѣ сего многократно были ему возражаемы, и хотя послѣ всякой такой проповѣди выходилъ изъ церкви съ нахмуреннымъ лицемъ, и, какъ говорятъ, повѣся уши: однако торговать таковымъ же образомъ

деньгами и хлѣбомъ по смерть свою не покинулъ.

Мнѣнія.

Цицер. о долж. кн I. гл. 42.

Что касается до способовъ къ пріобрѣтенію имѣнія, (не упоминая здѣсь о честныхъ) вопервыхъ безчестны тѣ, которые ненавистны бываютъ всему народу, какъ на пр. Растовщиковъ.

Катонъ въ предисл. своей книги о деревенскомъ состояніи.

Предки наши такъ дѣлывали и въ законахъ своихъ положили, чтобъ воровъ наказывать вдвое, а растовщиковъ вчетверо.

Назонова шутка надъ однимъ сельскимъ жителемъ.

Случилось, что когда Овидій дома былъ,
И можетъ быть въ стихи свою мысль углубилъ,
Пришелъ нечаянно туда же сельской житель,
Гдѣ запершись сидѣлъ Назонъ стихотворитель,
И какъ въ деревнѣ онъ политики не зналъ,
То

То въ запертую дверь изъ силы всей
стучалъ.
Но видя, что ему та дверь не отпиралась,
Сквозь коея свѣча съ огнемъ ему
казалась,
Піита отъ осла чѣмъ разнствуетъ,
вскричалъ?
Сей дверью самою, Овидій отвѣчалъ.

Шутка надъ носатымъ.

Ты естьли въ красной день спиной
на землю ляжишъ,
И естьли длинныя свои зубы оскалишъ:
То, кой часъ дня того возможно
угадать;
И такъ тебѣ часовъ не должно покупать.

Шутка надъ хромоногимъ.

Ты хромъ душей такъ, какъ твоя
нога храма.
Натура чудная потщилася сама
Изобразить твои душевныя намъ
свойства
Чрезъ знакъ наружнаго на тѣлѣ
неустройства.

Ангелъ Полиціанъ къ своей любовницѣ.

Манишъ, и гонишъ прочь, идешъ
въ слѣдъ, прочь бѣжишъ,
Желаешъ видѣться, нейдешъ,
льстишъ мнѣ, бранишъ,
Тебя любовь ко мнѣ, моя къ тебѣ
терзаетъ,
Мысль въ обѣихъ насъ и гонитъ и
раждаетъ.
Ты обѣщаешся и дѣлаешъ отказъ.
Я сталъ отчаяннымъ, то льститъ
въ тотъ самой часъ.
Мнѣ нѣтъ пріятнѣе съ тобой быть
наединѣ,
Мнѣ легче кажется въ морской сидѣть пучинѣ.

Разговоръ между умирающимъ богачемъ и его деньгами.

Богачь. Любезны денишки, какъ мнѣ
растаться съ вами,
Какъ мнѣ васъ жаль? Увы!
объ васъ я льюсь слезами,
Сосѣди знаютъ всѣ, какъ я
васъ собиралъ,
Какія ради васъ труды пред,
принималъ-

Какъ

Какъ васъ любилъ, берегъ, что
мало зналъ покою?
А нынѣ злато и сребро! я
разстаюсь съ тобою.
Деньги. Хотя покинуть насъ и жалко
есть тебѣ,
Но знать, что сталося угод-
но такъ судьбѣ.
Богачь. Скажите же куда, какъ я ум-
ру, пойдете,
И гдѣ такой, какъ мой вамъ
былъ, покой найдете?
Деньги. Намъ слѣдовать судьбѣ, куда
не поведетъ,
Что намъ ни будетъ ужь, иль
лучше или нѣтъ.
Богачь. Но злой судьбинѣ сей не льзяль
не покориться.
И вмѣстѣ льзяль со мной въ
одномъ гробѣ сокрыться.
Деньги. Нѣтъ, нѣтъ никакъ не льзя,
препятствуетъ въ семъ рокъ,
Кой сталъ теперь противъ
тебя и насъ жестокъ.
Богачь. Но вы хоть на мои слезъ то-
ки умилитесь,
Мнѣ легче будетъ смерть, коль
лечь въ гробъ согласитесь.
Деньги. Но что? когда ужъ ты ум-
решъ и чувствъ лишишся,

Хоть будемъ въ гробѣ мы, чѣмъ ты увеселишся?
Какую ужь тогда мы пользу принесемъ,
Когда безъ пользы мы лежимъ на свѣтѣ семъ.
Богачь. Боюсь того, чтобъ вамъ къ такому не попасться,
Кой пуститъ васъ на свѣтъ, и будете таскаться.
Деньги. Хоть всѣмъ намъ въ темнотѣ, хоть въ свѣтѣ вѣчно быть,
Хоть худо, хорошоль, должны мы все сносить.
Богачь. Изъ вашего теперь отвѣта мнѣ примѣтно,
Что сожалѣнїе мое объ васъ есть тщетно.
Деньги. Конечно такъ; и ты объ насъ не воздыхай,
И коль судьба велитъ, хоть горько, умирай.
По смерти ужь къ себѣ ты насъ не дожидайся,
Ты съ чемъ рожденъ на свѣтъ, теперь съ тѣмъ оставайся.
Богачь. О лютый рокъ, судьба! Ахъ злато, блескъ прости!
Деньги. Прости нашъ господинъ и насъ на свѣтъ пусти.
Зем-

Земные богачи учитесь изъ сего,
Какъ поступать со тьмой богатства своего.

О Юстиніи Римской дѣвушкѣ.

Сія благороднѣйшая и красивѣйшая изъ всѣхъ своихъ сверстницъ дѣвушка выдана была за богатаго, но глупаго и бѣшенаго мужчину. Онъ изъ единой только лѣпоты ея возымѣлъ къ ней ревность, и увидѣлъ обнаженныя рамена ея, и прочее, когда она наклонясь скидала съ него сапоги, помѣшался въ умѣ своемъ и будучи ослѣпленъ нѣкоторымъ предразсудкомъ, отсѣкъ ей голову кинжаломъ. Послѣ сего злодѣянія, и когда уже погребена была сія женщина, при гробѣ ея найдена была слѣдующая надпись:

Прочти сіи стишки прохожій человѣкъ,
И зри, за что мой мужъ мнѣ голову отсѣкъ.
Въ то время, какъ съ него я сапоги скидала
При той постелѣ, гдѣ женой его я спала.
Я именемъ Боговъ кленуся смертнымъ всѣмъ,

 Что

Что передЪ нимЪ была невинна я
ни вЪ чемЪ.
Но знать, что такЪ судилЪ ужь
рокЪ ожесточенной,
ЧтобЪ головѢ моей безЪ вины быть
отсѢченной.
Учитесь всѢ отцы изЪ опыта сего,
ЧтобЪ дочерей своихЪ не сватать
за того,
Кто легкомысленЪ, глупЪ, ревнивЪ
и крайнѢ злобенЪ,
Такой бо всяко зло нанесть женѢ
способенЪ.

КакЪ одинЪ мужЪ оживилЪ свою жену.

Одна жена, будучи отЪ мужа своего весьма неблагопристойно и притомЪ больно пощечинами наказана, зажавши вЪ себѢ духЪ упала на полЪ полумертвою и долго лежала не шевелясь, думала чрезЪ сїе мужа своего привести вЪ робость и сожалѢнїе. МужЪ зная, что жена его весьма хитра и лукава, врешЪ ты, сказалЪ, чтобЪ ты умерла. По семЪ припалЪ ко рту послушать, дышитЪ ли. Видя же, что она не дышитЪ, ахЪ какЪ жалко! сказалЪ, что этотЪ звѢрь умерЪ, но чтожЪ теперь сЪ нимЪ дѢлать? Надобно поско-

скорѣе съ него снять кожу. Сказавши сїе ухватилъ ножъ и зачалъ рѣзать съ большаго пальца ноги. Тутъ притворщица, не могши стерпѣть сей боли, дрогнула ногой, вскочила и сѣла на лавку, какъ бы ни въ чемъ не бывала. Мужъ подошедши къ ней сказалъ: что? Ожила, не все ли ты такъ умираешъ, нутка умри когда опять, такъ уже и не такъ вспрыгнешъ.

О Кандавлѣ, молодой его женѣ, и Гигѣ.

Кандавлъ, отъ временъ котораго Геродотъ началъ писать Исторїю Лидїйскихъ Государей, послѣднїй Сардинскїй Тираннъ и Марсовъ сынъ, имѣлъ у себя жену отмѣнной красоты и любилъ ее сердечно, сочтя малымъ еще удовольствїемъ то, что онъ имѣлъ съ нею тайную любовь, захотѣлъ еще собственными глазами увидѣть ее безъ платья. Сїе предразсудное свое желанїе открывъ онъ Гигу, одному наивѣрнѣйшему изъ своихъ камергеровъ, приказалъ ему спрятаться въ скрытнѣйшее спальни своей мѣсто, а самъ смотрѣлъ сквозь дверь въ щелку, какъ оная красотка его стоя передъ постелею скидавала съ

себя платье. Она не вѣдая сего ничего, обнаживши себя легла на постелю. Но какимъ поражена была стыдомъ, когда въ такомъ положенїи увидѣла она Гига, проходящаго мимо своей постели. Симъ она такъ была тронута, что въ туже минуту хотѣла было отмстить сему Гигу, естьли бы Кандавлъ не успѣлъ подскочить и сказать на самаго себя, что это онъ сдѣлалъ въ шутку, и что Гигъ это учинилъ по его прошенїю. Сїе смущенїе скрыла она на время, не хотя показаться мужу своему неистовою и непослушною. На другой же день чрезъ вѣрнаго своего слугу позвала къ себѣ въ потаенное мѣсто онаго Гига, и съ смущеннымъ видомъ говорила ему: или тебѣ Гигъ, надобно умереть за то, что ты вчерась осмѣлился спрятаться въ моей спальнѣ и пройти мимо меня, когда была въ такомъ положенїи, о которомъ ты знаешъ самъ, или Кандавлу за то, что онъ побудилъ тебя къ сему поступку. И такъ избирай и скажи кому изъ васъ я должна отмстить за такую обиду. Гигъ согласился лучше принять самъ наказанїе. И такъ былъ наказанъ.

О нѣкоемъ Царевичѣ.

Нѣкогда у Египетскаго Царя родился сынъ, о которомъ мудрецами предсказано было, что онъ со временемъ будетъ преразвращенный, естьли съ юныхъ лѣтъ не будетъ обучаемъ и воспитываемъ съ строгостію, чего ради онъ и отданъ былъ Софону знаменитѣйшему нѣкоему Доктору, которой съ самыхъ начатковъ жизни его образовалъ и наставлялъ его добрымъ поступкамъ, уединясь съ нимъ въ особенное мѣсто. Онъ въ своемъ ученіи чаще всего внушалъ ему о добрыхъ и злыхъ духахъ. Минуло уже восемь лѣтъ сему отроку, но во все сіе время не видывалъ онъ женскаго пола. Въ одно время отецъ его вздумалъ сдѣлать вечеринку, на которую велѣлъ собрать женщинъ и дѣвушекъ самыхъ лучшихъ. Какъ скоро онѣ собрались и пришли, то Царь приказалъ всѣмъ имъ сѣсть въ одинъ рядъ, а другой рядъ составилъ онъ изъ мужчинъ, имѣющихъ предлинные черные съ просѣдью бороды. Въ средину сихъ рядовъ приведенъ былъ оный отрокъ. Онъ смотря на прекрасныхъ и лѣпыхъ женъ и дѣвицъ, скажи по-

жалуй, спросилъ своего Доктора, кто это? Соблазнительницы, отвѣчалъ ему, которыхъ предостерегаться я тебѣ многократно напоминалъ. А это кто, спросилъ онъ же Доктора своего, указывая на порядокъ бородачей? Это добрые духи, отвѣтствовалъ, которыхъ жизни и дѣйствіямъ ты долженъ всегда подражать. Послѣ сего спросилъ сего отрока отецъ, въ которомъ бы ты лучше желалъ быть порядкѣ? Отрокъ будучи влекомъ любовію и склонностію къ тому, что тогда взорамъ его показалось лучшимъ и пріятнѣйшимъ, отвѣчалъ, что онъ желаетъ лучше быть съ злыми духами.

О Жидахъ убившихъ христіанскаго юношу.

Въ 1464 году по Рождествѣ Христовѣ въ Унгаріи Тернавіенской двенатцать человѣкъ Жидовъ и двѣ женщины Жидовскижъ тайно поймали одного благороднаго Христіанскаго юношу, и затащивши въ свои покои, завязали ему ротъ и тиранически задушивъ, пустили изъ жилъ кровь, которую, какъ уже вся вытекла и юноша не могъ болѣе дышать, отчасти пили

сами

сами, отчасти оставили для других своихъ сродниковъ, которыхъ въ то время не случилось. Родители хватившись сего юноши долго на другой день его искали, однако нигдѣ не нашли. Но удостовѣрившись, что онъ прошлаго дня ходилъ по жидовской слободѣ, возымѣли правильную причину не только на нихъ подозрѣвать но и прозьбу по командѣ учинить, дабы сего юношу, котораго неоттмѣнно они спрятали, имъ выдали. По опредѣленію судебнаго мѣста велѣно было ихъ домы осмотрѣть. Сыщики, вошедши съ перваго разу въ покои тѣхъ самыхъ жидовъ, на которыхъ они подозрѣвали, нашли на полу свѣжія кровавыя пятна. И такъ не говоря ничего хозяина со всею фамиліею привели въ судебное мѣсто. Женщины будучи представлены къ допросу и подвержены наказанію, по слабости своего сложенія, весьма скоро признались въ злодѣяніи, и разсказали въ подробность, какъ дѣло было; а по ихъ признанію обвинены были и жиды. Изобличенные въ самомъ содѣйствіи такого беззаконія, по повелѣнію Степана Палатина главнаго Градоначальника, сожжены были на площади нарочно

рочно для сего сдѣланной; а которые хотя въ семъ злодѣянiи не участвовали, однако знали, а не удержали отъ онаго, и послѣ не доносили, тѣ штрафованы были нарочитою суммою денегъ.

О барынѣ и ея нанятой служанкѣ.

Одна барыня имѣла у себя служанку, которая была негодныхъ нравовъ, недальняго уму, весьма злопамятна, и, какъ говорятъ, злѣе самой Ехидны. Въ одно время будучи она своею барынею кликнута весьма сурово и за лѣность и неповоротливость свою гораздо таки побранена, не устыдилась отвѣчать ей весьма досадительными и безчестными словами. Честная госпожа будучи такою ея продерзостiю раздражена, дала ей изрядную пощечину. Она принявши оную такъ разсердилась, что вся съ досады почернѣла и во весь голосъ стала ей грозить, крича: не я буду естьли надъ тобой не сдѣлаю того, что ты по сей пощечинѣ будешъ опослѣ тужить, но нѣкому тогда будетъ тебѣ посабить. Чтожъ послѣдовало? Сiя служанка не преставая питать сердце свое злобою и не-

ненавистїю къ госпожѣ своей, денно и нощно помышляла только о томъ, какимъ образомъ отмстить ей за сїю обиду. Ежеминутно ищущїй такихъ людей дїаволъ, нашедши ея въ таковыхъ размышленїяхъ, наставилъ ее на такую мысль, чтобъ она барыню свою, (которая была женщина честная и постоянная) смѣло оклевѣтала мужу своему въ любви съ своимъ конюшимъ. Сему внушенїю и наущенїю повинуяся она и изыскавъ свободной случай приступила къ барину своему и стала мысли свои объяснять слѣдующимъ образомъ: благородный господинъ! я ваша вѣрная раба и всю мою должность поставляю въ томъ, чтобъ сказывать вамъ все въ домѣ случающееся, а особливо что можетъ быть къ вашему ущербу, или вреду, позвольте мнѣ нѣчто доложить, ежели мнѣ вѣрите. Получивши же себѣ дозволенїе стала предлагать: вы точно о своей супругѣ хорошихъ мыслей, и думаете, что она честная и вамъ одному только вѣрная. Но позвольте доложить, что вы напрасно такъ объ ней думаете. Она клятву супружества нарушаетъ, и увѣряю васъ, что она любитъ одного изъ вашихъ

слугъ

слугъ. Естьли желаете сами при семъ дѣлѣ быть очевиднымъ свидѣтелемъ, то постараюсь примѣтить, какъ они къ сему дѣлу сговорятся, и тогда приведу васъ въ то самое мѣсто, гдѣ они будутъ только одни. Баринъ, не зная ничего дѣла, повѣрилъ ея увѣренію и велѣлъ ей обѣщаемое исполнить; за что и награжденіе ей назначилъ. Ухищряющаяся исполнить свое коварное, а барина ненасытное желаніе служанка, стала искать къ тому средствъ. Знала она, что баринъ ея всякой день поутру весьма рано отходитъ отъ своего дому въ деревню смотрѣть, какъ на него работаютъ люди, а барыня напротивъ того изволила опочивать до самаго разсвѣта. И такъ когда въ одно утро баринъ по обыкновенію пошелъ въ деревню, то она взлезши въ теремъ стала смотрѣть и дожидаться, какъ онъ оттуда возвратится. По причинѣ наступающаго дождя онъ возвратился очень скоро и былъ уже блиско своего дому, когда еще барыня опочивала. Она увидѣвши его оттуда соскочила и прибѣжавши прямо къ конюшему въ конюшню, громко закричала: поди скорѣе, барыня тебя

къ

къ себѣ за чемъ-то кличетъ. Онъ думалъ, что и въ правду она его спрашиваетъ, вдругъ побѣжалъ къ ней и взошелъ прямо въ спальню. Барыня не вѣдая, за чѣмъ онъ пришолъ, съ великимъ сердцемъ сказала, за чѣмъ тебя прахъ сюда принесъ, пошолъ вонъ къ чорту изъ моей спальни; между тѣмъ злобнѣйшая служанка, прохаживающемуся по крыльцу своему барину, дѣлала мины глазами и руками, чтобъ онъ поскорѣе и потише подошелъ къ дверямъ спальни. Какъ скоро онъ приближился къ указываемому ею мѣсту, то она подбѣжавши къ нему, сказала: теперь вы можете найти слугу вашего въ спальнѣ вашей, идите только поскорѣй. Баринъ вдругъ съ великою запальчивостїю и поспѣшностїю взбѣжавши въ спальню и увидѣвши въ самомъ дѣлѣ слугу одного съ своею барынею, безъ всякаго разбирательства дѣла, вонзилъ въ него тойже минутой кинжалъ. Поразивши его такъ, что онъ упалъ и умеръ, тѣмъ же самымъ кинжаломъ, не говоря ни слова, пронзилъ грудь женѣ своей. Услышавши и увидѣвши сїе служанка, сколь ни была злощастна, однако такое почувствовала со-

вѣсти своей терзанїе, что въ ту же минуту принужденною нашлась, вставши на колѣни извиняться передъ своимъ господиномъ: Ахъ милостивѣйшїй государь, что я сдѣлала! я напрасно наговорила на вашу супругу. Она нѣсколько мѣсяцовъ тому назадъ ударила меня по щекѣ, чего я не могла великодушно снести, и съ того самаго времени я всячески старалась найти средство, какъ бы ей за сїю обиду отмстить. Я хотѣла, чтобъ ей малое какое либо зло приключилось. Но ахъ! случилось съ нею гораздо горшее, нежели я думала и желала. Господинъ разобравши, что какъ слугу вѣрнаго и добраго, такъ и супругу свою женщину честную и постоянную, и съ которою до самой поры жилъ весьма согласно, погубилъ и лишилъ жизни безвинно, пришелъ въ величайшее унынїе и соболѣзнованїе, и не много погодя тѣмъ же самымъ орудїемъ лишилъ себя жизни и упалъ на мертвыя подлѣ себя лежащїя трупы. И такъ въ теченїи получеса злодѣйствомъ одной учинись трехъ человѣкъ неправеднѣйшїя и плачевнѣйшїя убїйства.

Третій примѣръ ужаснѣйшаго злоключенія.

Хочу здѣсь помѣстить беззаконіе почти неслыханное и злобу адскую, что послѣдовало въ Саксоніи по ухищренію, коварству и внушенію діавольскому. Въ одномъ при Албійскихъ берегахъ прекраснѣйшемъ замкѣ, первѣйшемъ и наилучшемъ древнихъ Государей обиталищѣ, жилъ одинъ Простолюдимъ, имѣя у себя двухъ сыновей, изъ коихъ одинъ жилъ въ деревнѣ и обработывалъ землю, а другой сдѣлавшись купцомъ отправлялъ торги въ Любекѣ городѣ. Случилось такъ, что сей послѣдній чрезъ нѣсколько лѣтъ умеръ. По смерти своей отказалъ онъ брату своему 500 талеровъ, а отцу 10 только. Братъ получивши письмо изъ Любека, въ которомъ прописано, чтобъ онъ пріѣзжалъ туда для полученія братнинаго имѣнія. Почему онъ немедленно туда и поѣхалъ. Чрезъ три дни возвратившись оттуда опять въ свой домъ, немедленно отдаетъ отцу своему отказанное ему послѣ сына его. Отецъ принявши то съ крайнимъ негодованіемъ, а мать вдругъ

растворя въ сердцѣ своемъ ядъ злобы, зависти и ненависти къ своему сыну, вступили оба съ нимъ въ споръ. Отъ сего послѣдовали укоризны и брань такая, что сынъ не могъ ихъ ничѣмъ ублажить и склонить къ миру. И такъ сïе продолжали они чрезъ нѣсколько часовъ, наконецъ перестали. Но гнѣвъ, неистовство и злоба у матери и отца его не только оставались еще во внутренности, но часъ отъ часу усиливались, возрастали и умножались. Почувствовавши же уже далеко въ сердцѣ своемъ сихъ страстей жало, сговариваются, соглашаются и опредѣляютъ его убить. И когда сей злощастный по трехъ дневномъ своемъ беспокойствïи легъ спать и разоспался, простыла въ нихъ тогда совсѣмъ родительская любовь, изчезло чувство родства, пропалъ страхъ, позабытъ стыдъ и отдавшись въ совершенный плѣнъ противнымъ симъ страстямъ, напали на него соннаго, душили, но онъ не вдругъ могъ отъ сего задохнуться, давили, но еще мало сего имъ показалось, и такъ оба вонзили ему въ сердце по кинжалу. Видя сïе злощастное приключенïе и ужасное позорище дѣвочка,

дочь

дочь сихъ беззаконниковъ во весь голосъ въ домѣ своемъ закричала: о золото проклятое, къ чему ты не побуждаешъ людей; въ какое не вманиваешъ и не вводишъ зло, ты устремляешъ, вооружаешъ и принуждаешъ умерщвлять даже самыхъ дѣтей! Жившїе подлѣ сего дому сосѣди, вслушавшись въ сей томный голосъ, тотчасъ прибѣжали въ оный домъ, гдѣ слышенъ былъ между убїйцами шумъ, немедленно поймали ихъ, сковали въ желѣза и посадили въ тюрьму. Но о напасти! изобрѣтатель и наставникъ всякимъ злымъ дѣламъ еще большую онымъ злощастнымъ строитъ казнь, еще въ горшее влечетъ ихъ зло. Отецъ, осужденный въ слѣдующїй день принять казнь, въ настоящую ночь налагаетъ самъ на себя руки и оканчиваетъ жизнь свою петьлею. А мать удрученную тяжестїю цепей, самъ сатана вытащивъ изъ башни, бросилъ близъ стоящаго озера въ самой глубокой омотъ съ произнесенїемъ сихъ словъ:

Иди на само дно и тамъ себѣ богатствъ
Ищи, хоть съ хитростью, безъ всякихъ коварствъ.

Мнѣніе принадлежащее къ предыдущимъ тремъ исторійкамъ.

Лактанцій.

Существо произведшее насъ на сей свѣтъ, яко воину ссудило быть намъ безоружными и не щадя силъ своихъ противиться и бодрствовать противу явныхъ и тайныхъ козней діавольскихъ, которой насъ, такъ какъ обыкновенно дѣлаютъ хитрые и упражнявшіеся полководцы, уловляетъ хитростями столь различными, сколь различны наши склонности и нравы. *Инымъ* влагаетъ онъ въ мысль ненасытное желаніе, дабы они, прилагая сердце свое къ собиранію и сбереженію неизмѣримаго богатства, удалились отъ пути истинны. *Иныхъ* разжигаетъ неутушимымъ пламенемъ сладострастія, дабы они, жертвуя сему, непреклонны и неприкосновенны были къ добродѣтели. *Въ иныхъ* всѣваетъ сѣмя ненависти, дабы они всегда терзая самихъ себя, ни о чемъ болѣе не помышляли, какъ о нещастіяхъ ими ненавидимыхъ. Инымъ внушаетъ о честолюбіи и совѣтуетъ имъ простирать желанія свои выше силъ человѣческихъ; почему таковымъ мало

мало кажется, что они владѣютъ богатствомъ безчисленнымъ и то временно. Благочестивыхъ старается онъ довести до суевѣрія. Такъ діаволъ заграждаетъ пространныя пути смертнымъ, ищущимъ щастія и благоденствія! такъ уловляетъ ихъ въ тайныя и пагубныя свои сѣти.

О нѣкоторой старухѣ пребеззаконной, имѣющей только видъ человѣческой.

Повѣствуется, что въ нѣкоторомъ Нѣмецкомъ городѣ жили двѣ женщины, которые столько другъ друга любили и столь свято соблюдали между собой миръ и согласіе, что никогда почти не происходило у нихъ брани и раздоровъ. И ненавистникъ роду человѣческаго сколь ни покушался превратить ихъ дружбу и согласіе, однако въ семъ предпріятіи успѣть ему не удалось. Наконецъ вздумалъ до сего достигнуть посредствомъ одной старухи, обѣщавши ей краснинькіе башмачки. Она принявши сіе условіе пошла къ одной изъ оныхъ женщинъ, которая того дому была хозяйка, и пришедши стала ей къ уху говорить. Мужъ твой, свыкшись съ

другою мнѣ извѣстною женщиною, весьма горячо ее любитъ, а тебя пуще собаки, или змѣи ненавидитъ и хочетъ тебя убить. Ежели ты меня послушаешъ, то можешъ сїе предупредить такимъ образомъ: спрячь къ себѣ въ пазуху бритву, которою ты скорѣе ножа можешъ перерѣзать мужу своему горло, когда онъ, по обыкновенїю своему, ляжетъ отдыхать. Чтожъ? Она повѣривши словамъ сей старой вѣдьмы и будучи въ страхѣ, отчаянїи и ярости спрятала бритву подъ подушку съ тѣмъ, чтобъ зарѣзать своего мужа. Старуха видя сїе промолчала. Послѣ сего простясь пошла отъ сей честной препостоянной женщины и вышедши изъ ея двора стала искать мужа ея, коего нашедши начала говорить ему слѣдующее: ахъ батюшка! я никогда не думала и не надѣялась отъ твоей жены того, что я сей часъ за нею примѣтила. Она любитъ другова, тебя столько ненавидитъ, что положила уже твердое намѣренїе, чтобъ тебя погубить, для сего на постелѣ подъ подушками и бритву она спрятала, которую ты, ежели моимъ словамъ не вѣришъ, сїю минуту самъ найдешъ.

Мужъ

Мужъ прибѣжавши домой прямо бросился подъ подушки, гдѣ и въ правду лежитъ бритва. Увидѣвши ее вдругъ пришелъ въ такую ярость и бѣшенство, что ею же въ ту же минуту зарѣзалъ жену свою.

Послѣ сего, всякихъ хитросплетенїй, коварствъ и обмановъ изобрѣтатель и учитель, привязавши на длинной шестъ красниинькїя башмачьки, обѣщанныя оной несноснѣйшей самой смерти старухѣ, подаетъ ей, говоря, я теперь къ тебѣ такъ близко, какъ прежде, боюсь уже подойти, ибо я вижу, что ты гораздо меня и хитрѣе и человѣконенавистнѣе.

О нѣкоторомъ благочестивомъ купцѣ и беззаконномъ Жидовинѣ.

Одинъ купецъ, имѣвшїй у себя весьма хорошїй достатокъ и отправлявшїй въ своемъ и въ иностранныхъ государствахъ великїе торги, сколь хорошо зналъ Священное Писанїе, столь же притомъ былъ благочестивъ и къ Христїанской вѣрѣ ревностенъ. Почему когда случай привелъ его имѣть коммерцїю съ нѣкоторымъ жидовиномъ и вступить наконецъ въ

товарищество въ торговлѣ: то всячески старался отвратить его отъ жидовской вѣры, обратить въ Христїанскую, внушая ему всегда, что Іисусъ Христосъ есть истинный сынъ Бога имъ признаваемаго, и единый путь къ спасенїю всего рода человѣческаго, и что Богъ хотя единъ по естеству но въ трехъ лицахъ. И сїе купецъ хотя весьма ясно словами изъ многихъ вѣтхаго и новаго завѣта мѣстъ доказывалъ сему закоснѣвшему и окаменѣвшему въ жидовствѣ, однако не могъ ни отвратить его отъ жидовской, ни обратить въ Христїанскую вѣру, ниже увѣрить о трїипостасїи Божїемъ. Почему за благо почелъ употребить къ сему другое средство, а имянно: взявши нѣсколько воды, нѣсколько снѣгу и нѣкоторую часть льду, и положа все сїе въ одну чашу, спросилъ жидовина, находишъ ли ты между сими тремя вещами различїе. Въ чемъ когда жидовинъ признался и не могъ противорѣчить и спорить, то купецъ въ тужe минуту поставилъ оную чашу въ горячую печь, дабы снѣгъ и ледъ растаяли. Когда снѣгъ и ледъ растаяли и обратились водою, то онъ опять

пока-

показавши чашу жидовину, спросилъ, ты прежде въ чашѣ видѣлъ снѣгъ, ледъ и воду, но теперь не одноли ты видишъ и тоже. Но когда и въ семъ жидовинъ попротиворѣчить не посмѣлъ, то купецъ ухватя оную чашу началъ его колотить по головѣ, говоря: видишъ ли проклятой, что Всемогущїй Богъ нѣкоторыя знаки Пресвятой и поклоняемой Троицы изобразилъ на своихъ нѣкоторыхъ творенїяхъ. И Богъ меня убѣй, естьли я не правду говорю, что Богъ по существу единъ, но три имѣетъ лица, Отца и Сына и Святаго Духа. Но ты нераскаянной и симъ еще не убѣждаешся и не приходишъ въ признанїе.

О деревенскомъ Пасторѣ и молодой его женѣ.

Одинъ деревенской Пасторъ, мужъ какъ изящной добродѣтели, такъ и хорошаго ученїя, по смерти первой своей жены нѣсколько спустя вздумалъ жениться на другой. Дѣти его, сродники и друзья хотя всячески старались уговорить его, чтобъ онъ при ближенїи старости лучше взялъ какую нибудь вдову: однако онъ не послу-

послушавъ ничьего совѣта, которой впрочемъ былъ ему весьма полезенъ, настоялъ на свое намѣренїе, чтобъ остатокъ жизни своей препроводить съ молодинькою. Какъ у одного изъ сосѣдей его была дочь дѣвушка лѣтъ около шестнатцати, лица очень не дурнаго и поведенїя хорошаго: то онъ, рѣшась ее имѣть своею женою, покороче познакомился съ ея отцомъ, началъ ходить къ нему въ домъ и пить по мѣркѣ или по двѣ винца, чтобъ посредствомъ сего смѣлѣе было вступить въ разговоры съ оной дѣвушкою, между которыми сказавши ей свое желанїе имѣть ее своею супругою, могъ бы узнать, согласна ли она будетъ на сїе. И такъ въ одинъ вечеръ напившись почти по уши вина, сталъ наединѣ изъясняться слѣдующимъ образомъ: сколь ты мнѣ мила и любезна, Анна, право выразить того словами не могу. Сїе ты можешъ примѣтить изъ того самаго, что я ни на минуту тебя не спускаю съ своихъ глазъ. У меня давно уже есть на умѣ вступить съ тобою въ брачный союзъ, естьли бы только ты на сїе согласилась. Тебѣ не безъизвѣстно, что у меня есть дѣти,

сынъ

сынЪ и дочь. Но онаго я женилЪ, а сїю, какЪ скоро выдетЪ случай, отдамЪ за какого нибудь честнаго человѣка; почему они тебѣ нимало не будутЪ вЪ тягость. ЧтожЪ касается до моей сѣдины, то не знаю, почемубЪ она могла быть тебѣ столько противна, чтобЪ воспрепятствовала нашему супружеству. Для сего самаго можешЪ ты быть бережливѣе кЪ моему богатству, котораго у меня не нѣтЪ, а ты напротивЪ имѣешЪ недостатокЪ и нужду. ВЪ знакЪ же моей кЪ тебѣ любви прими отЪ меня небольшїя подарочки, продолженїя которыхЪ ожидай впредь.

Послѣ сего дѣвушка, будучи почти всякой день отЪ Пастора осыпаема новыми ласками и подарками, за справедливое почла, что онЪ ее любитЪ и желаетЪ сЪ нею вступить вЪ супружество; то на его предложенїе отвѣчала слѣдующимЪ образомЪ: я, честный отецЪ, о твоихЪ дѣтяхЪ нимало не беспокоюсь, надѣяся, что ты изЪ любви своей ко мнѣ ихЪ не оставишЪ. СверьхЪ сего уповаю, что я ихЪ могу сдѣлать яко своими дѣтьми, оказывая кЪ нимЪ матернїя ласки и любовь. ЧтожЪ касается до

твоей сѣдины, то она мнѣ ни мало не отвратительна, но еще больше я по ней буду къ тебѣ имѣть почтенія, лучше буду тебя слушать, уважать, почитать за своего отца и дѣлать все по твоему желанію. Чего хочешъ отъ меня требуй и ожидай. Я своими услугами превзойду твои желанія. Я въ обоюдномъ щастіи всегда тебѣ больше всѣхъ буду участницею. Меня ничто отъ тебя не разлучитъ. Такимъ образомъ перемѣняяся они взаимно между собою разговорами опредѣлили наконецъ быть супружеству. Дѣлается сговоръ, назначается время браку. Вступаютъ въ оной благополучно и радостно. Послѣ онаго молодая жена продолжаетъ еще нѣсколько времени любить, почитать и уважать, слушать, быть вѣрною и неотлучною отъ своего мужа. Но какъ по прошествіи короткаго времени сей Пасторъ пришелъ въ старость, изнеможеніе силъ и сдѣлался хладнокровнымъ, то она мало по малу стала къ нему холоднуватѣе, а наконецъ чрезъ нѣсколько времени и совсѣмъ исчезли прежнія ея обѣщанія. Ибо она полюбила лѣтами и возрастомъ себѣ равнаго.

Мнѣ-

Мнѣнія.

Фил. Мель. Пост. Пезель.

Част. I. стр. 552.

Человѣку, имѣющему отъ роду шестдесятъ лѣтъ, вступить въ супружество есть нѣчто противное натурѣ, которая въ старыхъ есть слабость. Иные старики до такого еще доходятъ безумія, что два или три раза вступаютъ въ бракъ. Сіе есть одно токмо пустое и глупое воображеніе. Справедливо нѣкто сказалъ:

Постыдно старому итти въ службу военну,
Постыднѣе еще ему кѣмъ быти плѣнну.

Атеней въ стихахъ.

Есть время и любить, есть время и жениться,
Есть время же опять сего и удалиться.

Капніонъ надъ влюбчивыми стариками шутилъ, обыкновенно говаривая: Пусть влюбляющійся старикъ, наполнивъ золотыми свой карманъ, спуститъ за окошко, привязавъ оный къ долгой веревкѣ, и посмотритъ, при-

придетъ ли имъ любимая и поглядитъ ли по крайней мѣрѣ, что въ карманѣ.

Христофоръ Авлей.

Ежели хочешъ какое нибудь дѣло совершить благополучно, то напередъ попробуй силы, дабы въ случаѣ недостатка оныхъ не раскаяваться о начатомъ дѣлѣ. Кто затѣваетъ дѣло съ силами несходственное, тотъ даетъ о себѣ знать, что онъ неблагоразуменъ и легкомысленъ. Лучше не начинать великихъ предпрїятїй, нежели зачавши остановиться въ оныхъ прежде времени.

О женѣ одного сельскаго Учителя, а потомъ сдѣлавшагося Пастора, весьма ревнивой, и другой, которая ей за сїе выговаривала.

Одинъ сельской Учитель обучавшїй малыхъ ребятъ грамотѣ читать и писать, будучи самъ молодыхъ лѣтъ, взялъ за себя вдову съ морщинами, но съ большимъ приданымъ. Послѣ сего, по прозьбѣ одного благороднаго и ближайшаго съ женниной стороны сродственника, сдѣланъ онъ былъ въ томъ же селѣ Пасторомъ, хотя по недостаточному своему знанїю

нїю и смыслу того былъ и недостоинъ. Не прошло еще мѣсяца, какъ сей молодой и новой Пасторъ сталъ ходить на сторону къ молодымъ и дороднымъ женщинамъ, которые были гораздо моложе и чище его жены, и, когда случилось ему быть съ ними вмѣстѣ гдѣ нибудь, или на имeнинахъ, или на родинахъ, или на свадьбѣ, всячески сталъ съ ними шутить и забавляться и весьма вольно и полюбовнически разговаривать. Слѣдовавшая всюду за нимъ жена его стала на него подозрѣвать и ревновать, такъ что съ сей минуты стала чувствовать превеликую въ себѣ досаду, и казалось, что отъ сей самой досады не могла она тогда ни съ кѣмъ говорить. Въ одно время по неотступному зову поѣхалъ онъ, взявъ съ собою жену свою на свадьбу, гдѣ были другїя многїя честныя женщины. И какъ уже онъ къ ихъ компанїи сдѣлалъ привычку, то не много помѣшкавъ вылезъ изъ за стола и сѣлъ между ими въ заднемъ углу. Завелъ веселые разговоры, и, оказывая имъ учтивую ласковость, пилъ съ ними вмѣстѣ и бражничалъ.

Сїе увидя жена его столь огорчилась, что того, что тогда почувствовала въ себѣ, не могла скрыть, но съ великими вздохами зачала литься слезами. Подруга ее, жена другаго Пастора, которая подлѣ ея сидѣла, изумившись толь нечаянной ея перемѣнѣ, полюбопытствовала спросить у нее причину такого ея рыданїя и слезъ. На что она, прерывая почти при всякомъ словѣ свой голосъ, какъ я могу, сказала, удержаться отъ слезъ, о Боги! когда уже мои глаза видятъ, что мужъ мой съ чужими непотребными (симъ словомъ она оклеветала ихъ изъ ревности и отъ великой досады) разговариваетъ съ ними и цѣлуется и всячески старается, какъ бы имъ понравиться. А со мною, о злощастная! можно ли мнѣ сїе стерпѣть, и слова не промолвитъ. Дай Богъ, чтобъ или ужь акалѣлъ мой мужъ, чтобъ перестalъ знаться съ чужими, или ослѣпла я и не могла ничего видѣть. Видишъ ли, любезная сестрица, какъ онъ пристально и мило на нихъ поглядываетъ, съ какимъ удовольствїемъ всѣ ихъ слова слушаетъ и внимаетъ. Но что ужь? только что не виситъ у нихъ на шеѣ. О горемыш-

мышная я на свѣтѣ! а мнѣ ниодного и ласковинькаго словечка не скажетъ, меня бѣгаетъ, гнусны ему мои морщины и льститъ ему изсохшее мое лице. Все сїе слыша сидѣвшая оная подлѣ ее подруга заблаго почла ее утѣшить и отереть ей слезы сими словами: Ахъ! голубушка моя, что я это отъ тебя слышу, будто ты отъ того тоскуешъ, плачешъ и разрываешся, что видишъ мужа своего разговаривающаго съ оными женщинами полюбовнически? Не желай ему того, чего ты, какъ я теперь отъ тебя слышала, на него молила Бога: это онъ тебя испытываетъ, повѣрь мнѣ, и сїи его поступки не къ худшему тебѣ, но къ лучшему послужатъ. Ибо у мужа твоего отъ сихъ ласкательныхъ словъ возродится большїй любовническїй пламень, которымъ онъ когда нибудь потушитъ весь твой гнѣвъ. Чтожъ послѣ сего старуха? Сими словами она столько смягчилась и сдѣлалась веселою, что вдругъ перестала плакать.

Мнѣнїе.

Ревность есть страхъ, чтобъ не имѣлъ кто либо съ тобою общимъ

то, что хочешъ имѣть ты только одинъ. Страсть есть зловреднѣйшая, которая когда овладѣетъ сердцами супруговъ, ужь щастіе такого супружества отчаянно. Отвсюду происходятъ великіе безпорядки, подозрѣнія жалобы, укоризны и ссоры. Въ исторіяхъ читаемъ, что нѣкоторые мужи, будучи заражены сею язвою, погубили вопервыхъ женъ своихъ, потомъ дѣтей и наконецъ самихъ себя. Почему супруги и наипаче женщины должны удаляться отъ сей неудобоотвратимой болѣзни. Мужъ не долженъ слѣпо полагаться и вѣрить словамъ тѣхъ, которые наговариваютъ, или приличаютъ въ чемъ либо жену его, и не все долженъ принимать и толковать въ другую сторону; жены должны быть украшеніемъ дому своему, т. е. постоянны, любить своихъ мужей, не влюбляться и не хвалить красоту и пригожство другихъ, не говорить потаенно съ чужими мужьями и съ женщинами, которые впали въ подозрѣніе. Въ противномъ же случаѣ будутъ онѣ отвѣчать самому Богу и подпадутъ жесточайшимъ наказаніямъ.

Но какъ для человѣка, чтобъ привлечь его къ чему либо, или отвратить отъ чего, мало однихъ токмо примѣровъ, но еще требуются къ тому и правила: то, дабы желающїй удачливо вступить въ супружество для препровожденїя спокойнѣйшей и прїятнѣйшей жизни, не ошибся, или покрайней мѣрѣ былъ осторожнѣе въ выборѣ невѣсты, предлагается здѣсь о сей матерїи знаменитѣйшаго Философа Христїана Томазїя слѣдующее:

РАЗСУЖДЕНIЕ.

Между многими великой происходитъ споръ и сомнѣнїе о томъ, что должно ли вступать въ супружество. Кажется, что сюда принадлежитъ рѣшенїе нѣкотораго Философа, который, когда былъ вопрошенъ, долженоли вступать въ супружество, отвѣчалъ: имѣетъ сожалѣть какъ тотъ кто вступаетъ, такъ и тотъ, кто не вступаетъ въ оное.

Но справедливо, что всякой особливыя имѣетъ склонности; почему естьли сїе предложенїе дать на разсмотрѣнїе каждаго, то всякой оное рѣшитъ по своимъ склонностямъ.

Нѣкоторымъ кажется лучше вступать въ супружество, а нѣкоторымъ лучше нравится холостая жизнь.

Супружество не препятствуетъ учиться мудрости. Почему Віантова дилемма, или обоюдная рѣчь не заключаетъ въ себѣ великой остроты разума. Имѣетъ свои выгоды. Кто хочетъ вступить въ супружество, [мнѣніе онаго мудреца] тотъ хорошо дѣлаетъ; кто не вступаетъ въ оное, [ежели только безъ жены можетъ жить хорошо и благоразумно] тотъ дѣлаетъ лучше. Таковое его мнѣніе клонится къ тому, что благоразумный не долженъ имѣть жены.

И такъ что кому въ разсужденіи сего лучше нравится, можетъ узнать изъ своихъ склонностей.

Впрочемъ ко вступленію въ супружество не очень должно спѣшить. Воздержаніе отъ сладострастія и въ непорочности созрѣвающее отрочество дѣлаетъ юношей благоразумнѣйшими и цѣломудреннѣйшими. Предускорившее любострастіе дѣлаетъ юношей или неблагоразумными, или хитрыми.

Юно-

Юношество не начинается въ мужественныхъ лѣтахъ, но въ оныхъ оканчивается.

Ты согласенъ имѣть жену, но спрашиваешъ, какую? Красавицу ли или непригожую, богатую или убогую, состоянїемъ вышшую или нишшую, простосердечную или хитрую, молодинькую или старую, дѣвушку или вдову и проч.

Не бери ни весьма пригожую, ежели хочешъ избѣжать крайностей и опасныхъ слѣдствїй, ни весьма дурную, ежели хочешъ избѣжать стыда и посмѣянїя другихъ, но среднюю; не самую богатѣйшую и вышшую, дабы не сдѣлаться слугою ее, ни убогую, дабы не подпасть бѣдности, но равную; также ни слишкомъ простосердечную, отъ которой мало можно ожидать хорошихъ совѣтовъ, ни хитрую, коея коварствъ всегда долженъ опасаться, и наконецъ не очень молодую, отъ коей можно ожидать обману.

Сверьхъ сего наиприлѣжнѣйше должно смотрѣть, чтобы было нѣкоторое равенство въ разсужденїи роста,

которое не меньше здѣсь нужно, какъ и оная средина.

При наблюденіи равенства, о которомъ теперь упомянули, должно еще наблюдать, чтобъ мужъ нѣсколько превышалъ жену свою и лѣтами и богатствомъ, ибо сіе большую придаетъ ему красоту и важность.

Но паче всего должно разсматривать сходство нравовъ. Чрезъ сходство нравовъ здѣсь разумѣемъ, ежели съ обоихъ сторонъ есть стараніе о благоразуміи, желаніе о добромъ поведеніи въ своей жизни, и прилѣжаніе, или раченіе къ сохраненію непорочности. Ежели безумной женится на безразсудной, то равенство нравовъ размножитъ въ нихъ безуміе, и вмѣсто дружелюбія родитъ взаимную между ими ненависть. Разумный ежели возметъ за себя неразумную, то онъ можетъ оказать свою терпѣливость при всякомъ неудовольствіи, которое въ такомъ случаѣ можетъ съ нимъ случаться всякой день; но ея глупость и малодушіе умѣрится, или уменьшится хотя мало, того неизвѣстно.

И такъ выше богатаго приданаго должно почитать *благоразуміе* невѣсты, которое при разумномъ мужѣ вскорѣ наградитъ недостатокъ ея красоты, богатства и достоинства. Ежелижъ при семъ будетъ она пригожаго лица, также съ достоинствомъ и богатствомъ, то сіи таланты, или добро не должно считать между недостатками ея, чтобъ для нихъ не вступать съ нею въ супружество.

И такъ ежели невѣста разумна, то ненужно и строгое разсматриваніе сходственности нравовъ. Часто различіе оныхъ пользуетъ больше, нежели вредитъ. Веселый нравъ жены есть лѣкарство мужу печальнаго и меланхолическаго темпераменту; вспыльчивому мужу пользуетъ смиреніе и отвага жены, и такъ далѣе.

Почему ежели какое общество, то наипаче сіе, которое у насъ Христіанъ почти неразрывно, и которое не имѣетъ такого дозволенія развестися мужу съ своею женою, какое у Іудеевъ и прочихъ народовъ было въ употребленіи, сіе, говорю, наипаче общество съ величайшею осто-

рожностїю должно составлять такъ, чтобъ всегда предшествовало основательнѣйшее изслѣдованїе нравовъ и поступковъ. Ибо хотя Индѣйцы имѣли обыкновенїе судить о нравахъ изъ лица и изъ голоса, однако, дабы въ семъ не ошибиться, великое требуется искусство, которому обучать не возмется и великїй мудрецъ.

Предпрїявшему намѣренїе вступить въ супружество нужно, чтобъ собственными глазами смотрѣлъ невѣсту, а не чужими, и чтобъ не слишкомъ полагался на совѣты другихъ. Ибо при такомъ случаѣ часто скрываютъ и самые друзья, что должно быть извѣстно.

Первымъ приступомъ къ женидьбѣ есть сговоръ, но что при семъ случаѣ должно наблюдать, всеобщаго правила для всякаго званїя и состоянїя людей предписать не можно. Почему теперь будемъ разсуждать только о состоянїи вступившихъ уже въ супружество.

По нынѣшнему просвѣщеннѣйшихъ народовъ совершеннѣйшему понятїю супружество признается за

согласіе, благословенное Богомъ, предуправляемое закономъ и воспріемлемое добровольно между мужемъ и женою съ такимъ намѣреніемъ, чтобъ сочетавшимся жить во всю жизнь совокупно и едино супружественно, хранить непорочность и вѣрность житія супружескаго, родить дѣтей, и подавать онымъ общее вспоможеніе въ воспитаніи и защищеніи какъ общему своему порожденію, а притомъ и не оставлять другъ друга не только во время дѣторожденія, но равномѣрно и послѣ воскормленія, воспитанія и распредѣленія дѣтей на собственныхъ каждому основаніяхъ жизни. И такъ поистиннѣ сіе общество между Христіанами должно быть составляемо съ величайшею осторожностію и благоразуміемъ.

Кратко опредѣливъ, что есть супружество, не неприлично будетъ показать должности вступившихъ въ оное.

Женѣ долженъ мужъ отдавать свою честь, но жена къ мужу своему не только должна быть почтительна, но и покорна.

Клео-

Клеобулъ совѣтуетъ, чтобъ въ присудствіи другихъ не оказывать женѣ лишнихъ ласкательствъ и не ссориться съ нею; ибо первое будетъ знакомъ глупости и легкомыслія, а послѣднее знакомъ бѣшенства и малодушія.

Между благоразумными супругами власть мужа въ разсужденіи жены состоитъ больше въ ограниченіи непристойной и излишней ея вольности, нежели въ томъ, чтобъ ею повелѣвать. Власть надъ дѣтьми и рабами всегда должно отдавать мужу, ежели зайдетъ о семъ споръ съ женою. Но благоразумные супруги о семъ весьма рѣдко спорятъ.

Мужъ слѣдуетъ совѣту жены, ежели онъ полезенъ, такъ какъ Государь слушаетъ министра, когда сей предлагаетъ ему хорошій совѣтъ. Но какъ тотъ надъ женою, такъ сей надъ министромъ удерживаютъ право своей власти и имѣютъ волю и не слѣдовать ихъ совѣтамъ.

Долженъ ли мужъ открывать женѣ своей тайны? Для чегожъ и не такъ, когда она его сообщница въ домѣ.

мѣ. Какъ иначе она можетъ о чемъ либо совѣтовать мужу, естьли ей никакія тайны не будутъ сообщаемы. Въ супружествѣ должно быть сердечное признаніе и искренное дружелюбіе. Тайны впрочемъ надобно открывать домашнія а не государственныя. Хотя кто и увѣрился, что жена его довольно разумна и молчалива; но въ разсужденіи государственныхъ тайностей долженъ всегда съ нею обращаться такъ, чтобъ никогда не забыть слабости женскаго пола.

Прилично и знакъ постоянной жены, не знать и не допустить до себя таинъ, которыхъ мужъ вѣдать не хочетъ и не долженъ. Весьма не благопристойно бы было, естьли бы кто въ присудствіи мужа сталъ говорить женѣ на ухо.

Изъ всего сказаннаго можно заключить, что мужъ имѣющій жену благоразумную, не только полагается на самое ея благоразуміе, принимая отъ нее различные добрые совѣты, но притомъ позволяетъ ей иногда входить въ отправленіе своихъ дѣлъ, а потому имѣетъ несомнѣнную надежду и на ея нравы.

Ибо

Ибо какъ во всякомъ родѣ дружбы, безвременная недовѣрчивость больше разслабляетъ и уничтожаетъ вѣрность друга, нежели укрѣпляетъ и увеличиваетъ: такъ и въ супружествѣ безвременная *ревность* или *недовѣренность* и оттуда послѣдовавшїе предосторожности сомнѣнїе значащїе, паче умножаютъ невѣрность мужа къ женѣ, которой о ней другихъ совсѣмъ мыслей, нежели отвращаютъ. Ибо непорочному нѣтъ чувствительнѣе и несноснѣе той обиды, какъ когда онъ опорочивается не за свою вину.

Но болѣе всего благоразумный мужъ полагается на жену свою въ разсужденїи ея должности. Мужъ по возможности долженъ снискивать имѣнїе и богатство и распоряжать онымъ. Жены долгъ есть смотрѣть за онымъ имѣнїемъ и оное соблюдать. Противъ устава натуры человѣческой и противъ порядка народныхъ правъ поступаетъ не токмо тотъ, кто собиранїе и сниканїе имѣнїя и богатства поставляетъ въ должность женѣ, но и тотъ, кто даже въ самомалѣйшимъ вещахъ, принадлежащихъ

къ домашнимъ распоряженіямъ, изъ скупости или недовѣрчивости къ женѣ своей принимаетъ на себя всякое разсмотрѣніе и распоряженіе, и доходитъ наконецъ даже до того, что самъ разсѣкаетъ мясо на части, рубитъ капусту и кладетъ въ горшокъ для варенія.

Когда супружескій союзъ долженъ быть связанъ великимъ дружелюбіемъ, но дружелюбіе обыкновенно открывается чрезъ добровольное соединеніе и сообщеніе имѣній съ обѣихъ сторонъ: то слѣдуетъ, что мужъ, имѣя жену благоразумную, долженъ поступать съ женниными имѣніемъ такъ, чтобъ или права свои въ разсужденіи онаго отложилъ и положился на милость и доброжелательство жены своей, или чтобъ жена сама призналася, что она живетъ съ мужемъ такъ, что все ихъ имѣніе есть общее и нераздѣлимое, т. е. чтобъ она позволяла ему изъ своего, такъ какъ изъ общаго, брать, что потребно для домашнихъ нуждъ.

Въ дружествѣ къ вящшей любви способствуетъ холодность или холодноватое обращеніе; чрезъ такое обра-

ращенїе разумѣется притворное, или наружное уменьшенїе любви. Кто хочетъ такимъ образомъ съ другомъ обращаться, тотъ долженъ притвориться, какъ будто онъ ему не очень знакомъ, и сдѣлаться передъ нимъ весьма учтивымъ, скромнымъ и не столько довѣрчивымъ, какъ прежде.

Между благоразумными къ умноженїю любви и къ сохраненїю дружества больше такое холодноватое обращенїе способствуетъ, нежели между безумными гнѣвъ и ярость.

И такъ между благоразумными любящимися холодноватое обращенїе, между неблагоразумными гнѣвъ служитъ къ возвращенїю и возобновленїю любви.

Но надобно знать, что холодность, такъ какъ всякїя лѣкарства, должна быть (а особливо въ супружествѣ) оказываема благовременно. Ибо ежели мужъ холоднымъ будетъ казаться безъ причины, когда жена его не имѣетъ и не знаетъ за собою ничего худаго: то жена сею его холодностїю не будетъ побуждена къ большей любви, но чрезъ оную принуждена будетъ сама сдѣлаться къ нему холодною.

Но

Но что дѣлать намѣревшемуся сочетаться бракомъ, когда, по обстоятельствамъ временъ, не будетъ онъ допущенъ вступить въ оной съ тою, которую намѣренъ и долженъ былъ взять за себя? Или, что останется дѣлать, ежели сочетавшаяся уже бракомъ перемѣнитъ нравы и отъ пути благоразумія удалится къ пути безумія? Вопервыхъ потребуетъ, не можно ли оную поправить своимъ терпѣніемъ и холодностію (о которой не давно сказано). Ежели сіи средства не удачны будутъ, то будетъ продолжать свое терпѣніе до тѣхъ поръ, пока нравы жены его сдѣлаются для него уже несносными и одинъ другаго терпѣть не будутъ, ибо за симъ послѣдуетъ, что или онъ ее, или она его принуждена будетъ оставить.

Но ежели нравы и обыкновеніе того народа, гдѣ ты сочетался бракомъ, не дозволяютъ навсегда оставить или развестись съ женою, то долженъ ты жить вмѣстѣ съ нею, хотя она неразумна и тебѣ немила. Благоразумный въ такомъ случаѣ будетъ стараться найти способы, какъ бы сіе свое зло, ежели не отвратить, то хотя уменьшить тяжесть онаго.

Ты имѣешъ жену властолюбивую и вздорную. Вселяй страхъ, ежели она боязлива; перестань благодѣтельствовать, ежели скупа; молчи и слова ея ни во что вмѣняй, ежели она сильна и горда. Ежели же сїе не послужитъ къ ея исправленїю, а иначе не знаешъ, какъ ея исправить, то подражай Сократу.

Но естьли жена твоя будетъ столь развращенна, что вдавшись въ пьянство и роскошъ, не принимаетъ отъ тебя никакихъ совѣтовъ, не слушаетъ увѣщанїй и тебѣ въ томъ всегда упорствуетъ, тогда можешъ отъ нее на время удалиться, пока она исправится.

Приключилось, что жена твоя умерла и по смерти ея ты сталъ свободенъ, ежели она была нехорошаго нрава, воленъ, ежели она была добронравная. Ибо супружество сколько бы ни было прїятно и выгодно, но оно, какъ и всякое дружество, то имѣетъ невыгоднаго, что свобода твоя много ограничевается и даже стѣсняется правилами благопристойности, которыми она обязана принимать участїе въ чужой радости и печали, или нещас-

щастiи. А напротивъ ежели ты будешъ только одинъ, меньше будетъ печали и меньше радости.

И такъ въ другой разъ лучше къ браку не приступать или покрайней мѣрѣ не вдругъ. Испыталъ свободу, испыталъ супружество. Но о вкусахъ спорить не можно. Однако не должно въ скорости приступать ко второму бракосочетанiю. Не только о вкусѣ своемъ должно размышлять, но и о дѣтяхъ надобно подумать. Или второй женѣ своей, или дѣтямъ худо сдѣлаешъ. Мачихи и пасынки натурально между собою не любятся. Которой сторонѣ ни угождай, нарушится твое спокойствiе. Ежели же не угождать ни той ни другой сторонѣ, то и сiе безполезно.

Но хотя ты имѣешъ дѣтей, однако помедли приступать ко второму браку. Имѣлъ жену добронравную, будь доволенъ симъ щастiемъ, которое рѣдко удвояется. Вкусилъ горесть супружества, желаешъ теперъ вкусить сладость онаго. Дай Богъ, чтобъ намѣренiе твое получило желаемой конецъ.

И такъ хочешъ испытать свое щастiе, испытай. Но естьли ты

уже извѣдалъ то, вѣрно будешъ доволенъ, естьли приключится, что и вторая жена твоя умретъ.

Пусть будетъ и такъ, что имѣешъ жену, лучше которой требовать не льзя. Но она не будетъ раждать дѣтей. Однако отъ сего самаго не желай съ нею развестись. Имѣть дѣтей хорошо, но сомнительно. Ибо не всѣ тѣ находятъ удовольствіе и пріятность, которые оныхъ имѣютъ. Ты имѣешъ истинное добро, ежели жена твоя есть женщина прямо лестная: безразсудное дѣло, истинное добро промѣнять на неизвѣстное. Одна жена добронравная и постоянная будетъ тебѣ вмѣсто многихъ дѣтей.

Но положимъ, что ты имѣешъ дѣтей, увеселяешся и ихъ любишъ. Но не превзойди въ семъ мѣру.

Прежде всего старайся, чтобъ не воспитать ихъ въ роскоши и излишной нѣгѣ. Нѣкоторый мудрецъ желалъ отъ непріятеля того только, чтобъ его дѣти воспитаны были въ роскоши.

Берегись худыхъ примѣровъ въ разсужденіи поступокъ, которые хотя кажутся и общими. Иные не наказываютъ своихъ дѣтей, ежели еще не

не дѣйствуетъ въ нихъ разсудокъ, приводя въ причину, что дѣти не разумѣютъ, для чего они наказываются. Ежели будутъ разумѣть, то тогда уже начинаютъ исправлять ихъ наказанїями. Но сїе дѣло лучше должно быть на оборотъ. Дѣтей должно наказывать, пока еще не дѣйствуетъ въ нихъ разсудокъ. Ибо и звѣри укрощаются и удерживаются, поелику они не имѣютъ разсудка. Когда разумъ начинаетъ дѣйствовать и упражняться, тогда уже наказанїя должно оставить. Ибо съ сего времени послѣдуетъ воли исправленїе, покуда дѣти будутъ находиться въ обращенїи и обществѣ съ людьми, которые и словами могутъ исправить ихъ ошибки.

Ежели дѣти начинаютъ слушать и повиноваться разуму, то при воспитанїи не всегда приписывай похвалу, не всегда и поношенїе. Кои не хвалятъ того, что достойно похвалы, тѣ чрезъ сїе показываютъ свое упрямство и ненависть къ человѣческому роду, которая въ дѣтяхъ вселяетъ боязливость, а не любовь. Но надобно остерегаться, дабы отъ похвалъ не возродилось и не возрасло

честолюбіе. О семъ не должно много сомнѣваться. Но не меньше надобно опасаться, чтобъ безвременными и безпрестанными поношеніями не сдѣлать дѣтей своихъ нерадивыми и неспособными къ честнымъ дѣламъ, или, однимъ словомъ, не сдѣлать бы ихъ Циниками.

Естьли же напротивъ всегда будешъ хвалить дѣтей и никогда не хулить увидѣвши достойное хулы, безъ сомнѣнія ты ихъ развратишъ своею поблажкою и сдѣлаешъ ихъ нерадивыми и сущими невѣжами. Почему поступай съ ними такъ: иногда хвали ихъ, иногда хули. При семъ самыя качества и дарованія ихъ различи. Инакимъ образомъ хвали и хули тѣхъ, которые съ пристрастіемъ желаютъ честей, инакимъ образомъ презирающихъ оныя, иначе въ лѣность вдающихся и проч.

При семъ не нужно сказать, что безвременная хвала, т. е. ласкательство, какъ всѣхъ людей, такъ и дѣтей портитъ. И такъ поелику дѣтямъ, безъ сомнѣнія, дома бываетъ больше ласки и потачки, то родители обыкновенно соглашаются отдавать ихъ для воспиты-

питыванія посторонним. Сіе, можно сказать, ни худо, ни хорошо.

Естьли оные посторонніе воспитатели, (или по нашему дядьки) сами неблагоразумны, то не будут ли они ласкательствовать своим воспитанникам; или, ежели сего не будут делать, не погубят ли и не испортят ли их безпрестанными поношеніями и лютостію. Ежелиж дети воспитываться будут при тебе, то ты можеш сам охотно и безлестно поправить сделанную ими ошибку. Но у посторонних сіе делается с великою трудностію.

Ты опасаешся собственнаго своего к детям снисхожденія, и уповаешь, что лучшее им будет воспитаніе на стороне; поступи так; щастливо тебе. Но не без всякаго разбору. Не полагайся на то, что все с восклицаніем хвалят. Что от всех бывает похваляемо, о том благоразумный и осторожный величайшее имеет сомненіе. Ничем так против детей не погрешишь, как ежели отдаш их воспитывать таким, которые их легко могут развратить и испортить.

Надобно, когда время придетъ, уклонять и прїучать дѣтей своихъ, чтобъ они отъ ребяческихъ поступокъ понѣскольку отвыкали. Но не слишкомъ строго. Отрочеству должно дѣлать снисхожденїе. Отроки, поколику отроки, отрочески живутъ, мыслятъ и поступаютъ. Неблагоразуменъ бы былъ, естьли бы кто отрокамъ велѣлъ носить сапоги, которые впору совершенновозрастному мужу. Но большее еще есть безумїе, требовать, чтобъ отроки во всемъ сообразовались нравамъ и поступкамъ пришедшихъ уже въ глубокую старость.

Почему сколько должно смотрѣть, чтобъ дѣти не привыкали говорить между собою о худомъ чемъ либо, а наипаче въ присутствїи Эфора или надзирателя: столько впрочемъ трудно, ежели ихъ никогда не оставлять одних, признать, сколько они прїобрѣли плодовъ воспитанїя, и чего еще не достаетъ. Почему надзиратели, или дядьки должны когда нибудь оставишь ихъ однихъ, чтобъ они что нибудь дѣлали, дабы узнать что между ими происходило, пока ихъ съ ними не было.

Такъ

Такъ же достохвально, ежели отроки обучаются пристойному молчанію, которое служитъ къ засвидѣтельствованію почтенія передъ вышшими, и ежели пріобучаются не говорить того, что ни взбредетъ на умъ. Однако не должны быть настроены и такъ, чтобы были точно какъ нѣмые, или чтобъ говорили наподобіе попугаевъ; но надобно внушать, чтобы знали сами говорить, что приличествуетъ, смотря по обстоятельствамъ дѣлъ и матеріи, и чтобъ научились свои мысли открывать порядочно и такъ, чтобъ въ разговорахъ своихъ заслуживали вѣроятіе.

Отроки должны между собою разговаривать, дабы добронравный надзиратель, или дядька могъ признать ихъ нравы, плодъ размышленія, разума и воли. Но ничего изъ сихъ не можно обстоятельно узнать, ежели отрокамъ ниже между собою не будетъ позволяемо разговаривать, какъ они хотятъ.

О чемъ должны отроки разговаривать? О такихъ, безъ сомнѣнія вещахъ, которые ближе къ ихъ понятію. Ибо можетъ ли кто быть столько безуменъ, кто бы сказалъ, что

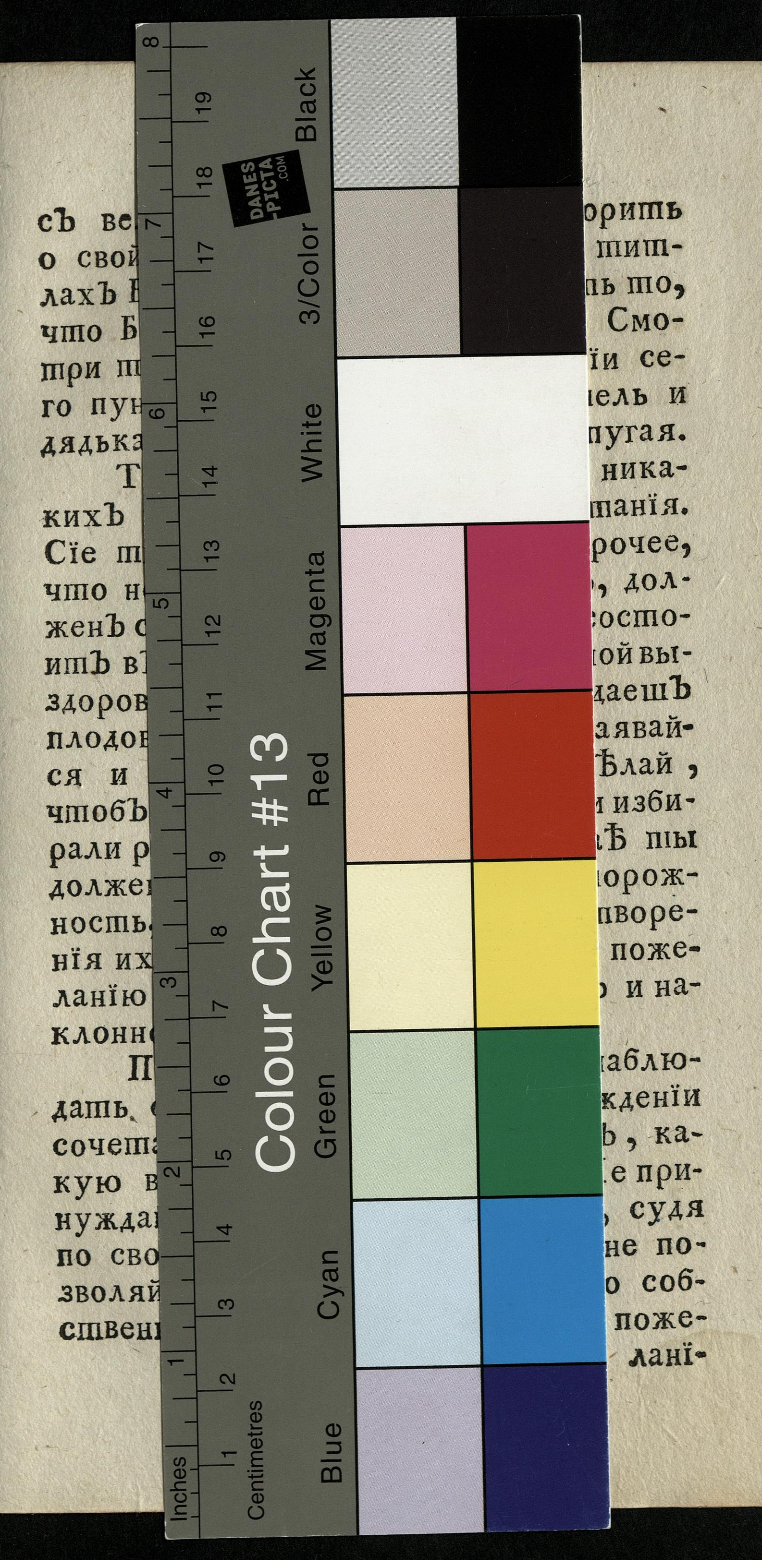
отроки должны разговарить о вещахъ, которыхъ бытія и положенія понять не могутъ. Съ приращеніемъ лѣтъ умножается и разумъ. Надобно впрочемъ говорить о вещахъ полезныхъ. Но нѣтъ ничего роду человѣческому полезнѣе, какъ разбирать и судить о дѣйствіяхъ человѣческихъ. Итакъ по большой части должно говорить о дѣйствіяхъ человѣческихъ и чаще заниматься въ изслѣдованіи оныхъ, наблюдая правила мудрости и благоразумія. Когдаже отроки оныхъ правилъ еще не знаютъ и не разумѣютъ, надобно, чтобъ благонравія надзиратель оныя зналъ и имъ показывалъ. Но онъ не можетъ ихъ знать, а потому и предлагать, ежели онъ самъ не человѣкъ, но попугай.

Начало премудрости есть страхъ Господень, страхъ не рабскій, но сыновній. Начало премудрости есть благочестіе, которое не въ умствованіи и ни въ разговорахъ состоитъ, но въ чистосердечномъ и истинномъ къ Богу почтеніи и любви. Изъ сего явствуетъ, что не есть знакъ истиннаго богопочитанія, желать проникнуть въ Божія таинства, не пренебрегать его святѣйшія повелѣнія, или

съ великимъ остроумїемъ говорить о свойствахъ, превосходствѣ и титлахъ Божїихъ, но дерско отвергать то, что Богъ дѣлать не повелѣлъ. Смотри теперь, чѣмъ въ разсужденїи сего пункта благонравїя надзиратель и дядька различествуетъ отъ попугая.

Ты воспиталъ дѣтей, но никакихъ не видишъ плодовъ воспитанїя. Сїе ты такъ, какъ и другое прочее, что не въ твоей состоитъ волѣ, долженъ сносить великодушно. Не состоитъ въ волѣ лѣкаря, чтобъ больной выздоровѣлъ. Но ты надеешся и ожидаешъ плодовъ онаго. Поистиннѣ не отчаявайся и испытай свое упованїе. Сдѣлай, чтобъ дѣти твои упражнялись и избирали родъ жизни. При семъ случаѣ ты долженъ имѣть великую осторожность, чтобъ не сдѣлать удовлетворенїя ихъ по своему безрассудному пожеланїю и не судить о ихъ силахъ и наклонностяхъ по собственнымъ.

Почему такуюже должно наблюдать осторожность и въ разсужденїи сочетанїя бракомъ дѣтей своихъ, какую въ избиранїи рода жизни. Не принуждай ихъ къ бракосочетанїю, судя по своимъ склонностямъ. Да и не позволяй имъ въ оное вступать по собственнымъ ихъ безразсуднымъ пожеланї-

съ ве… …орить
о свой… …тип-
лахъ Б… …пь то,
что Б… …Смо-
три п… …іи се-
го пун… …ель и
дядька… …пугая.
Т… …ника-
кихъ… …панія.
Сіе п… …рочее,
что н… …, дол-
женъ с… …состо-
итъ в… …ной вы-
здоров… …даешъ
плодов… …аявай-
ся и… …ѣлай,
чтобъ… …и изби-
рали р… …ѣ пы
должен… …порож-
ность… …творе-
нія их… …поже-
ланію… …о и на-
клонно…
П… …аблю-
дать… …жденіи
сочета… …ъ, ка-
кую в… …е при-
нужда… …, судя
по сво… …не по-
зволяй… …о соб-
ственн… …поже-
…ланi-

ланїямъ и прихотямъ. Родъ жизни слѣпо и безразсудно избранной можно и перемѣнить, ежели ошибка дознана будетъ. Но женъ или мужей перемѣнять такимъже образомъ не есть въ нашемъ произволенїи.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

О знатномъ господинѣ.

При дворѣ Филиппа Ландграфа Гессинскаго былъ одинъ знатнаго рода юноша, который хотя былъ очень богатъ, однако при безчисленномъ своемъ богатствѣ носилъ платье не соотвѣтствующее своему имѣнію и безъ всякихъ пышностей; притомъ, ни передъ кѣмъ себя не надымая, со всякимъ обходился очень благосклонно и ласково, вступая иногда въ забавныя и дружескія разговоры. При всемъ томъ, будучи человѣкъ молодой и знатнаго рода, не имѣлъ пристрастія къ невоздержности и другимъ прихотямъ, отправляя должность свою съ возможнымъ раченіемъ. Ему нѣкогда Филиппъ говорилъ слѣдующее: тебѣ извѣстно Германъ, что я на сихъ дняхъ многихъ твоихъ товарищей пожаловалъ чинами, иныхъ совѣтниками, другихъ военоначальниками, иныхъ Камергера-

ми, другихъ Гофмейстерами и прочихъ разными чинами; однимъ словомъ, при дворѣ моемъ и внѣ онаго къ разнымъ должностямъ опредѣлилъ я многихъ твоихъ сверстниковъ. Скажи, пожалуй, Германъ, когда ты, принявши на себя должную важность, окажешся достойнымъ, чтобъ я и тебя, какъ твоихъ товарищей, опредѣлилъ въ какое нибудь достоинство? На сїе Германъ такъ ему отвѣтсвовалъ: милостивый государь! я всегда съ должнымъ усердїемъ могу оказать вамъ мое благоразумїе, когда только вамъ угодно. Филиппъ, удивяся такому его отвѣту, сказалъ ему: Какъ? когда я захочу? Боже мой! не ужели я прежде не желалъ того, что бы ты давно перемѣнился? И въ моей ли то состоитъ волѣ, что бы ты былъ благоразумнѣе? Подлинно въ вашей, отвѣтствовалъ Германъ, ибо какъ скоро вы на меня возложите какой нибудь чинъ, тогда я буду гораздо умнѣе, нежели теперь, являя тѣмъ, что иные будучи неразумнѣе его произведены въ чины. Хорошо, сказалъ Филиппъ, ты настоящую правду и очень разумно мнѣ отвѣтствовалъ, потому что чести перемѣняютъ

ютъ обычаи, и великой и благородной духъ бываетъ отъ великихъ достоинствъ. Я не премину произвести тебя въ чинъ, какъ скоро какой нибудь случай откроется. Вскорѣ потомъ онъ опредѣлилъ его Губернаторомъ въ одной своей провинціи. Германъ въ своемъ достоинствѣ такъ честно и во всемъ справедливо поступалъ, что не только заслужилъ себѣ похвалу отъ Филиппа, но и сыну Вильгельму довольно оказалъ съ вѣрностію свои услуги.

Добродѣтель сама собою награждается.

Объ Императорѣ Максимиліанѣ.

Императоръ Максимиліанъ, за пять лѣтъ прежде своей смерти, не взирая на то, что занятъ былъ превеликими государственными нуждами и недосугами, сдѣлалъ себѣ гробницу. Ибо какъ въ Инспруккѣ его любимѣйшемъ замкѣ строили превеликолѣпной Дворецъ и мастера сдѣлали нѣкоторую ошибку, то Максимиліанъ оборотившись къ Матвѣею, первому тайному своему Секретарю, сказалъ ему потихоньку на ухо: они ничего не дѣлаютъ, что бы мнѣ нравилось. Такъ я и другой домъ для себя сдѣ-

лаю, которой непремѣнно мнѣ будетъ угоденъ. И въ тотъ самой день приказалъ со всѣми принадлежностями, нужными для погребенія мертвыхъ, сдѣлать тайно для себя самаго гробницу, для того, что бы не подумали, что онъ то дѣлаетъ по какому либо тщеславію или притворному благочестію. Онъ ее съ возможною тайностію чрезъ цѣлыя пять лѣтъ берегъ до самой смерти при себѣ, гдѣбъ онъ ни былъ, такъ что когда ѣздилъ въ Медселанъ противу французовъ, то имѣя оную при себѣ, приказывалъ въ каждую ночь стеречь ее и сохранять съ возможною осторожностію. Многіе люди, да и самые Вельможи его думали, что тутъ сохраняется какое нибудь драгоцѣнное сокровище. Иные представляли, что тамъ лежатъ древнія историческія книги: однимъ словомъ, всякой судилъ о томъ по своему мнѣнію. Но Императоръ дѣйствительно о такихъ ихъ суетныхъ мнѣніяхъ вѣдая, смѣючись сказывалъ, такъ какъ и всегда былъ веселъ, что тамъ хранится нѣчто для него пріятнѣйшее въ свѣтѣ. Такимъ образомъ желая помнить всегда о своей смерти, онъ денно и нощно

но имѣлъ предъ глазами свою гробницу, дабы воспоминанїе смертнаго часа истребило въ немъ пустыя и гордыя мысли и внушило ему въ сердце смиренїе. Онъ также при жизни своей приказывалъ, чтобъ на его мертвое тѣло всѣмъ безъ изключенїя, и самому простому народу дозволено было смотрѣть, дабы взирая на него познали, что и они, какого бы состоянїя ни были, суть смертные, и что никакое пышное украшенїе, ни богатство и самая власть не можетъ ихъ избавить отъ смерти.

О Скороходѣ Датцкаго Короля.

По происшедшей вечеромъ между придворными ссорѣ въ залѣ сего Короля одинъ былъ заколотъ мечемъ; въ оной залѣ въ то время кромѣ царскаго Скорохода было человѣкъ съ 12 придворныхъ вельможей. Но какъ убiйца никому не былъ извѣстенъ, впрочемъ всѣ придворные обличали въ томъ Скорохода: то Король по причинѣ отмѣнной къ нему благосклонности, почитая его за невиноватаго, и думая, что вельможи противъ его согласились, всѣхъ ихъ, сколько ни было въ залѣ, приказалъ

взять подъ караулъ и поставить ихъ подлѣ тѣла убіеннаго, и что бы каждой изъ нихъ, приложивши къ его сердцу правую руку, поклялся въ томъ, что онъ въ содѣянномъ убивствѣ не виноватъ. Въ то время, когда всѣ придворные приступая по порядку исполняли Королевское приказаніе, ничего не проистекло крови изъ тѣла убіеннаго. Пришелъ потомъ и убійца скороходъ. Онъ прежде съ непримѣтнымъ притворствомъ лобызалъ ноги умершаго, чтобъ тѣмъ самимъ умилостивить его за причиненное ему убивство. Потомъ какъ только приложилъ руку свою къ его груди, то тотчасъ полилась кровь изъ раны, ноздрей и ушей бездушнаго тѣла, чѣмъ онъ явно и былъ обличенъ въ злодѣяніи. Наконецъ убѣжденъ будучи истекшею кровію и внутренно терзаемъ совѣстію, самъ онъ признался въ семъ убивствѣ, за что по приказанію Королевскому былъ немедленно казненъ.

О Вицеліи шутѣ Епископа Могунтинскаго.

Гуогфангъ Епископъ и Курфирстъ Могунтинской имѣлъ при своемъ Дворѣ Вицелія, которой нѣсколько зналъ Ла-

Латинскаго языка, былъ весьма шутливъ и превеликой простякъ. Въ одно время нѣкоторой знатной юноша желая сбить его въ словахъ и надъ нимъ посмѣяться, спросилъ его: Вицелій, желалъ бы я знать, по какому праву льстишся ты, что знаешь да притомъ и совершенно Латинской языкъ, когда въ самомъ дѣлѣ ты несмысленнѣе осла, и самаго Езопа съ превеликимъ трудомъ разбирать можешъ? Да что съ тобою много говорить? Я охотно соглашусь, естьли тебѣ угодно, положить въ закладъ червонной въ томъ, что ты не знаешъ какого роду мать. На сіе Вицелій съ великимъ движеніемъ отвѣтствовалъ: Боже мой! что я слышу! ты меня до сихъ поръ щиталъ столь за глупаго, что будто я и сего не знаю? Но чтобы васъ въ томъ точно увѣрить, что я предложеніе ваше совершенно разумѣю, то я вамъ сказываю, что мать моя есть рода женскаго, а ваша сударь общаго. Симъ веселымъ и колкимъ отвѣтомъ Вицелій привелъ сего юношу въ такое изумленіе, что все, что онъ противъ того послѣ ни говорилъ, казалось ничего не стоющимъ; а всѣ

слышавшїе Вицелїевъ проворной отвѣтъ почти помирали со смѣху.

О Германѣ Бушїѣ.

Германъ Бушїй, славный стихотворецъ и Маркбургской Академїи бывшїй Професоръ, шедши въ одно время чрезъ торгъ, обшелъ премножество народа; и какъ онъ былъ одѣтъ въ простомъ домашнемъ платьѣ, то никто изъ встрѣчающихся ему должнаго не отдавалъ почтенїя. Сїе примѣтивши Бушїй тотчасъ возвратился домой и снявши съ себя оное платье надѣлъ великолѣпное одѣянїе и пошелъ опять не медленно на торгъ. Всѣ тогда предъ нимъ вставши снимали свои шапки и съ должнымъ почтенїемъ ему кланялись. Но разумный мужъ походивши не много возвратился опять домой и снявши съ себя хорошее одѣянїе началъ его топтать ногами говоря: проклятое платье, ты ли Бушїй? или я? Сей великїй Бушїй весьма былъ огорченъ людей предразсужденїемъ, которые не человѣку но его платью отдаютъ почтенїе.

О му-

О мужикѣ.

Одинъ Пасторъ Маркбургской Епархіи имѣлъ тѣсное знакомство съ Іоанномъ Драконитомъ, того города славнымъ богословіи Профессоромъ. И потому не только очень часто онаго Профессора посѣщалъ, но и подарки разныя къ нему пересылалъ, за что равнымъ образомъ и самъ отъ него былъ угощаемъ. Въ одно время Пасторъ послалъ въ подарокъ Дракониту возъ дровъ и зайца съ деревенскимъ мужикомъ, которому имя Драконита столь долго и много разъ натверживалъ, что совершенно надѣялся, что онъ сіе имя столько разъ повторенное и уже извѣстное конечно не позабудетъ. Но мужикъ пріѣхавши въ Маркбургъ сталъ у встрѣчающихся ему спрашивать: гдѣ здѣсь живетъ учитель Василискъ? Они ему отвѣтствовали, что въ Маркбургѣ нѣтъ учителя, которой бы назывался симъ именемъ. Что издѣваетесь надо мною? говорилъ онъ напротивъ; я подлинно знаю, что въ семъ городѣ есть какой-то учитель Василискъ; ибо онъ и самъ часто ѣздитъ къ нашему Пастору, равно и

нашъ Пасторъ тожъ самое дѣлаетъ, да вотъ и нынѣ послалъ онъ сему учителю возъ дровъ и зайца; такъ пожалуйте скажите мнѣ ту улицу, въ которой онъ живетъ. Граждане увидѣвши ученика, которой тутъ къ стати шелъ, велѣли мужику спросить у него о семъ учителѣ. Мужикъ и его спросилъ: гдѣ здѣсь живетъ учитель Василискъ? На что ученикъ тоже самое отвѣтствовалъ, что и граждане прежде. Мужикъ съ превеликимъ упорствомъ и жаромъ утверждалъ, что онъ подлинно извѣстенъ, что здѣсь въ городѣ живетъ такой-то учитель, которой называется Василискъ, въ какой бы то улицѣ ни было. Наконецъ ученикъ спросилъ его имѣешъ ли ты какое нибудь письмо отъ своего Пастора къ учителю Василиску? Покажи сюда, я прочитаю надпись онаго. Мужикъ подалъ ему, котораго надпись прочитавши ученикъ сказалъ ему: эдакой ты пень! тебѣ должно искать учителя Драконита, а не Василиска, котораго не только въ семъ городѣ или Академїи, но и во всей природѣ можетъ быть нѣтъ. Да; такъ, такъ, отвѣтствовалъ мужикъ, онъ называет-

вается Драконитомъ. Я помнилъ, что его имя походитъ на котораго нибудь изъ сихъ лютыхъ животныхъ.

объ Астрологѣ.

Одинъ Астрологъ предсказывалъ что Генрихъ VII. Аглинской Король въ томъ году скончается. О семъ было донесено Королю; онъ призвавши звѣздочетца, принялъ его очень ласково, скрывая отъ него свое намѣренїе. Потомъ между прочимъ спросилъ его: льзяли что нибудь за подлинно предсказать по теченїю звѣздъ и довольно ли ты искусенъ въ сей наукѣ? Онъ надѣяся большей отъ Короля милости и благоволенїя, все сїе подтвердилъ. Такъ скажи мнѣ, спросилъ тогда Король, гдѣ ты будешъ во время святокъ? [ибо тогда наступалъ праздникъ рождества Христова.] Но какъ Астрологъ видя себя въ тѣсныхъ обстоятельствахъ напослѣдокъ по принужденїю Короля признался, что онъ ничего не можетъ за подлинно предсказать; такъ я самъ искуснѣе тебя въ сей наукѣ, сказалъ ему Король, поелику я знаю что ты въ то время будешъ въ темницѣ: и тогдажъ приказалъ его туда

отвесть; откуда по довольномъ истощенiи прорицательнаго духа съ посмѣянiемъ выпущенъ.

О нѣкоторомъ неученомъ.

Нѣкоторой неученой будучи вопрошенъ, что значитъ Эпитафiя, отвѣтствовалъ, что это одна женщина, которая была нѣкоего знатнаго въ свѣтѣ Государя кормилица. Ибо онъ думалъ, что сiе имя было собственное какой нибудь женщины, которое напротивъ того есть нарицательное.

о Кравчемъ первомъ Совѣтникѣ Французскаго Короля Людовика XI.

Въ одно время Людовикъ XI. приказывалъ Сенаторамъ и прочимъ Совѣтникамъ апробовать нѣкоторое повелѣнiе. Они когда на то не согласились, потому что оно имъ казалось несправедливо: то Король разгнѣвавшись за сiе грозилъ смертiю всему собранiю. Тогда Кравчiй, старшiй изъ всѣхъ Сенаторовъ, одѣвшись въ великолѣпное платье, пошелъ прямо со всѣми Сенаторами къ разгнѣванному Королю. Онъ удивившись такой великолѣпной ихъ церемонiи и неожиданному приходу, спросилъ, за чѣмъ они и для какой прозьбы пришли такъ не-

неблаговременно? Тогда Кравчїй именемъ всѣхъ Сенаторовъ ему такъ отвѣтствовалъ: Мы просимъ смерти, Государь, которою вы намъ угрожали, естьли мы не согласимся на ваше повелѣнїе. Но знайте, Государь, что мы лучше желаемъ умереть, нежели сдѣлать что нибудь противъ совѣсти и должности нашей.

О Селимѣ Турецкомъ Императорѣ.

Селимъ, Турецкой Императоръ, о самомъ себѣ обыкновенно говаривалъ, что онъ не роститъ долгой бороды, какъ дѣлывалъ отецъ его Боязетъ, для того, чтобъ Паши ухватившись за нее руками не водили Государя по своей волѣ, какъ случилось съ Боязетомъ.

О Христїанѣ Королѣ Дацкомъ.

Король Дацкїй и Норвежскїй, Христїанъ третїй, будучи въ опасной болѣзни, сказалъ: Королей обыкновенно называютъ непобѣдимыми; но сколько мы непобѣдимы, то ясно доказываютъ болѣзни, которыми мы удручены и въ безсилїе приведены бываемъ.

О Со-

О Солиманѣ Турецкомъ Императорѣ.

Турецкой Императоръ Солиманъ спросилъ нѣкогда у Посланника, Римскаго Короля Карла V. кто такой былъ Люттеръ? На что Посланникъ отвѣтствовалъ ему, что Люттеръ тотъ, которой опорочивалъ многія служенія, ругалъ также Папскихъ Идоловъ и призываніе умершихъ людей, чего также и Турки не терпятъ, когда признаютъ единаго только Бога и его единаго призываютъ. Солиманъ услышавши такой отвѣтъ, отъ радости съ превеликимъ восторгомъ закричалъ: Ахъ! до какого свѣта истинны дошелъ сей мужъ; однако не получилъ еще такого, какой мы, Турки имѣемъ.

Объ Отомарѣ Соловьѣ.

По преданію нашихъ прѣдковъ былъ Отомаръ, который прозывался Соловей. Ему на ругательныя нѣкоторые и безтолковые стихи, которые онъ писалъ противъ умершаго Гульдриха Гуттена, Филиппъ Меланхтонъ отвѣтствовалъ слѣдующимъ двустишіемъ:

Тебя,

Тебя, что мертвыхъ такъ отважился ругать,
Достойно Коршуномъ, не Соловьемъ назвать.

О Климентѣ Мароттѣ Французскомъ стихотворцѣ.

Кардиналъ Лотаринской отправляяся нѣкогда въ Римъ, единственно для поздравленія Папы, взялъ съ собою Климента Маротта для того, чтобы его веселыми разговорами забавляться, а тѣмъ самимъ избавиться скуки, которую на семъ дальнемъ пути претерпѣть надлежало. И такъ Кардиналъ Лотаринской, по прибытіи въ Римъ, немедленно предсталъ предъ Папу, въ провожаніи Климента и другихъ Кардиналовъ. Его Святѣйшество Кардиналу и другимъ съ нимъ бывшимъ подалъ цѣловать свои ноги. Но Мароттъ, пожелавъ Кардиналу своему всякаго благополучія, изъ сей Аудіенціи побѣжалъ. Сіе какъ самому Папѣ, такъ и всѣмъ бѣднымъ его твореніямъ очень странно показалось. И такъ немедленно послали за нимъ нѣкоторыхъ служителей, которые и представили его предъ судилище Папы. Папа спросилъ его, для чего онъ такъ

ско-

скоро побѣжалъ? На что Мароттъ съ смѣющимся лицемъ отвѣтствовалъ: я опасался, Ваше Святѣйшество, что бы мнѣ непотребному рабу не досталось лизать пыль вашихъ туфлей, когда и Господа мои едва удостоились цѣловать ваши ноги; почему, чтобъ избавиться мнѣ сего стыда, я согласился лучше отъ васъ убѣжать. Сему шуточному и замысловатому отвѣту какъ самъ Папа, такъ и всѣ находившіеся при немъ Кардиналы чрезвычайно смѣялись. Естьли бы сіи слова осмѣлился сказать кто нибудь другой, то безъ сомнѣнія былъ бы осужденъ къ смерти какъ еретикъ и презритель священнѣйшаго Папскаго Престола. Но Маротта, который по своему виду и шуточнымъ рѣчамъ казался очень смѣшнымъ, почитая за полоумнаго, въ семъ простили.

о Проповѣдникѣ.

Учитель Мартинъ Лютеръ, желая нѣкогда свидѣтельствовать одного Монаха, годится ли онъ въ проповѣдники, велѣлъ ему при себѣ, въ присутствіи нѣкоторыхъ постороннихъ, говорить какое нибудь поучитель-

тельное слово. Монахъ, который долженъ былъ говорить предику, читалъ сперва текстъ Священнаго Писанія: Азъ есмь Пастырь добрый, и отъ робости задрожавши нѣсколько времени молчалъ. Потомъ опять началъ: Азъ есмь Пастырь добрый, и въ другой разъ изумившись замолчалъ. И въ третій разъ сказавши, Азъ есмь Пастырь добрый, сталъ какъ пѣнь, ничего болѣе не могъ продолжать. Тогда Мартинъ Лютеръ сказалъ ему: ты не Пастырь добрый; а овца или баранъ несмысленной.

О Пасторѣ.

Какъ проповѣдникъ, Папской Секты, говорилъ слово въ одномъ Нѣмецкомъ городѣ объ поминовеніяхъ, которыя должно отправлять по умершимъ: то оборотившись къ Протестантамъ, которые сіи обѣдни отвергаютъ, съ превеликимъ жаромъ сказалъ пусть онѣ умершимъ ненужны, но весьма полезны намъ [послѣ ихъ оставшимся]. Чернь услышавши сіе произвела превеликой смѣхъ, разумѣя чрезъ намъ, Священниковъ, которымъ отъ сихъ обѣденъ не малой бываетъ доходъ.

О Па-

О Пасторѣ.

Когда Мартинъ Лютеръ имѣлъ въ Виттембергѣ споръ о Папской службѣ, и когда начали предлагать сильныя причины, для которыхъ должно оставить Папскую службу: тогда одинъ изъ всего собранія вставши съ великимъ жаромъ говорилъ: да у чегожъ и что мы будемъ за священники, естьли Папскую службу отмѣнить? На что изъ собранія студентовъ слышанъ былъ слѣдующій отвѣтъ: вы будете сонъ и привидѣніе, чему всѣ бывшіе въ Аудиторіи захохотали и очень долго смѣялись.

О нѣкоемъ Доминиканцѣ.

Одинъ Доминиканецъ для пробуженія засыпающихъ во время его поученія, которое онъ говорилъ послѣ обѣда, сказалъ слѣдующую басню: Нонна, по причинѣ появившагося во чревѣ ея плода, была обличена въ прелюбодѣяніи. Начальница того монастыря, или Игуменья созвавши всѣхъ своихъ Монахинь, начала ее при всѣхъ ругать за то, что она святую обитель осквернила. Нонна извинялась насильствомъ, говоря: молодецъ будучи гораздо сильнѣе меня, пришелъ

ко

ко мнѣ въ спальню, которому тщетно бы я осмѣлилась противиться; сверьхъ того дѣйствія насильствомъ учиненныя не почитаются за беззаконія. Потомъ Игуменья говорила ей: можно бы въ томъ извинить тебя, естьли бы ты кричала, какъ законъ повелѣваетъ. На сіе дѣвица отвѣтствовала: я бы точно такъ сдѣлала; но это происходило ночью въ моей спальнѣ, гдѣ законъ повелѣваетъ наблюдать молчаніе.

О Священникѣ великомъ простякѣ.

Въ Пруссіи на одного священника донесено было его Епископу въ томъ, что онъ не по обыкновенному церкви установленію креститъ младѣнцовъ. Онъ будучи призванъ къ Епископу и о томъ допрашиванъ, отвѣтствовалъ, что онъ въ крещеніи младѣнцовъ наблюдаетъ уставленной отъ церкви обрядъ, какъ надлежитъ. Но чтобы лучше въ томъ удостовѣриться, то вздумалось Епископу самому освидѣтельствовать священника. Но какъ на ту пору не случилось младенца, то сдѣлавши изъ соломы пучокъ на подобіе младѣнца, принесли оной для окрещенія къ священнику.

Тогда священникъ, въ присудствіи Епископа и другихъ многихъ въ то время тутъ же случившихся священниковъ, разсматривая соломенное чучело, сдѣланное на подобіе младѣнца, началъ оное крестить слѣдующимъ образомъ: крещаю тебя, о пучечикъ! во имя Епископа, во имя мое, и во имя всѣхъ находящихся здѣсь священниковъ. Епископъ слыша не обычайное крещеніе, разгнѣвавшись на священника, спросилъ его: не уже ли сей обрядъ крещенія въ церкви принятъ? На что священникъ отвѣтствовалъ Епископу такъ: каковъ младѣнецъ, таковъ для него и обрядъ крещенія. Симъ отвѣтомъ онъ ясно доказалъ, что на него донесено въ томъ Епископу по ненависти. Послѣ чего возвратился благополучно домой.

О Робертѣ Ликійскомъ.

Когда Робертъ Ликійскій краснорѣчіемъ своимъ побуждалъ князей и простой народъ противъ Турокъ и прочихъ всѣхъ враговъ Христіанскаго имени: то во время самыхъ сильнѣйшихъ доводовъ началъ плакаться о томъ, что онъ не имѣлъ ни одного

пред-

предводителя къ толь благочестивому и важному предпріятію и дѣлу. Естьли что мнѣ препятствуетъ, говорилъ онъ: то вотъ я скину съ себя францисканское платье, и готовъ быть хотя солдатомъ, хотя Полководцемъ. И сіе сказавъ снялъ съ себя францисканское платье, имѣя подъ онымъ прежде изготовленный весь воинскій на себя снарядъ и притомъ привѣшенную предлинную шпагу. Въ семъ платьѣ подъ видомъ Полководца продолжалъ онъ свою проповѣдь съ полчаса. Послѣ какъ спросили его кардиналы, съ которыми онъ имѣлъ тѣсное дружество, что значитъ сія новость? Онъ отвѣтствовалъ, что сіе сдѣлано въ угожденіе одной его пріятельницы, которая ему чистосердечно открылась, что ей ничто столько не противно, какъ его францисканское [монашеское] платье. Такъ въ какомъ же одѣяніи я могу понравиться тебѣ, сударыня, спросилъ онъ? Въ воинскомъ, отвѣчала она. И для того нарядясь въ оное предстань, сказала она ему, завтра во время проповѣди.

О Георгіѣ Гавеленѣ и Генрихѣ Стіеліѣ.

Когда Георгій Гавеленъ, желая заслужить и получить себѣ изрядное жалованье, ѣздилъ во Францію: то онъ бралъ съ собою переводчика Генриха Стіелія, потому что онъ прежде нѣсколько лѣтъ тамъ жилъ и почитался совершенно знающимъ по Французски. Случилось нѣкогда, что Георгій Гавеленъ будучи во Франціи, разнемогшись, приказалъ своему переводчику, чтобъ онъ велѣлъ своему хозяину сварить раковъ. Стіелій не зная, какъ раки называются по Французски пришелъ къ хозяину и ставши передъ нимъ на колѣнкахъ и на рукахъ, на подобіе рака, ползалъ то взадъ то впередъ, и говорилъ слѣдующее: мой господинъ желаетъ ѣсть рыбу, которая точно такъ, какъ я теперь, то взадъ то впередъ ползаетъ. Хозяинъ кое какъ уразумѣвши, что сей куракъ говоритъ ему о ракахъ; тотчасъ сваривши какъ надобно Георгію. Подьячіе и другіе служители Георгіевы, которые свои ми глазами видѣли, какимъ образомъ Стіелій отправлялъ должность пе-

редъ

редъ хозяиномъ, сказали все подробно своему господину, который сему очень много смѣялся, и на другой день выздоровѣлъ.

О любви и вѣрности одного мужа къ своей женѣ.

Тунискіе разбойники увезли съ собою женщину. Узнавши о семъ мужъ ея прибѣжалъ къ морю и просилъ разбойниковъ, чтобъ они взяли съ собою и его. Разбойники удивляяся его великодушію и вѣрности къ своей женѣ, въ томъ ему не отказали; но по прибытіи въ Тунисъ, выбравши изъ корабля добычу, донесли о сей неслыханной и достопамятной рѣдкости своему Королю. Сей Король хотя былъ варваръ и врагъ христіанскаго имени, однако, видя такую добродѣтель, далъ вольность мужу и женѣ и приказалъ имъ быть въ числѣ своихъ тѣлохранителей.

О Кардиналѣ Лотарингскомъ и Брушетѣ.

Кардиналъ Лотарингской намѣреваясь ѣхать въ Римъ чрезъ море просилъ съ собою Броушета для раз-

гнанія скуки въ сей дорогѣ. Однако онъ столько былъ боязливъ, что Кардиналъ не могъ ничѣмъ его къ тому склонить, чтобы онъ съ нимъ поѣхалъ на кораблѣ. И такъ по многомъ совѣтованіи сталъ наконецъ Кардиналъ ему говорить, что въ семъ пути не можно быть никакой опасности, потому что они поѣдутъ съ благословеніемъ его Святѣйшества; то Брушетъ отвѣтствовалъ на сіе такимъ образомъ: я слыхалъ весьма часто, что Папа имѣетъ власть на небѣ, на земли и въ чистилищѣ; но никогда не слыхалъ того, чтобъ онъ имѣлъ власть и на морѣ. И такъ не думайте склонить меня къ тому, что бы я для Папскаго благословенія осмѣлился ввѣрить себя столь не постоянной стихіи.

Объ Іоаннѣ Тецеліи отъ нѣкотораго Конюха обманутомъ.

Когда Тецелій посланный отъ Папы Льва X. продавалъ въ Германіи Индульгенціи; то одинъ конюхъ во владѣніи Курфистра Саксонскаго пришелъ къ нему и спрашивалъ: будутъ ли прощены и не наказаны тѣ грѣхи, которыхъ онъ хотя не сдѣлалъ, но впрѣдь когда нибудь сдѣлаетъ? и естьли

естьли то возможно, то обѣщалъ ему за такой листъ заплатить 10 талеровъ. Тецелій заключая изъ того что нибудь важное и великое, сперва ему отказалъ было: но подстрекаемъ будучи серебромъ и корыстію, хотя сіе важно и трудно сказалъ онъ конюху, однако я имѣю отъ Папы полную власть, и естьли заплатишъ мнѣ 30 талеровъ, то можетъ сдѣлаться по твоему желанію. За что конюхъ нимало не постоялъ. И такъ когда Тецелій получивъ съ конюха договоренныя деньги шелъ домой съ великою радостію; то конюхъ улучивши случай, на дорогѣ на него напалъ, и всѣ деньги, которые онъ собралъ, продавая Индульгенціи, у него отнявши ушелъ въ городъ. Тецелій туда же возвратившись написалъ на него челобитную въ Магистратъ. Конюхъ показавши купленной у Тецелія Папской дипломъ увѣрилъ судей, что ему сей грѣхъ по его самому листу прежде уже прощенъ. Такимъ образомъ Тецелій проигравши свое дѣло, съ великимъ смѣхомъ всѣхъ тамъ бывшихъ будучи выгнанъ, принужденъ былъ всю тяжбу оставить.

О мужикѣ.

Одинъ мужикъ безобразной сердечно желалъ имѣть дѣтей пригожихъ, а жену за себя взялъ гораздо безобразнѣе себя. Пріятели его когда стали надъ нимъ смѣятися и спрашивать, какъ онъ можетъ надѣяться пригожихъ дѣтей отъ жены столь безобразной? То онъ ничего имъ на то не отвѣтствуя пошелъ на торгъ и накупилъ премножество прекрасныхъ картинъ, которыя по возвращеніи въ домъ поставилъ въ спалнѣ и женѣ своей приказалъ всегда на нихъ смотрѣть. Почему отъ всегдашняго воззрѣнія на сіи картины раждались у него дѣти похожіе не на мать, но на сіи картины.

О женѣ обманувшей своего мужа.

Въ славномъ городѣ Бругѣ одинъ старикъ женился на молодой и довольно пригожей, которая, поколику выдана была за него противъ ея воли, не очень горячо его любила, и желала лучше знаться съ молодцомъ равныхъ себѣ лѣтъ. Она по щастію своему нашла такого для себя въ томъ городѣ и съ нимъ мало по малу познакомилась. Но не долго сіе

дѣло

дѣло скрывалось. Въ одно время старикъ притворившись, что онъ отбудетъ изъ дому на долгое время, скоро вышелъ со двора, то молодецъ немедленно пришелъ къ своей любовницѣ. Но старикъ примѣтивши сіе нарочно возвратился, притворившись будто бы забылъ что дома. Всѣ тогда домашніе испужавшись задрожали, а особливо молодецъ, которой не знавши домашнихъ покоевъ, увидѣвши растворенную житницу, ушолъ въ нее и дверь за собою затворилъ. Старикъ это примѣтилъ. Онъ пришедши домой не показывая никакого подозрѣнія, спросилъ замокъ, которымъ житницу запираютъ. Ибо, говорилъ онъ, я видѣлъ, что вашъ козелъ поѣдаетъ тамъ жито. И такъ заперши ту дверь побѣжалъ немедленно къ сосѣдамъ и женнинымъ родственникамъ звать ихъ къ себѣ въ домъ, по имѣющемуся до нихъ важному дѣлу. Ибо онъ хотѣлъ жену свою изобличить въ семъ злодѣяніи предъ ними, дабы она лучше исправилась. Но въ то время, какъ онъ ихъ созывалъ, жена сожалѣя не столько о своей славѣ, какъ о здоровьѣ своего любовника, узнала наконецъ отъ до-

машней старухи, что сей замокъ можно сорвать, естьли его хорошенько потянуть, ибо онъ былъ не сквозной. Къ щастію ихъ сей опытъ удался. Онѣ освободивши молодца пустили его благополучно со двора; а домашняго козла заперли на мѣсто его въ житницу. Вскорѣ послѣ того пришелъ мужъ съ сосѣдами и родственниками, и призвавши жену началъ ее съ превеликимъ жаромъ передъ ними изобличать въ измѣнѣ. Жена стала оправдываться, что мужъ напрасно ее въ томъ обвиняетъ, и начала на него жаловаться, что онъ часто въ тай, а нынѣ уже и въ явь предъ всѣми чувствительно ея симъ огорчаетъ, да и большія еще дѣлаетъ ей обиды. Такъ позволь же, сказалъ мужъ, вотъ я очень не далеко схожу. Поди, куда угодно, отвѣчала она не робкимъ голосомъ. Мужъ когда отперши у житницы дверь увидѣлъ, что оттуда выскочилъ козелъ, то вдругъ остолбѣнѣлъ отъ удивленія. Но родственники также удивляяся спрашивали, что бы это такое было? Тогда бѣдной старикъ повалившись къ ногамъ женѣ своей и ея родственниковъ, началъ просить проще-

щенія въ напрасно нанесенномъ ей безчестіи, и обѣщался впредь со всякимъ почтеніемъ и благосклонностію угождать женѣ своей. Она также обѣщалась забыть всѣ ей причиненныя обиды, естьли мужъ поступать будетъ съ нею благосклоннѣе. Такимъ образомъ жена обманувши старика, удобнѣе и вольнѣе обращалась съ своимъ любовникомъ.

О Пасторѣ и сапожникѣ.

Когда Мартинъ Лютеръ при начатіи своей секты, заводилъ споры противъ Папскихъ Индульгенцій за то, что Левъ тогдашній Папа послалъ одного монаха въ разныя мѣста Германіи продавать оныя Индульгенціи (грамоты или листы) въ которыхъ обѣщано было всѣмъ покупающимъ оныя отпущеніе грѣховъ и вѣчное блаженство, и купно дозволено ѣсть мясо, сыръ, молоко и яица: то въ Гагонѣ сапожникова жена купила себѣ за одинъ червонной листъ сихъ Индульгенцій, льстясь по смерти получить вѣчное блаженство и прейти въ небесныя селенія; ибо оной листъ точно сіе обѣщалъ полною властію намѣстника Христова. Она вскорѣ послѣ

послѣ того смертельно занемогла и какъ была уже отчаянна своей жизни; то призваши онаго монаха предложила ему Папской Дипломъ, и покаявшись предъ нимъ во грѣхахъ своихъ и получивши по силѣ Папскаго листа отпущенїе оныхъ, скончалась. Мужъ тѣло покойницы похоронилъ; но гнѣваяся, что она за Папской листъ заплатила червонной, никакихъ больше обрядовъ не отправлялъ, какїе обыкновенно бываютъ въ церквахъ по умершимъ. Приходской того мѣста Священникъ негодуя за то, донесъ на сапожника начальнику, что онъ презритель Христїанскаго благочестїя, не отправляетъ по оному никакого долгу въ разсужденїи умершей своей жены. Сапожникъ будучи призванъ къ начальнику, принесъ съ собою Папской Дипломъ. Тогда начальникъ спросилъ его: умерла ли твоя жена? Умерла, отвѣтствовалъ онъ. И потомъ, что же ты съ мертвою сдѣлалъ? спросилъ начальникъ. Мертвое ея тѣло похоронилъ, сказалъ сапожникъ, а душу ея поручилъ Богу. На сїе начальникъ: только; больше ничего? и ты забылъ, что для спасенїя души ея должно отправлять

обѣдни?

обѣдни? Сапожникъ отвѣчалъ: я не отправлялъ никакихъ обрядовъ; да и нужды нѣтъ спасаться ей чрезъ обѣдни, когда она пренесена уже въ небесныя селенія. Почему ты сіе знаешь, спросили его? Я точно знаю, сказалъ онъ; ибо имѣю на то весьма достовѣрное свидѣтельство. Ты имѣешъ свидѣтельство, сказалъ начальникъ, и очень притомъ достовѣрное, что жена твоя на небѣ? покажи мнѣ оное. Сапожникъ принесенной съ собою Папской листъ подалъ начальнику и просилъ, чтобъ оной прочитали. Начальникъ далъ оной читать приходскому Священнику, которой по сему дѣлу, какъ истецъ, тогда тутъ же былъ. Онъ увидѣвши Папской Дипломъ сперва изумился и отказывался оной читать; наконецъ по принужденію начальника сталъ читать. По прочтеніи онаго объяты будучи оба стыдомъ начальникъ и приходской священникъ, не могли ничего противорѣчить сапожнику. Онъ напротивъ того, скажите жъ вы сами, говорилъ, довольно ли достовѣрное имѣю я свидѣтельство о душѣ жены моей что она не въ чистилище, но въ небесныя преселена селенія? Она покой-

покойница, примолвилъ онъ, сїе свидѣтельство сама доспала себѣ за червонной; шакъ для чегожъ упверждаетъ нашъ Священникъ, что нужно еще освобожденїе женѣ моей чрезъ его обѣдни? и естьли онъ утверждаетъ самую правду, моя жена обманута отъ Папы; а естьли она не обманута, то Священникъ представляетъ мнѣ совсѣмъ лишнее. Какъ сему ни начальникъ, ни Священникъ не могли противорѣчить, ибо они не смѣли осудить Папскаго Диплома; то сапожника отъ себя спокойно отпустили.

Какъ одинъ мошенникъ обманулъ Священника.

Священникъ несъ за поясомъ въ кошелькѣ очень много денегъ и притомъ серебряныхъ. Сїе примѣтивши одинъ мошенникъ подошедши къ нему учтиво привѣтствовалъ и объявилъ, что ему приказано продать какому нибудь приходскому Священнику новую рясу, и потому просилъ Священника, чтобы онъ, естьли угоденъ, сходилъ съ нимъ вмѣстѣ къ продающимъ такїя рясы, дабы тамъ можно было выбрать любую и примѣрить. Какъ сїе очень малаго стоило, то

то Священник на оное легко согласился. Пришли они въ какойто домъ; имъ подали рясу; Священникъ ее надѣлъ, а продавецъ утверждалъ, что она ему очень пристала. Мошенникъ то спереди, то сзади присматривая на немъ рясу, довольно ее хвалилъ; но говорилъ притомъ, что она спереди нѣсколько покороче. На сїе продавецъ отвѣтствовалъ, что набитой деньгами кошелекъ, а не ряса тому причиною. Священникъ тотчасъ вынулъ кошелекъ; и снова стали разсматривать. Но какъ Священникъ заглядѣлся, то мошенникъ схвативъ кошелекъ побѣжалъ немедленно съ нимъ на улицу. Священникъ будучи окутанъ въ рясу побѣжалъ за обманщикомъ, а продавецъ за Священникомъ. Священникъ кричитъ, держите вора; а продавецъ кричитъ, держите попа; а мошенникъ кричитъ, держите вора попа. Зрители видя попа, въ такомъ одѣянїи по дорогѣ бѣгущаго, почли его точно за вора. Между тѣмъ, какъ они другъ за другомъ гналися, обманщикъ изъ глазъ ихъ съ денешками ушолъ.

Объ Англинскомъ ворѣ.

Въ Лондонѣ одинъ воръ залезъ по крышкѣ въ горницу для добычи; но ему не удалось. Причиною тому учиненной ногами его стукъ или шорохъ, которой услышавши домашнїе, произвели великой шумъ, и на которой сбѣжалось множество сосѣдовъ. Воръ видя великое замѣшательство, вмѣшался тутъ же въ шайку, какъ ищущїй онаго, чѣмъ всѣхъ и обманулъ. И такъ заключивши, что воръ уже ушелъ, перестали его искать. Но онъ, поелику не могъ выскочить въ окошко, по причинѣ окружавшаго народа, рѣшился выйти съ прочими въ дверь, надѣясь и тутъ имѣть успѣхъ, какъ и прежде. Да и подлинно бы ему удалось, естьли бы онъ имѣлъ не столько невоздержной языкъ, каковы были его руки. Онъ вышедши уже на улицу началъ ругать всѣхъ, которые объ ворѣ ни разговаривали; да и самаго вора проклиналъ за то, что онъ обронилъ шапку, которая выпала когда онъ бѣжалъ, и которую подняли для того, чтобы по ней можно было когда нибудь узнать вора. И такъ по симъ словамъ заключивши о его воров-

ровствѣ, поймали и допрашивали его. Онъ въ томъ признался и былъ наказанъ.

О безумномъ Агличанинѣ.

Эбораценской Кардиналъ Ѳома Волецїй сдѣлалъ для себя въ Англїи великолѣпную гробницу. И какъ онъ самъ часто ходилъ смотрѣть, какъ оную обработываютъ: то прилучившїйся въ одно время тутъ же безумной сказалъ Кардиналу, что естьли онъ желаетъ сей гробъ употребить для себя, то легъ бы онъ въ него живой, потому что мертваго въ такой гробъ класть не надобно. Такъ и сдѣлалось; и Кардиналъ не былъ похороненъ въ семъ своемъ гробѣ. Ибо Король разгнѣвавшись на сего Кардинала за нѣкоторыя проступки, казнилъ его смертїю.

О глупомъ обѣщанїи жены.

Въ Баварїи простой народъ по нѣкоторымъ предразсужденїямъ больше всѣхъ почитаетъ Леонарда. Когда церковь сего святаго загорѣлась; то Пандохеева жена, у которой близъ того мѣста былъ изрядной домъ, съ великимъ усердїемъ кричала: О свя-

тый Леонардъ! сохрани насъ отъ пожара, и естьли услышишь мою грѣшную молитву, то обѣщаю тебѣ корову. Мужъ ея услышавши сїе разсердился на нее и говорилъ: что ты дѣлаешь безумная или ты ослѣпла, что онъ и свой храмъ спасти не можетъ, такъ какъ же нашъ домъ сохранить можетъ отъ пожара? Перестань ворчать я на сїе никакъ не соглашусь; для чего корову? А естьли можетъ сїе сдѣлать Св. Леонардъ; такъ пусть прежде отъ огня спасетъ свой собственной храмъ.

О *Лгунѣ*.

Одинъ хвастунъ въ бесѣдахъ говаривалъ, что онъ во время странствованїя своего объѣздилъ пятьдесятъ городовъ самыхъ лучшихъ, и что въ каждомъ изъ оныхъ былъ онъ по полтора года. А какъ спросили его въ одно время, сколько ему отъ роду лѣтъ, и онъ сказалъ, что сорока еще нѣтъ: то сдѣлавши выкладку нашли, что онъ тритцать пять лѣтъ странствовалъ по городамъ прежде своего рожденїя.

О Максимилїанѣ.

Максимилїанъ I. имѣлъ при себѣ Секретаря, котораго онъ отмѣнно лю-

любилъ за изрядной почеркъ письма; этотъ Секретарь обучившись подписываться подъ Королевскую руку, написалъ письма два или три его именемъ къ Якову Герольду, въ которыхъ просилъ одолжить нѣсколько тысячь золотыхъ, и оныя письма самъ къ нему относилъ. Герольдъ нѣсколько разъ давши ему денегъ, началъ наконецъ подозрѣвать, что Секретарь не безъ обману какого нибудь столь рачительно исполняетъ приказанїе своего Государя. И такъ пришелъ къ Императору и показалъ ему письма, которыя Максимилїанъ увидѣвши сказалъ: это письма мои, а когда я ихъ написалъ, того не упомню. Почему призвавши Секретаря спрашивалъ: относилъ ли ты мои сосписки къ Якову Герольду? Относилъ, отвѣчалъ Секретарь. Когдажъ я тебѣ приказывалъ ихъ относить, спросилъ Императоръ? Тутъ Секретарь отъ ужаса поблѣднѣвши, упалъ къ ногамъ Императора, и признавшись въ плутовствѣ, просилъ у него въ томъ прощенїя. Императоръ склонившись на его прозьбу, простилъ ему и сказалъ: *Выди изъ моего государства и въ оное никогда не возвращайся.*

О Эбергардѣ Герцогѣ Витемберскомъ.

Герцогъ Виттембергскій Эбергардъ, который своею прозорливостію и благоразуміемъ разсмотрѣвши и разобравши выгоды своихъ подданныхъ, и разныя перемѣны въ разсужденіи общественной экономіи, поставилъ наконецъ свою провинцію въ самомъ цвѣтущемъ состояніи. Почему подданные, удивляясь такому благоразумію и внимательности своего Герцога, не иначе какъ за Бога его почитали, говоря: *естьли бы Богъ не былъ Богъ, то никто бы не имѣлъ болше права быть въ Богахъ, какъ нашъ Герцогъ Витембергскій.*

О поварѣ Максимиліана I. Императора.

Я слышалъ отъ людей достовѣрныхъ очень веселую исторію о Максимиліанѣ I. Императорѣ, котораго нѣкоторый безсовѣстный болтунъ, зная его любопытство въ изысканіи своего рода или поколѣнія, увѣрилъ, что онъ вывелъ его родословную отъ самаго Ноева ковчега. Максимиліанъ столько плѣнился, что оставивъ всѣ свои дѣла, непрестанно въ семъ единственно упражнялся изысканіи, прика-

казавъ къ себѣ никого не впускать, и самыхъ пословъ, которые за какими бы важностями не прїѣжжали. Какъ сему суетному намѣренїю всѣ удивлялись и внутренно смѣялись, но никто не могъ его и не осмѣлился отъ того отвлечь: то одинъ поваръ, которой также былъ вмѣсто шута, и котораго смѣшными разговорами Максимилїанъ очень часто увеселялся, получивши позволенїе говорить съ Императоромъ, предложилъ ему, что сїе старанїе въ изысканїи его рода никакой ему пользы и славы не принесетъ; ибо я нынѣ, говорилъ онъ, Вашему Величеству служу и какъ нѣкоего бога почитаю. А естьли доводить родословную до Ноева ковчега, тогда мы сочтемся родственниками; ибо мы всѣ оттуда происходимъ. Сїе шутово предложенїе столько подѣйствовало въ Императорѣ, что онъ стыдился своего намѣренїя, когда напротивъ того ни прїятели, ни Министры, ни самыя дѣла не могли его прежде отъ сего отвести. Ибо онъ узналъ, что его имя, которому онъ изысканїемъ предковъ своихъ желалъ больше придать знатности, не столько будетъ славно,

естьли доводить свой родъ до перваго начала, отъ котораго Государи и подданные, благородные и простолюдины произошли.

О слугѣ.

Одинъ богатой и набожной господинъ обыкновенно передъ обѣдомъ читывалъ молитвы. Случилось нѣкогда, что во время его молитвы разсмѣялся одинъ слуга. Сїе примѣтивши госпожа сказала своему мужу, который также разсматривая всѣ его тѣлодвиженїя, увидѣлъ наконецъ, что онъ смѣется, и потому спросилъ его, какая тому причина? Какъ не смѣяться; отвѣтствовалъ слуга, ибо вы, какъ простые люди, молитесь и не думаете, что вы въ молитвахъ ни малой не имѣете надобности, когда ваши крестьяне обязаны доставлять все для васъ нужное и потребное.

О обрѣзаннике.

Одинъ Жидъ желая окреститься, спрашивалъ, гдѣ ему можно найтить Христїанскаго Бога? Почему послали его въ Римъ къ намѣстнику Христову [Папѣ]. Онъ живши тамъ нѣсколько времени наконецъ говорилъ слѣ-

слѣдующее: нѣтъ въ томъ никакого сомнѣнія, что здѣсь находится истинный Богъ. Ибо объ немъ свидѣтельствуютъ всѣ наши Пророки, что есть милостивой, благотворительной и милосердый, а потому долготерпѣливый и многомилостивый. И такъ естьли бы здѣсь былъ другой Богъ; онъ конечно бы до сихъ поръ не допустилъ быть толикимъ преступленіямъ, идолопоклонству, неправосудію и наконецъ толикимъ прелюбодѣяніямъ, каковыя здѣсь ежечасно производятся, но точно бы оныя не оставилъ безъ наказанія. Чего ради сей Жидъ немедленно и окрестился.

О празднующихъ въ субботу.

Въ городѣ Магдебургѣ во время субботы одинъ Жидъ попалъ въ нужникъ. Почему Іудеи собравшися просили въ Магистратѣ, что бы приказано было Христіаномъ, наемщикамъ, или другимъ какимъ нибудь общественнымъ служителямъ оттуда вытащить. Епископъ удивляяся ихъ глупости, спросилъ у нихъ: для чего вамъ хочется, что бы вытащили его Христіане? Для того, отвѣтствовали они, что мы нынѣ празднуемъ суб-

 ботy

боту. Такъ и я, сказалъ Епископъ, запрѣщу всѣмъ Христіанамъ, что бы ваше прошеніе ни нынѣ ни завтра не исполняли; нынѣ для того, что вы празднуете субботу, а завтра для того, что у насъ будетъ праздникъ. Почему бѣдный Жидъ принужденъ былъ тамъ задохнуться.

О упадшемъ въ колодезь.

Церковный учитель упоминаетъ, что нѣкто упалъ нѣкогда въ колодезь, и какъ началъ въ немъ сильно кричать; то мимошедшій, увидѣвъ его въ колодезѣ, сталъ весьма любопытно спрашивать, какимъ образомъ онъ туда упалъ: на что онъ отвѣтствовалъ: пожалуй не любопытствуй, какъ я сюда упалъ; но прошу тебя, постарайся полюбопытствовать, какимъ образомъ меня изъ колодезя вытащить.

О Мужикѣ Николаѣ.

Въ Гессіи одинъ мужикъ, который назывался Николаемъ, нѣкогда напился вина столь много, что не только итти, но и на ногахъ стоять не могъ; отъ чего онъ и повалился въ грязь. По случаю и къ его

ща-

щастїю одинъ изъ сосѣдей шедши тою дорогою и увидя его въ грязи, какъ мышъ въ смолѣ, увязшаго, спросилъ у него: что это за тварь тутъ валяется? Не что за тварь; а ты поищи въ сей грязи общаго чувства и разума, которой я, слишкомъ много напившись, здѣсь потерялъ. Сей отвѣтъ хотя смѣшной, однако справедливъ. Ибо люди дѣлаются скотами и лишаются чувства, когда гораздо больше пьютъ, нежели сколько требуетъ натура.

О томъ же.

Тотъ же самый Николай обыкновенно ѣжжалъ съ винами въ Гессїю, случилось нѣкогда, что онъ на постояломъ дворѣ для возблагодаренїя друзьямъ своимъ, распоилъ имъ нѣсколько мѣрокъ вина изъ бочьки. Почему на другой день проѣжжая мимо колодезя, вздумалъ изъ онаго дополнить бочьку. Какъ онъ занятъ былъ симъ упражненїемъ, то наѣхавшїе на него спрашивали, что такое онъ тутъ дѣлаетъ? На что Николай отвѣтствовалъ: я нынѣ, по примѣру цѣловальниковъ воду подмѣшиваю въ вино.

О болтунѣ.

Одинъ Англинской Король, слушая болтуна, который съ прочими придворными вельможами у него обѣдалъ и разсказывалъ о нѣкоторомъ весьма богатомъ Игумнѣ, сколько ему готовятъ кушанья, и сколько приносятъ блюдъ для одного только стола, притворился, будто бы удивляется Игумнову обжирству; а болтунъ, чтобъ больше усладить Короля своею баснею, которую онъ считалъ для него превеселою, всѣ свои разсказы увеличивалъ и къ правдоподобному очень много прибавлялъ и собственныхъ вымысловъ. Но какъ Королю вздумалось сїи веселыя басни окончить смѣшною пїэсою, то спросилъ разскащика: не ужъ ли сей Игуменъ какой былъ великанъ или Циклопъ? Нѣтъ, отвѣчалъ болтунъ, онъ средняго роста. Такъ развѣ онъ имѣетъ превеликое брюхо, спросилъ Король? Никакъ, сказалъ онъ, не больше другихъ. Такъ куда же онъ помѣщаетъ столько пищи? развѣ ты обманываешъ? На сїе безразсудной болтунъ закраснѣвши отвѣчалъ: онъ

не

не одинъ все сїе поѣдаетъ, но имѣетъ многихъ гостей и многочисленную фамилїю. Фу! какой! сказалъ Король какїяжъ это новости, когда на многихъ людей готовятъ много кушанья; ибо все то, что ты объ Игумнѣ ни говорилъ, можешъ сказать и обо мнѣ. Послѣ сихъ Королевскихъ словъ болтунъ весьма закраснѣлся. Король видя сїе и заключая, что онъ говорилъ сїе нѣсколько и на его щотъ, то дабы впрѣдь чего не наболталъ, приказалъ у него отрѣзать половину языка.

О Никодимѣ Фришлинѣ и студентѣ Сабавдѣ.

Никодимъ Фришлинъ предлагалъ нѣкогда въ Академїи на общее разсмотрѣнїе студентамъ философїи нѣкоторыя положенїя о мїрѣ, въ числѣ которыхъ было и слѣдующее: мїръ конечно одинъ. Сабавдъ будучи чрезмѣрно самолюбивъ и надѣясь слишкомъ на изящное свое знанїе, выбралъ себѣ сїе предложенїе, желая оное очень долго сильными опровергать причинами. И такъ приготовивши на то нѣсколько доводовъ, пришелъ въ Аудиторїю и началъ говорить слѣдую-

дующимъ образомъ: ваше положенiе, въ которомъ утверждаете, что мiръ есть только одинъ, совсѣмъ ложно. Я имѣю на сiе доказательство и довольное объясненiе изъ Свящ. Писанiя, которое есть самая истинна и никогда не лжетъ. Ибо не въ ономъ ли находятся слѣдующiя слова: Non ne decem mundi facti sunt, [сiе на латинскомъ языкѣ имѣетъ два знаменованiя, т. е. 1. не десять ли очистишася, и 2. не десять ли мiровъ сдѣланы. И Сабавдъ сказалъ сiе, разумѣю въ послѣднемъ смыслѣ.] Филиппъ хотя могъ отвѣтствовать, что тутъ находится ложъ двузнаменательнаго слова, и тѣмъ рѣшить и прекратить возражающаго; однако онъ оставивъ сiе, сказалъ слѣдующiй отвѣтъ: рѣшенiе на сiе очень ясное находится на самомъ томъ же мѣстѣ Св. Писанiя, въ слѣдующихъ словахъ: а девять гдѣ? Отъ чего не только сдѣлался превеликой смѣхъ; но и высокомысленной оной самохвалъ съ насмѣшками и свистомъ принужденъ былъ, оставивъ немедленно Аудиторiю, учинить и прекратить всѣ сильныя свои возраженiя и убѣжденiя.

О Іоаннѣ Родолфѣ Лаватерѣ, Консулѣ Тигуринскомъ.

Іоаннъ Родолфъ Лаватеръ во время Италіанскаго сраженія служилъ прапорщикомъ. Онъ увидѣвши своей стороны мужика, который шелъ изъ солдатскихъ лагерей и во время превеликаго жара истаявалъ отъ жажды, напоилъ его виномъ изъ своей бутылки, сколько тогда ему хотѣлось. Восемъ лѣтъ спустя послѣ того случилось, когда Лаватеръ во время сраженія Капелланскаго упалъ отъ ужаса въ яму, въ которой многіе уже умирали и не имѣлъ никакой надежды оттуда вылесть: то самой тотъ мужикъ, котораго онъ въ Италіи жаждущаго напоилъ нѣкогда виномъ, памятуя прежнее благоволеніе, въ глазахъ непріятелей и почти въ отчаяніи своей жизни, подавши ему свою руку, изъ оной ямы, или лучше сказать, изъ челюстей самой смерти его вытащилъ. Лаватеръ будучи тогда внѣ себя, его не узналъ; но какъ скоро возвратился къ своимъ лагерямъ въ Кибургинскую дивизію: то немедленно сталъ того доискиваться, кто его освободилъ отъ такой опа-

сности. По долгомъ изысканіи какъ нашелъ онъ своего избавителя, то призвавши его передъ себя спрашивалъ: какая тому причина, что ты повергая жизнь свою толикимъ опасностямъ, избавилъ меня отъ смерти? Причина тому та, отвѣтствовалъ мужикъ, что вы за нѣсколько передъ симъ лѣтъ видя меня почти умирающаго отъ жажды, напоили своимъ виномъ. И такъ желая вамъ за оное возблагодарить, я избавилъ васъ отъ наступавшей опасности. Лаватеръ удивленъ будучи его чувствительностію, поблагодаривъ его за то и наградивши деньгами и платьемъ, отпустилъ отъ себя съ честію.

О нѣкоторомъ судьѣ.

Одного судью спросили, для чего онъ въ судѣ споритъ, заподлинно зная, что онъ очень часто и неправое дѣло защищаетъ? На что онъ отвѣчалъ: *Я подражаю малымъ отрокамъ, которые идучи мимо орѣшины бросаютъ въ нее каменья и щелки, и ожидаютъ, не падутъ ли къ нимъ съ нее орѣхи.*

О Императорѣ Карлѣ L.

Когда нѣкоторые Гишпанскіе Министры просили Императора Карла

ла V, что бы онъ всѣхъ Нѣмецкихъ гвардѣйцовъ и прочихъ придворныхъ служителей отъ своего двора отослалъ; и какъ неотступно о томъ его утруждали: то онъ призвавши всѣхъ Нѣмцовъ и суровымъ видомъ на нихъ взглянувши, увѣрилъ Гишпанцовъ, что онъ желаетъ исполнить ихъ прозьбу, и потомъ говорилъ Нѣмцамъ: ступайя и самъ Нѣмецъ и гвардїи начальникъ; такъ пойдемте всѣ вмѣстѣ со двора, что бы имъ больше не наскучить. Сказавъ сїе онъ пошелъ напередъ, а за нимъ всѣ Нѣмецкїе гвардѣйцы и другїе придворные служители охотно слѣдовали. Тогда Гишпанцы видя свою ошибку и неосторожность, упавъ къ ногамъ просили, что бы онъ забывъ ихъ глупость и оскорбленїе остался и слѣдовавшихъ за собою удержалъ. Карлъ видя чистосердечное ихъ признанїе возвратился и имъ простилъ.

О Николаѣ Асклепїѣ.

Николай Асклепїй написалъ нѣкогда поздравительныя стихи, которыя посвятилъ одному Графу, и надѣяся отъ него получить большее награжденїе, самъ ему поднесъ. Но

Графъ

Графъ прочитавши нѣсколько сей поэмы, призвалъ къ себѣ повара и приказалъ ему сего сочинителя, отведши въ кухню, досыта накормить. Такимъ образомъ Асклепій отведенъ былъ въ кухню и обѣдалъ между поварами замаранными сажею. Онъ тамъ просидѣлъ часа три или четыре; но какъ примѣтилъ, что онъ тщетно себѣ ожидаетъ большаго какого нибудь награжденія кромѣ обѣда; то скучившись поваренным неприятнымъ запахомъ, пошелъ домой и приказалъ повару, чтобъ онъ своему Графу за пожалованной себѣ обѣдъ поблагодарилъ. Но возвратившись домой весьма жаловался на таковое ниское угощеніе профессорамъ, товарищамъ и студентамъ, говоря: Стихотворческая наука очень хороша и превеселая; только мало очень приноситъ пользы въ разсужденіи иждивенія. Я нѣкогда написалъ одному Графу поздравительные стихи, которые мнѣ стоили великаго труда; но за оныя, кромѣ обѣда, который былъ собранъ для меня въ кухнѣ между замаранными сажею поварами и мяснымъ смрадомъ, никакого больше награжденія и подарка не получилъ. И такъ я кинулъ сіе не выгод-

годное упражненїе и началъ учиться законоискусству, которое своимъ любителямъ не одни похлебки, но деньги и богатство доставляетъ.

О священникѣ.

Одинъ священникъ, человѣкъ очень разумный, смѣлый и отважный, который когда убилъ священника и былъ за то преданъ анаѳемѣ: то оставивъ Гессїю бѣжалъ въ Римъ. Тамъ объявилъ о себѣ, что онъ убилъ двухъ священниковъ, и просилъ себѣ индульгенцїю, которую и получилъ безъ всякаго затрудненїя за сходную цѣну. Ибо онъ не имѣлъ нужды ни желанїя по древнему преданїю поститься сорокъ дней для прощенїя своего прегрѣшенїя. И такъ когда по возвращенїи своемъ въ домъ съ полученною индульгенцїею, обходился со всѣми безъ всякаго страха, то хвалился онъ, что ему дозволено убить еще одного, когда онъ захочетъ, и что онъ намѣренъ умертвить того, кто первый или косо на него посмотритъ, или грубо съ нимъ станетъ говорить. Почему всѣ священники Виттембергской Епархїи опасалися и никакъ не смѣли возбудить противъ

себя гнѣвъ и ненависть сего проклятаго клеветника. Ибо они не столько опасались сего плута, сколько Папскихъ Индульгенцій, которыя онъ себѣ досталъ за немалую цѣну. Вотъ бывшіе плоды душеспасительныхъ Папскихъ Индульгенцій.

О нѣкоторыхъ благородныхъ.

Какъ собравшись нѣсколько благородныхъ въ одно мѣсто, безпрестанно три дни пьянствовали, и одинъ изъ нихъ повалившись отъ сего на столѣ умеръ: то прочіе ни мало не тронувшись симъ плачевнымъ зрѣлищемъ, думая, что онъ, облокатившись на столъ спитъ, наливали мертвому въ ротъ вина, сколько разъ ни доходила до него очередь выпивать стаканы.

О Преторѣ и мужикѣ.

Преторской быкъ убилъ у мужика корову. Мужикъ пришелъ къ Претору, и получивши позволеніе съ нимъ переговорить, сказалъ слѣдующее: мой быкъ перескакивая черезъ ровъ, убилъ вашу корову; какъ сіе дѣло разсудите? Преторъ не зная мужиковыхъ коварствъ, по праву го-

во-

ворилЪ онЪ мужику, ты долженЪ мнѣ за корову заплатить. Позвольте, милостивый государь, нѣчто вамЪ новое объявить. Получивши отЪ Претора вторично дозволенiе, говорилЪ: извините государь мой, что я ошибся: я хотѣлЪ сказать, вашЪ быкЪ убилЪ мою корову. О! это дѣло другое, сказалЪ ПреторЪ сЪ суровымЪ видомЪ. На что мужикЪ, сЪ позволенiя ему отвѣтствовалЪ: государь мой дѣло все то же, и вы теперь очень справедливо оное рѣшили.

О собакѣ объявившей любовника.

Одна собака по должности своей очень злобно поступила сЪ однимЪ любовникомЪ. Ибо хотя какЪ любовница его, такЪ и вся развращенная ея фамилiя, очень были довольны присудствiемЪ любовника; однако нечаянной приходЪ мужа ея принудилЪ ихЪ спрятать куда нибудь любовника. Но собака, какЪ одинЪ изЪ всѣхЪ домашнихЪ вѣрный другЪ своему хозяину, непрестанно лаяла кЪ тому мѣсту, гдѣ любовникЪ былЪ запертЪ, стараясь при томЪ ногами отворить дверь; чѣмЪ ясно дала разумѣть своему хозяину, что тамЪ скрывается

что нибудь важное. Почему отперши оную дверь, увидѣлъ любовника вооруженнаго и приготовившагося въ слѣдующую ночь убить мужа своей любовницы, желая послѣ на ней жениться.

О разбойникѣ.

У одного прохожаго, который не извѣстно кѣмъ былъ убитъ на дорогѣ, отсѣкли руку и повѣсили на перекладинѣ въ сторожкѣ при Сенатѣ Кассельскомъ. Потомъ какъ по прошествіи десяти лѣтъ пришелъ въ помянутую сторожку самой убійца, то изъ руки, въ которой тогда уже не было крови и вся изсохла, на подставленной подъ нею столъ, во время самаго обѣда начала капать кровь. Изъ чего заключили, что пришедшій человѣкъ тотъ самой, которой за нѣсколько предъ симъ убилъ того, отъ котораго сія рука была отсѣчена. Палачь о семъ странномъ явленіи донесъ въ Сенатъ, гдѣ было приказано, взявши подъ караулъ пришедшаго человѣка, представить предъ судъ. Такимъ образомъ разбойникъ, по приведеніи въ Сенатъ, почитая сіе за явное Божеское обличеніе, признал-

ся

ся въ убивствѣ, сдѣланномъ за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ временемъ, и терзаемъ будучи совѣстїю, самъ себѣ просилъ достойнаго за то воздаянїя, и былъ казненъ.

О Николаѣ Гарнисїѣ золотыхъ дѣлъ мастерѣ.

Въ Кассилїи одинъ мужикъ будучи глупъ, какъ скотъ, идучи мимо дому Николая Гарнисїя золотыхъ дѣлъ мастера, и увидѣвши въ окошко хозяина и его работниковъ пожелалъ имъ добраго здоровья и сталъ смотрѣть къ нимъ въ окошко не говоря ни слова. Гарнисїй удивляяся его молчанїю, спросилъ у него; что скажешъ доброй человѣкъ? Хочу отъ тебя вѣдать, отвѣтствовалъ онъ, за сколько ты обыкновенно покупаешъ слитокъ серебра, которой бы величиною былъ съ лошадиную голову? Гарнисїй думая, что у мужика дома находится такой слитокъ, и ласкаяся при томъ надеждою купить у него оной за малую цѣну, попросилъ его къ себѣ въ покои и съ великимъ довольствомъ угостилъ. Впрочемъ какъ мужикъ досыта наѣлся и напился допьяна, тогда Гарнисїй началъ ему го-

ворить слѣдующее: ты недавно предъ симъ упоминалъ мнѣ о какомъ-то серебряномъ слиткѣ; такъ скажи пожалуй, гдѣ онъ у тебя находится? дома или здѣсь у какого нибудь пріятеля? Я право, отвѣтствовалъ мужикъ, ни здѣсь, ни дома такого слитка не имѣю, а что я у тебя спрашивалъ, за сколько ты такіе слитки покупаешъ, то сіе для того единственно сдѣлано, что бы узнать его цѣну, естьли бы мнѣ случилось такой найтить, и потому чтобы ты или другой кто нибудь не обманулъ меня при продажѣ онаго. Услышавши сіе Гарнисій тотчасъ всталъ изъ застола и разсердившись говорилъ ему: тебѣ ли бездѣльнику найтить? Чортъ бы тебя побралъ. Естьли бы я это вѣдалъ, конечно бы не угощалъ тебя свинью съ такимъ довольствомъ. И сіе сказавши вытолкалъ его изъ своего дому не мало сожалѣя о томъ, что обманулся въ своемъ мнѣніи. Можно угадать, кто изъ нихъ былъ честнѣе?

О Докторѣ.

Іоаннъ Родольфъ, будучи нѣкогда въ гостяхъ у Доктора Андрея Гиперія

перія и не выручивши за товаръ своихъ денегъ, просилъ его, чтобы онъ ссудилъ его червонца два въ займы; ибо какъ мужики привозили тогда очень много дровъ, то онъ думалъ закупить ихъ для себя на всю зиму. Гиперій безпрекословно отщитывая для него требуемыя деньги, говорилъ ему: послушай господинъ Докторъ, я тебѣ дамъ наставленіе, по которому естьли ты будешъ поступать, то довольно дровъ для тебя будетъ и одного воза на всю зиму, по прошествіи которой можешъ тѣже самые дрова продать безъ малѣйшаго убытка. О! это очень хорошо, прервалъ рѣчь его Родольфъ, я бы желалъ знать толь выгодное наставленіе. Изволь я тебѣ скажу, говорилъ Гиперій; слушай же: въ Парижѣ былъ Студентъ Эдуардъ Алвелій, который такъ же какъ и ты въ сіе время закупывалъ себѣ дровъ на всю зиму. И хотя онъ ихъ не клалъ въ печь и не сожигалъ, однако отъ нихъ столько нагрѣвался, что и самые сильные морозы были ему нечувствительны. Ибо какъ скоро онъ начиналъ зябнуть, то немедленно перенашивалъ свои дрова снизу въ верьхніе по-

кои: отъ чего весь согрѣвшись очень легко послѣ того могъ нѣсколько часовъ упражняться въ ученіи, не чувствуя ни малѣйшаго холода. А когда онъ по уменьшеніи той теплоты опять озябалъ, то снова перенашивалъ тѣже дрова съ верьху въ низъ. Такимъ образомъ провождая зимніе морозы, какъ здоровье свое подкрѣплялъ, такъ особливо въ экономіи держался умѣренности. Ибо тѣже самые дрова, которые ни мало не уменьшались, по прошествіи зимы за такую же цѣну продавалъ, за сколько самъ покупалъ прежде.

О Докторѣ Іоаннѣ Мегобакхіѣ.

Когда славный Лѣкарь Іоаннъ Мегобакхій по полученіи въ Италіи Докторскаго достоинства, къ великому народа удовольствію возвратился въ Гассію: то вздумалось ему для своего пребыванія избрать Кассилію, гдѣ купилъ себѣ домъ и отправлялъ лѣчебное искусство. Послѣ того не прошло еще мѣсяца, какъ всѣ жители той страны начали его почитать и уважать вопервыхъ потому, что Филиппъ Ландравій любилъ его отмѣнно и жаловалъ многократно, вовторыхъ для

для того, что онъ и самъ былъ очень ласковъ и благосклоненъ; а болѣе всего для той причины, что онъ всякую болѣзнь излѣчалъ удачно и щастливо. Отъ чего произошло, что всѣ его за чудо признавали, и несказанное множество народа приходило къ нему отъ всѣхъ сторонъ Гассіи, какъ къ священному нѣкоему пристанищу. Между прочими пришла къ нему одна старуха, лѣтъ болѣе осьмидесяти и говорила ему слѣдующее: срадуюсь всему нашему отечеству и благодарю премилостиваго Бога, что послалъ намъ въ тебѣ столь искуснаго врача, что ты не только изцѣляешъ наши болѣзни, но и самую жизнь продолжаешъ и умножаешъ. А какая причина побудила меня къ тебѣ притти, то я раскажу тебѣ коротко въ слѣдующихъ словахъ: отъ роду мнѣ восемдесятъ четыре года; однако при всемъ томъ довольно здорова и съ роду не была больна лихорадкою, или горячкою, или другою какою нибудь повальною болѣзнію. Совсѣмъ не знаю головной или зубной болѣзни; зубы у меня всѣ еще до одного цѣлы, здоровы и для пищи гораздо нетупы; да и желудокъ мой

варитѣ еще пищу безѣ всякой трудности. Кѣ пищѣ и питїю имѣю очень хорошїй аппетитѣ. Что касается до питїя, то всегда употребляю пиво, которое варятѣ вѣ нашихѣ сторонахѣ, и которое для здоровья очень полезное. Пищу такѣ же, вѣ разсужденїи не малаго моего капитала и притомѣ для того, что у меня нѣтѣ дѣтей, употребляю самую хорошую, и которая кѣ варенїю гораздо способнѣе. Не жалуюсь я и о снѣ, препровождая вѣ ономѣ очень прїятно большую часть ночи. По милости Божїей не трясется еще у меня голова, не дрожатѣ руки и ноги неподламываются, и хожу еще, какѣ самѣ изволишѣ видѣть, безѣ костыля. Одно только для меня прискорбно то, что мои глаза ежедневно болѣе и болѣе притупляются, и часѣ отѣ часу менѣе уже видятѣ. Отѣ чего не рѣдко случается, что я на что нибудь спотжнувшись больно зашибаюсь. И такѣ я васѣ покорно прошу излѣчить мою болѣзнь, что бы мои глаза могли видѣть по прежнему. Старуха сказавши сїе, вынула изѣ кармана золотой и отдала оной лѣкарю, которой онѣ принявши и поглядѣвши обратно возвра-

вратилъ старухѣ, говоря ей притомъ слѣдующее: правда этотъ червонецъ старинной и очень хорошїй: однако, мать моя, я его обратно вручая увѣряю тебя, что хотя бывалъ я во многихъ старинныхъ храмахъ, но не видалъ ни въ одномъ, что бы окошки въ немъ всѣ были цѣлы или прозрачны, какъ въ новомъ; потому что они или отъ долготы времени столько были замараны, что сквозь ихъ ни малаго не проходило уже свѣта, или отъ множества сильныхъ непогодъ совсѣмъ переломаны и разбиты. Старуха выслушавши сїе, разумѣю, сказала ему. Такъ, видно, я тщетно надѣюсь отъ тебя помощи для своей дряхлой старости. Однако этотъ золотой возьмите себѣ за то, что благосклонно и терпѣливо меня выслушали; и оставайся благополучно. Сказавши сїе пошла вонъ изъ Мегобакхїева дому при великомъ смѣхѣ всѣхъ слышавшихъ ея съ Докторомъ разговоръ.

О Филиппѣ Меланхтонѣ и Дїонисїѣ Меландрѣ.

Филиппъ Меланхтонъ проѣжжая изъ Гассїи въ Кассилїю къ Филиппу Лан-

Лангравію, которой просилъ его къ себѣ въ гости, заѣхалъ напередъ къ своему прежнему пріятелю Діонисію Меландру, и увидѣвши у него въ колыбели младѣнца мѣсяцовъ шести, ахъ какъ хорошъ и прекрасенъ младѣнецъ, говорилъ онъ Діонисію, да благословитъ его Богъ. Я скажу тебѣ о его участи. И такъ спросивши у Діонисія о дни и часѣ, въ который сей младѣнецъ произошелъ на свѣтъ, началъ ему предвѣщать. Но какъ младѣнецъ съ лица очень походилъ на своего родителя, то Филиппъ почитая его за мальчика, между прочими предсказаніями говорилъ, что родившійся младѣнецъ будетъ преученой, будетъ имѣть великое достоинство и продолжать споры о благочестіи. Діонисій услышавши сіе отвѣтствовалъ ему, что это дочь, а не сынъ. Филиппъ отъ сего закраснѣвшись со стыда замолчалъ нѣсколько, а потомъ говорилъ: такъ она будетъ имѣть власть надъ своимъ мужемъ. Да чтожъ? примолвилъ онъ къ сему, иногда и конь спотыкается. Впрочемъ я объ ней скажу другое предвѣщаніе, а имянно: она будетъ не долговѣчна, но на седьмомъ году своего возраста скон-

скончается; а естьли я и въ семъ погрѣшаю или обманываюсь, то вся наша Астрономія пщетна и обманчива. Но чтожъ потомъ? Дочь Діонисіева на седьмомъ году своего возраста опасно занемогла, однако выздоровѣвши, послѣ того жила до четырнатцати лѣтъ; въ которомъ году заражена будучи неизлѣчимою болѣзнію, скончалась, чѣмъ довольно подтвердила, что Филиппово предсказаніе не совсѣмъ было ложно.

О *Родолфѣ Гвалтерѣ* и *Діонисіѣ Меландрѣ*.

Хотя при Сенатѣ Тигуринскомъ издано множество изрядныхъ и полезныхъ установленій; однако лучше всего кажется то, что тяжбы уже не продолжаются и не отлагаются, какъ прежде, на многіе годы, но чрезъ нѣсколько дней рѣшатся: ибо какъ истецъ не долженъ давать стряпчему болѣе положенной суммы, такъ и стряпчему запрещено сверьхъ оной что нибудь, или требовать, или принимать отъ челобитчика, и все дѣло продолжать не болѣе четырехъ дней. Сіе преполезное установленіе какъ сталъ нѣкогда хвалить Діонисій Меландръ

ландръ, то Родолфъ отвѣтствовалъ ему слѣдующее: нѣтъ нигдѣ такихъ негодныхъ приказныхъ, какъ сдѣсь: ибо они у васъ какъ въ великомъ множествѣ, такъ и въ равномъ находятся почтенiи. И потому чтобы имъ болѣе было случая обогатиться, то они обыкновенно для сего отлагаютъ и продолжаютъ всякiя судопроизводства во многiе годы.

О Монахѣ и лягушкѣ.

Одинъ Монахъ набравши нѣсколько пучьковъ тростнику, положилъ ихъ на своей постелѣ, желая послѣ обѣда разославши уснуть на ней. Но какъ скоро онъ легъ спать навзничь, то выползла откуду то превеликая жаба и сѣла къ нему спящему на ротъ влѣпившись очень крѣпко лапами въ его губы. Ее снять, казалось, стоило самой смерти; но и не снять нѣчто было гораздо жесточаѣ самой смерти. Къ щастiю сего монаха нѣкоторые изъ бывшихъ зрителей совѣтовали его снявши съ постели положить подъ окошко, гдѣ тогда превеликой паукъ сидѣлъ въ своей паутинѣ. Какъ скоро сей совѣтъ былъ исполненъ, то тотчасъ паукъ увидѣвши

дѣвши своего непрїятеля спустился на паутинѣ и уязвивши лягушку опять поднялся въ свое мѣсто. Лягушка отъ сего раздулась, однако еще не отцѣпилась. Паукъ и въ другой разъ то же надъ нею учинилъ, отъ чего она уже раздулась болѣе. Но въ третїй разъ будучи уязвлена выпростала свои лапы и мертвая свалилась. Вотъ какую благодарность паукъ оказалъ своему хозяину.

О дровосѣкѣ, львѣ, львицѣ, и медвѣдицѣ.

Медвѣдица, узнавши нѣкогда, что левъ и львица оставили свою пещеру, пришедши въ оную умертвила ихъ дѣтей, которые противъ ее не могли защищаться по причинѣ своего малолѣтства. Левъ и львица пришедши съ добычи и увидѣвши умерщвленныхъ своихъ дѣтей весьма о томъ опечалились и погнались по слѣду за медвѣдицею, которая съ превеликимъ страхомъ нѣсколько перебѣжавши, влезла на дерево, и чтобъ избавиться ей настоящей опасности, тамъ сѣла. Почему какъ они не могли ей отмстить за смерть дѣтей своихъ, то львица легла подлѣ того дерева и при-

пристально смотрѣла вверьхъ на медвѣдицу; а левъ, подобно какъ человѣкъ, сожалѣя о напрасной смерти дѣтей своихъ и въ превеликой горести бѣгая по всѣмъ горамъ и по всему лѣсу, нашелъ дровосѣка и увидѣвши, что у него отъ нечаяннаго страха выпалъ изъ рукъ топоръ, ставши передъ нимъ назаднія ноги началъ весьма ласково обнимать и лизать его лице. Дровосѣкъ видя такую незапную ласковость, сталъ мало по малу приходить въ себя и ободрятъся. Левъ схвативши его своимъ хвостомъ, давалъ знать, чтобъ онъ съ нимъ пошелъ вмѣстѣ, и притомъ подимая своею ногою топоръ, который дровосѣкъ отъ ужаса изъ своихъ рукъ выронилъ, внушалъ ему взять оной съ собою. Но какъ дровосѣкъ не могъ уразумѣть его изъясненій, то левъ взявши топоръ въ ротъ, подалъ дровосѣку и повелъ его къ своей пещерѣ, гдѣ лежали умерщвленные его дѣти. Тогда львица увидѣвши сіе пришла къ нимъ, и давала знать человѣку, чтобъ онъ воззрѣлъ на плачевное убивство, и послѣ показывала ему сидящую на деревѣ медвѣдицу. Дровосѣкъ изъ сего заключивши,

что

что они чувствительно отъ ней оскорблены и обижены, началъ изъ всей силы съ великимъ проворствомъ рубить дерево, по пересѣченіи котораго левъ и львица растерзавши медвѣдицу стремглавъ на землю упадшую. Послѣ сего левъ отвелъ дровосѣка безъ малѣйшаго поврежденія на то самое мѣсто, гдѣ прежде онъ ему попался, и оставилъ его при своей работѣ, въ которой онъ и до него еще упражнялся.

О львѣ и ослѣ.

Левъ и оселъ спорили нѣкогда о преимуществѣ и договорились испытать себя въ проворствѣ, и что бы тотъ имѣлъ всю власть, кто другаго перебѣжитъ. Они назначили для сего разстояніе, отъ нѣкоторой мѣльницы перебѣжать ближнюю гору. И такъ левъ немедленно побѣжалъ; а оселъ, поелику не могъ столь проворно бѣгать, какъ левъ, не много отбѣжавши отъ назначеннаго мѣста, остановился. Но левъ, какъ перебѣжавши гору, увидѣлъ на долинѣ другова осла, и почелъ его за самаго того, съ которымъ онъ объ закладъ бился: то опечалился о потеряніи

 вла-

власти; однако вздумалъ онъ до тѣхъ поръ не уступать ему, пока оселъ въ другой разъ на томъ же разстоянїи не перебѣжитъ. Сїе показалось ему довольно выгоднымъ. Онъ побѣжавши съ гораздо большимъ проворствомъ увидѣлъ не подалеку отъ мѣльницы того самаго осла, съ которымъ онъ прежде уговаривался. Такимъ образомъ левъ думая, что онъ въ другой разъ остался отъ осла побѣжденнымъ принужденъ былъ уступить ему власть.

Излишняя простота хуже воровства.
Когда самъ плохъ, не дастъ Богъ.

О трехъ молотчикахъ и медвѣдѣ.

Не подалеку отъ одного Нѣмецкаго города ужасной величины медвѣдь дѣлалъ великое раззоренїе цѣлой странѣ. Трое молотчиковъ жившихъ въ ономъ городѣ согласившись пошли искать онаго медвѣдя, и по дорогѣ зашли въ харчевню пообѣдать; гдѣ и пообѣдали: а за обѣдъ, сказали хозяину, заплатимъ завтра поимавши не безызвѣстнаго тебѣ медвѣдя и продавши его кожурину за большую цѣну; за которой нашъ трудъ, примолвили ему, можетъ быть особенно награ-

градятъ и возблагодарятъ всѣ граждане. Харчевникъ принялъ сїе ихъ условїе. Отобѣдавшїе даромъ пошли отъ него въ лѣсъ, гдѣ жилъ оной медвѣдь, но ослѣпясь напередъ еще суетною надеждою о полученїи добычи такъ, что совсѣмъ не примѣтили; какъ подошли къ самой его мерлогѣ, весьма оробѣли увидѣвши сего медвѣдя идущаго передъ собою. Отъ чего одинъ побѣжалъ вонъ изъ лѣсу, другой вскарапкался на дерево, а третїй, не могши далѣе со страху бѣжать, упалъ, на котораго нашедъ медвѣдь сталъ лапами своими оборачивать и вокругъ ушей его обнюхивать. Бѣдный охотникъ находясь въ отчаянїи вздумалъ притвориться мертвымъ. Медвѣди же такого суть свойства, что естьли пойманное ими какое нибудь животное перестанетъ дышать; то они бросаютъ и отходятъ прочь, не дѣлая болѣе никакого вреда. То и сей медвѣдь обнюхивая его увидѣлъ, что онъ не дышитъ, почетши его умершимъ оставилъ и ушелъ опять въ свою пещеру. Спасшїйся притворною смертїю походя не много всталъ и пошелъ изъ лѣсу домой. Сидѣвшїй на деревѣ увидя его, что онъ остался въ

 живѣ

живѣ и идетъ домой, слезъ съ онаго и нагнавши товарища своего усильно сталъ просить, чтобъ онъ сказалъ ему то, что медвѣдь шепталъ на ухо. Онъ, не могши долго отговариваться, отвѣчалъ: что *онъ далъ мнѣ наставленіе, чтобъ не продавать медвѣжей кожи прежде, развѣ когда поймаешь самаго звѣря.*

О Меланхоликѣ.

Одинъ Меланхоликъ, у котораго отъ мокротъ и отъ тяжкаго перепусканія духа опухла вся грудь, былъ увѣренъ, что у него во внутренности находятся лягушки и зеленыя ядовитыя жабы; и сіе его предразсужденіе никакъ не могли изъ него истребить. Лѣкарь, чтобы сдѣлать его себѣ послушнымъ, (ибо меланхолики съ превеликою трудностію оставляютъ свои предразсужденія) сказалъ, что у него во внутренности находится нѣчто изъ прежде сказанныхъ животныхъ. И такъ давши ему слабительнаго и наставивши клистиръ, положили въ подставленной тазъ нѣсколько лягушекъ: и когда подѣйствовало лѣкарство и желудокъ довольно былъ очищенъ, то больной усмотрѣвши

ши въ тазу помянутыхъ животныхъ оставилъ свое пустое мнѣніе и совершенно выздоровѣлъ.

Объ Атарнетѣ.

Атарнетъ спрашивалъ Питтака, которую изъ двухъ дѣвушку лучше въ замужство взять должно? Ибо двухъ за него сваталы: одна ему равная имѣніемъ и родомъ, а другая и тѣмъ и другимъ превосходнѣе. Питтакъ указавши костылемъ своимъ, на которой онъ тогда опирался, совѣтовалъ ему итти въ городъ на распутіе, куда малые ребята сходятся играть, чтобы онъ ихъ о томъ спросилъ и послѣдовалъ бы ихъ безпристрастному совѣту. Отроки, по пословицѣ, совѣтовали ему взять жену равную. И такъ Атарнетъ оставивъ богатѣйшую и вышшую себя, женился на равной своему состоянію.

О ворѣ.

Нѣкоторой господинъ, которой много лѣтъ мучился подагрою, встрѣтился на дорогѣ съ воромъ, котораго вели на висѣлицу. Господинъ видя, что воръ очень былъ молодъ, здоровъ

и крѣпкаго сложенія, и притомъ весьма здоровъ ногами, говорилъ ему слѣдующимъ образомъ: о юноша! я бы теперь желалъ имѣть твои ноги. Воръ услышавши сіе, отвѣчалъ ему: а я, милостивый государь напротивъ того, желалъ бы теперь имѣть вашу шею. И естьли бы сіе было возможно, то бы я ни мало не страшился висѣлицы.

О такомъ же.

Одного отрока, которой по ярмонкамъ дѣлалъ многія воровства, поймавши, представили въ Магистратъ. Преторъ въ присудствіи прочихъ Сенаторовъ говорилъ ему слѣдующимъ образомъ: о бѣдной молодецъ! потому что не учился ты никакому художеству, которымъ бы ты могъ прокормиться. Я обучился, отвѣтствовалъ ему воръ, и совершенно знаю художество не только изрядное, но и столько прибыточное, что посредствомъ онаго не одного себя, но и десятерыхъ еще могу прокормить, естьли бы мнѣ позволено было отъ моихъ злодѣевъ и непріятелей въ ономъ упражняться. Кто же таковы твои непріятели,

спро-

спросилЪ его ПреторЪ, кои препятствуютЪ и запрещаютЪ тебѣ упражняться вЪ твоей наукѣ? Вы, отвѣчалЪ ворЪ, и вамЪ подобные. Я и мнѣ подобные, говорилЪ ПреторЪ? Какую же ты знаешЪ науку? Науку воровать, отвѣчалЪ онЪ судьѣ, которой нѣтЪ прибыточнѣе и легче изЪ всѣхЪ наукЪ. Ибо естьли бы вы и вамЪ подобные не препятствовали мнѣ вЪ оной упражняться, то бы я не только одного себя, но и другихЪ многихЪ безЪ всякаго труда могЪ содержать во всякомЪ довольствѣ. ТакЪ подлинно ты бѣденЪ, говорилЪ ему судья; ибо сїя наука сдѣлаетЪ премножество тебѣ безпокойства. ВпрочемЪ не отчаявайся, я тебя отЪ сихЪ хлопотЪ избавлю, и за особенное твое усердїе и успѣхи вЪ сей наукѣ достодолжную и законную прикажу воздать тебѣ награду. И такЪ немедленно приказалЪ его повѣсить.

ОбЪ Iоаннѣ Гвалтерѣ.

IоаннЪ ГвалтерЪ по отмѣнному своему благоразумїю и учености былЪ первымЪ совѣтникомЪ у своего Государя; и не только самЪ Государь и прочїе вельможи полагались на его со-

совѣты, но со всего государства къ нему приходили и во всякихъ трудныхъ обстоятельствахъ получали отъ него вспоможенїе. Между тѣмъ находившїйся при Дворѣ Королевскомъ Французъ, котораго звали Габрїель, проигралъ къ кости очень много денегъ, и своимъ товарищамъ говорилъ такимъ образомъ: здѣсь хвалятъ Iоанна Гвалтера за его благоразумїе: такъ и я его испытаю, столько ли онъ премудръ, сколько объ немъ говорятъ въ народѣ. И такъ немедленно пришедши къ Гвалтеру, говорилъ ему слѣдующее: я подлинно увѣренъ о вашей несравненной премудрости, ибо вы не только настоящее совершенно и ясно видите, но и прошедшее и будущее узнавать можете. Но какъ у меня какой-то мошенникъ разломавши сундукъ унесъ всѣ находившїеся тамъ деньги, то я весьма желалъ бы знать, кто такой мошенникъ, которой мнѣ сдѣлалъ сїю обиду. И такъ покорнѣйше васъ прошу показать мнѣ сего бездѣльника. Я тебѣ покажу его, отвѣтствовалъ ему Гвалтеръ; и приведши Француза къ зеркалу приказалъ ему въ оное смотрѣть, обнадѣживая его, что онъ уви-

увидитъ въ немъ самаго того вора, которой у него покралъ деньги. Тогда Габріель понялъ, что Гвалтеръ совершенно зналъ все то, что онъ лишился денегъ не отъ вора, но отъ костей, и что онъ самъ тотъ бездѣльникъ, которой желая воровски у другихъ выиграть, проигралъ собственныя деньги.

Объ Іоаннѣ Швертерѣ.

Когда Филиппъ Гессинскій приказалъ перестроить Касселанской замокъ и поручилъ сіе подъ смотрѣніе сыну своему Вильгельму: то между множествомъ стекшихся со всѣхъ сторонъ мастеровыхъ пришелъ такъ же изъ Швейцаріи мастеръ Іоаннъ Швертеръ. Въ одно время Вильгельмъ по должности своей разсматривая работу, увидѣлъ сего Швертера, мужа взрослаго и здороваго, и спросилъ его, откуда онъ. На сіе тогда Швертеръ ему отвѣтствовалъ, что онъ изъ Швейцаріи. Тогда Вильгельмъ, зная, что у нихъ различныя исповѣданія, Калвинское, Лютеранское и Папское, спросилъ его, какого онъ исповѣданія? Швейцарецъ на сіе отвѣтствовалъ такимъ образомъ:

 зомъ:

зомъ: Милостивый государь! я трехъ держусь исповѣданій, Папскаго, Лютеранскаго и Калвинскаго. Ибо какъ я великой охотникъ до гулянія, то ни за что не соглашусь отступить отъ Папскаго исповѣданія, но до конца моей жизни буду держаться с..аго, за тѣмъ наиболѣе, что въономъ премножество установлено праздниковъ, въ которые мы оставляемъ всѣ свои работы, которыя бы безъ того отправлять надлежало. Лютеранскаго исповѣданія для того, что оно позволяетъ каждому ѣсть мясо, которое гораздо дешевлѣ рыбы; а наипаче я, какъ самый бѣдный человѣкъ, принужденъ бы былъ очень часто питаться вечерешнею ухою и зачерствелымъ хлѣбомъ. Наконецъ отъ исповѣданія Калвинскаго отступить мнѣ не можно потому, что оно имѣя очень мало праздниковъ принуждаетъ меня непрестанно упражняться въ работѣ, естьли я не хочу быть безъ обѣда.

О Германѣ Касселанскомъ цирюльникѣ и нищемъ.

Одинъ нищій пришелъ въ цирюльню къ Герману и просилъ ради Бога,

что

что бы онъ ему, какъ бѣднѣйшему въ свѣтѣ человѣку, остригъ волосы и обрилъ бороду. Цирюльникъ увидѣвши, что его волосы никогда не чесаны, растрепаны всѣ и въ гнидахъ; и борода такъ же шершавая и жеская, и притомъ не можно отъ него ожидать больше, какъ только гнидъ и вшей, въ семъ ему учтиво отказалъ, и давши милостыню, сказалъ ему, что бы онъ пошелъ въ другую цирюльню и тамъ бы остригся и обрился. Но нищей, поелику ему уже во всѣхъ цирюльняхъ такимъ же образомъ отказывали, не принимая подаваемой ему милостыни, неотступно просилъ его, что бы онъ не тратившн для него милостыни, ради Бога, остригъ волосы и обрилъ бороду; ибо говорилъ онъ, сіе будетъ для него пріятнѣе и лучше всякаго подаянія. Почему цирюльникъ видя его не отступную прозьбу, наконецъ хотя съ досадою и прискорбностію остричь его и обрить согласился. Но что бы нищій никогда впередъ къ нему не ходилъ и о томъ не скучалъ; то онъ взялъ ножницы и бритву весьма тупыя и забитыя, и оными столь не ладно онаго бѣдняка началъ скоблить, что

онъ

онъ отъ сего несноснаго мученія вздыхалъ, скрежеталъ зубами, и почти плакалъ. Въ то время, какъ нищій такимъ образомъ стоналъ, собака онаго цирюльника почуивши, что у печки разогрѣвается молоко, вскочила въ окошко на кухню, желая что нибудь тамъ сорвать для обѣда. Сіе увидѣвши цирюльникова жена, которая тогда весьма была сердита на своего мужа за то, что онъ сталъ стричь такого негоднаго старика, которой всю горницу насорилъ навозомъ и волосами, затворивши дверь и закрывши окошко, схватила ухватъ и начала бить собаку столь жестоко, что она отъ того весьма жалостно вижжала, лаяла и выла. Нищій услышавши такіе побои, говорилъ своему цирюльнику: *ай, ай, конечно и собаку бѣдную стригутъ или брѣютъ*; разумѣя и давая знать чрезъ сіе, что цирюльникъ не благосклоннѣе съ нимъ поступаетъ, какъ его жена съ собакою. Вскорѣ послѣ того онъ отъ цирюльника пошелъ изъ дому, отблагодарилъ ему, что онъ ради Бога сдѣлалъ такую ему милость, въ которой никогда уже впредь утруждать его не будетъ.

Авторъ

Авторъ сдѣсь объясняется, что сїю басинку выписалъ онъ изъ другихъ писателей, которые жили за нѣсколько до него вѣковъ. Потомъ прилагаетъ онъ слѣдующее: не происходитъ ли между богатыми и бѣдными равномѣрнаго сему и въ нынѣтнїя времена? И наконецъ прилагаетъ вопросъ: какая причина тому и съ котораго времени послѣдовало то, что у богатыхъ съ бѣдными, у чиновныхъ съ бесчиновными нѣтъ такого согласїя и дружбы, каковая бываетъ между равными? — Жалко, что онъ на столь важной вопросъ не далъ любопытнымъ читателямъ довольнаго рѣшенїя, кромѣ сего, что сїе происходитъ болѣе отъ непросвѣщенїя и испорченныхъ нравовъ.

Объ Андродѣ и львѣ.

Антїохъ въ 5. кн. Египетской Исторїи утверждаетъ, что онъ самъ видѣлъ въ Римѣ слѣдующее удивленїя достойное приключенїе. Въ превеликомъ кругѣ, нарочно для увеселенїя зрителей сдѣланномъ, представляли народу звѣриную ловлю. Тамъ премножество было звѣрей, которые величиною всякихъ домашнихъ скотовъ

товъ превосходили, и изъ которыхъ инные были необычайно страшнаго взора, а другїе несказанной свирѣпости. Но львы всѣхъ звѣрей, сколько ихъ тамъ ни было, были гораздо страшнѣе, а особливо одинъ изъ нихъ какъ величиною, такъ и свирѣпствомъ всѣхъ прочихъ превосходилъ. По причинѣ необычайной его величины, стройнаго и крѣпкаго сложенїя тѣла, громкаго и страшнаго рыканїя и прекрасно разлегшейся по шеѣ гривы всѣ зрители на одного его свой взоръ обратили. Между многими невольниками приведенными на сраженїе со звѣрьми, былъ такъ же выпущенъ одинъ Датчанинъ, Консульской невольникъ, котораго называли Андродомъ. Помянутой большой левъ увидѣвши его, какъ изумленной, остановился и потомъ съ тихимъ и ласковымъ видомъ, желая Андродомъ быть узнанъ, къ нему подошелъ и точно какъ ласкающаяся собака началъ мотать хвостомъ и лизать руки и ноги Датчанина, которой едва уже не умеръ отъ одного страха. Однако Андродъ, видя такую къ себѣ ласковость звѣря, началъ нѣсколько ободряться и присматриваться къ льву. Потомъ, какъ свидѣвшїеся прїятели, невольникъ и левъ каза-

казались быть радующимися и взаимно другъ другу привѣтствующими. Отъ сего нечаяннаго и удивительнаго видѣнія сдѣлался между всѣми зрителями превеликой шумъ: и такъ когда Цесарь, будучи удивленъ симъ обращеніемъ звѣря съ Датчаниномъ, призвавши его спрашивалъ, почему столь страшной и свирѣпой левъ его ничѣмъ не тронулъ. То Датчанинъ говорилъ ему слѣдующее: Въ то время, какъ мой господинъ былъ посланъ Консуломъ въ Африку, я не стерпѣвши жестокихъ и ежедневныхъ его наказаній, принужденъ былъ отъ него уйтить. Но что бы мнѣ надежнѣе и лучше было укрыться отъ поисковъ своего господина и начальника той страны; то я забѣжалъ почти въ непроходимыя песчаныя пустыни, гдѣ въ полдень отъ солнечнаго зною, нашедши глубокую и темную яму, въ нее укрылся. Вскорѣ послѣ того пришелъ въ туже самую пещеру сей левъ, и имѣя одну ногу распоранную и окровавленную стоналъ и вылъ, чувствуя мучительную боль своей раны. Я увидѣвши его испужался и отъ страха помертвѣлъ. Однако левъ вшедши въ свою пещеру, какъ

какъ тогда уже узналъ, и увидѣвши меня въ оной скрывшагося, съ кроткимъ и тихимъ видомъ подошелъ ко мнѣ, и показывая мнѣ свою ногу, которая была распорана, казался, просилъ отъ меня вспоможенія. Я кой-какъ вынулъ изъ его ноги превеликую и острую спицу, выжалъ изъ всей раны загнившую кровь, и уже безъ всякаго страха исправнѣе выдавилъ и отеръ всю съ ноги сукровицу. Такимъ образомъ, какъ ему моимъ стараніемъ сдѣлалось полегче, то онъ положивши свою ногу ко мнѣ на руки, легъ и заснулъ. И съ того времени мы цѣлые три года жили со львомъ въ одной пещерѣ и питалися одною пищею. Ибо левъ приносилъ ко мнѣ самыя хорошія и жирныя части тѣхъ звѣрей, которыхъ онъ ловилъ на добычѣ, и которыя за не имѣніемъ огня изжаривши въ полдень на солнцѣ я ѣдалъ. Но какъ мнѣ уже наскучила сія звѣриная жизнь, и когда левъ ушелъ на ловлю, то я вздумалъ уйтить изъ помянутой пещеры. Однако въ третій день моего путешествія воины увидѣвши меня на дорогѣ поймали и отослали изъ Африки въ Римъ къ прежнему

моему

моему господину. Онъ немедленно за мою вину осудилъ меня на смерть и представилъ на съѣденіе звѣрямъ. Почему тотъ же самой левъ будучи пойманъ послѣ меня, какъ думать должно, и посаженъ сюда, нынѣ платитъ мнѣ за прежнее благодѣяніе и за исцѣленіе его ноги. И такъ по согласію и прозьбѣ всѣхъ зрителей, Андродъ былъ въ преступленіи прощенъ и отъ наказанія избавленъ; а левъ такъ же по приговору всего народа былъ выпущенъ и подаренъ Датчанину. Послѣ того Андродъ очень часто водилъ льва по всѣмъ городскимъ улицамъ на маленькомъ ремнѣ. Всѣ зрители подавали Андроду деньги, а льва осыпали разными цвѣтами и говорили: вотъ лютый звѣрь, который помнитъ благодѣяніе человѣка; вотъ человѣкъ излѣчившій льва!

О страшномъ приключеніи случившемся съ одною дѣвушкою, служанкою нѣкоторой госпожи.

Одна знатной фамиліи госпожа имѣла у себя служанку, которая няньчила ея дитя. Въ одно время она нося его на рукахъ по улицѣ уронила на камни, отъ чего какъ оба колѣн-

ки его больно были ушибены, то онъ плакалъ не утѣшно и кричалъ весьма крѣпко. Въ сеи плачь и вопль вслушавшись мать его, тотчасъ прибѣжала къ служанкѣ, и распросивши ее о причинѣ столь необыкновеннаго дитяти своего рыданія, находитъ, что она своею оплошностію и не осторожностію больно его ушибла, отъ чего госпожа ея вспаливщись гнѣвомъ вырвала изъ рукъ у ней свое отродіе и дала ей нѣсколько пощечинъ. И какъ младѣнецъ чрезъ долгое время никакими матерними ласками и никакими забавными игрушками утѣшенъ и отъ слезъ отведенъ не былъ, то мать думая, что не переломленыль у него ноги, часъ отъ часу больше распалялась гнѣвомъ на служанку свою, и наконецъ пришла въ нетерпѣливость, чтобъ за сіе наказать ее хорошенько. И такъ приказала запереть ее въ тюрьму, но въ какуюже? Въ такую, гдѣ быть или сидѣть совсѣмъ несносно, въ весьма глубокую, темную, страмную и смрадную, и въ такую, въ которой, по причинѣ множества ядовитыхъ змѣй чрезъ нѣсколько временъ никто не бывалъ, и которая совсѣмъ была оста-

оставлена и забыта, ибо никто уже не запомнитъ, чтобъ въ ней или святотатецъ, или разбойникъ, или убїйца, или другой какой нибудь страшнѣйшїй сихъ злодѣй былъ заключенъ. Въ такомъ мѣстѣ благороднѣйшая госпожа почла быть достойною свою служанку молодую и нѣжную дѣвушку. Какъ скоро сїя злощастная была брошена въ такую пропасть, чрезъ нѣсколько времени ужаснѣйшїя змѣи изъ норъ своихъ ползутъ и съ великимъ шипенїемъ и свистомъ на нее бросаются и впиваются въ ея нѣжное тѣло. Она будучи окружаема и осыпаема такими ядовитыми животными, кричала громкимъ и жалкимъ голосомъ, бѣгала изъ стороны въ сторону, защищала себя руками и ногами, но тщетно; ибо они непрестанно на нее валились и начинали сосать изъ нее кровь. И такъ злощастная будучи ими примучена и жалами весьма больно уязвляема, принуждена была громчае кричать. Одинъ слуга услышавши сей необыкновенный и странный женщины крикъ вдругъ пришелъ въ весьма великое сожалѣнїе и ужасъ. И такъ тогоже часа пошелъ умолять

 свою

свою барыню о помилованіи оной злощастной. Но она не только сей его прозьбѣ не дала никакого мѣста, но еще высѣкши его плетьми, не велѣла ему впредь вступаться въ чужое дѣло, а зналъ бы свое. Но онъ послѣ сего черезъ нѣсколько часовъ опять пошелъ къ тюрьмѣ, гдѣ слышитъ, что заключенная въ оной кричитъ и плачетъ гораздо слабѣе и тише прежняго, но сострадательнѣе, томнѣе, и съ большимъ дрожаніемъ и перерываніемъ голоса. Отъ чего пришедши въ крайнюю о ней жалость осмѣлился вторично сдѣлаться челобитчикомъ у госпожи своей, чтобъ она ее избавила. Но и вторичная прозьба его осталася тщетною, и онъ былъ выгнанъ изъ покоевъ не очень благосклонно. Вышедши отъ нея съ великимъ огорченіемъ чрезъ всю ночь соболѣзнуя о сей честной и постоянной дѣвушкѣ не спалъ, и не могъ никакъ утерпѣть, чтобъ въ двенатцатой часъ не встать и не сходить къ оному адскому мѣсту для выслушанія, что тамъ дѣется. И такъ подшедъ тихо слушалъ долго, но не слышно уже было болѣе ни крику, ни стону, ни вздоховъ, ниже дышанія,

нія, почему заключилъ, что она уже не жива. Не мѣшкавъ ничего побѣжалъ къ своей помѣщицѣ, дабы ее о семъ увѣдомить. Прибѣжавши къ ея спальнѣ, то стучитъ въ дверь, то сквозь оную слезящимъ голосомъ говоритъ: милостивая государыня, дѣвушка заключенная вами вчерашняго дня въ темницу уже нынѣ совсѣмъ молчитъ, онемѣла и никакого не подаетъ голосу; видно что она уже при послѣднемъ концѣ, или совсѣмъ умерла. Сими словами будучи она наконецъ возбуждена и тронута, тотчасъ приказавши засвѣтить большіе фонари пошла сама въ тюрьму посмотрѣть, въ живыхъ ли находится дѣвушка, или умерла. Какъ скоро отперли двери, и барыня съ нѣсколькими рабами и служанками сошла внизъ, видитъ, что она уже не дышитъ и лежитъ на земли расточаема четырьмя величайшими змѣями, изъ коихъ одинъ обвился вокругъ ея шеи, другой въ два ряда перевился въ ея берцахъ, третій наподобіе пояса перехватилъ ее поперегъ, а четвертый вползъ въ ротъ и виденъ только былъ его хвостъ, которой оттуда по нѣскольку высовывался, чѣмъ означалось, что сей

 змѣй

змѣй нудился оттуда вылесть. Выползши сей послѣднїй изъ ея горла, палъ на землю мертвъ. Онъ сосалъ изъ сей злощастной кровь до тѣхъ поръ, пока весь раздулся и отъ пресыщенїя лопнулъ. Смотря на сїе собственными глазами госпожа ея, сколь ни была злобна, почувствовала однако въ семъ случаѣ великое о сей дѣвушкѣ сожалѣнїе, впала въ большое раскаянїе о таковомъ безразсудномъ своемъ опредѣленїи, и наконецъ пришла въ гнѣвъ, ярость, неистовство и ненависть противъ себя, а сїи въ скоромъ времени принудили ее окончать свою жизнь. И такъ она закололась. Мужъ ея нимало не учавствовавшїй въ семъ дѣлѣ впалъ въ опаснѣйшую болѣзнь, какъ видя столь странное и ужасное приключенїе въ своемъ домѣ, такъ воображая, что имѣющїй разнестись о семъ дѣлѣ слухъ приведетъ его у всѣхъ родственниковъ и сосѣдей въ безславїе и ненависть. Слуги и служанки стоя при семъ зрѣлищѣ трогались единственно злополучїемъ выше вины своей наказанной дѣвушки; смертїю же госпожи своей нѣсколько ободрялись, почитая себя избавленными отъ имѣющихъ

ющихъ [естьлибы она жива была] послѣдовать изъ нихъ съ кѣмъ либо равныхъ участей.

Мнѣнія.

Циц. о должн. Кн. I.

Должно предостерегаться, чтобъ наказанiе не больше было самой вины. А наипаче при наказанiи должно удерживаться отъ гнѣва. Ибо сердящiйся во время наказанiя никогда не наблюдетъ той средины, или соразмѣрности, которая бываетъ между излишнимъ и малымъ.

Платонъ разсердясь на своего слугу, когда собирался его сѣчь, нечаянно взошелъ Ксенократъ ученикъ его, высѣки, сказалъ ему, сего мальчика, а я его наказывать не хочу, ибо я теперь сердитъ.

Демонаксъ видя Лацедемонiя жестоко наказывающаго своего слугу, перестань, сказалъ ему, уподоблять себя слугѣ; ибо тотъ слуга, кто служитъ и удовлетворяетъ своимъ страстямъ.

Филагеръ будучи вопрошенъ, для чего онъ не увеселяется тѣмъ, что

воспитываются его дѣти? Для того, отвѣчалъ, что я ниже самъ собою увеселяюсь: признавая въ естествѣ своемъ порокъ. Ибо онъ былъ очень сердитъ и своенравенъ; и для того не способенъ былъ къ воспитанїю отроковъ; и его дѣти воспитывались чужими.

Но нынѣ безразсудные отцы никому столь охотно не вручаютъ своихъ дѣтей, какъ такимъ непрїязненнымъ, грубымъ, своенравнымъ, и, что всего удивительнѣе, чужеземцамъ.

О Пехїѣ Цизалпинскомъ.

Пехїй Цизалпинскїй, мужъ тщательный и не устрашимый, пришедши въ ненависть у одного знатнаго вельможи и правителя многихъ городовъ, на дорогѣ вооруженными его людьми былъ пойманъ, посаженъ въ мѣшокъ, и въ одномъ укрѣпленномъ замкѣ былъ посаженъ въ преисподнюю, такъ что никто изъ домашнихъ сего вельможи, кромѣ одного вѣрнаго слуги, никогда о семъ не зналъ. А что бы Пехїй могъ болѣе прожить въ семъ мученїи; то вельможа приказывалъ ему давать ежедневно кусокъ хлѣба и нѣсколько воды, какъ преступнику осуж-

осужденному на вѣчное мученіе. Между тѣмъ, какъ Пехія искавши по всѣмъ городамъ и селамъ долгое время нигдѣ не могли найтить: то положили въ Магистратѣ, что онъ былъ убитъ: ибо нашли лошака, на которомъ онъ ѣздилъ, нѣсколько окровавленнаго. Почему опредѣлили искать убійцу. Нашли двухъ, съ которыми онъ нѣкогда ссорился. И такъ по сему опредѣленію, когда поймавши ихъ стали наказывать, и они отъ нестерпимаго мученія принуждены были признаться въ семъ убивствѣ: то одного изъ нихъ повѣсили, а другому отрубили голову; между тѣмъ, какъ тотъ, котораго почитали убитымъ, жилъ въ заключеніи въ прегнусной темницѣ. Онъ въ семъ бѣдственномъ состояніи препроводилъ восьмнатцать лѣтъ, подкрѣпляя жизнь свою весьма малымъ количествомъ хлѣба и воды, не снимая и не перемѣняя никогда платья; однако уповая на Бога, питался надеждою когда нибудь избавиться отъ своего нещастія. Между тѣмъ дѣти его, какъ подлинно по умершемъ, исправши всѣ обряды и раздѣливши по себѣ родительское наслѣдство,

имъ управляли. Но по прошествіи девятнатцати лѣтъ (ибо онъ посаженъ былъ въ темницу 1540 года) нашли его въ 1559 году слѣдующимъ образомъ. Господинъ тотъ замка, который его заключилъ, уже умеръ; а хлѣбъ и воду, такъ какъ обвиненному невольнику, Пехію подавали; но во все сіе время никто изъ домашнихъ не видалъ и никогда съ нимъ не говорилъ. Потомъ, какъ вздумали на томъ мѣстѣ построить покои, и ту стѣну, которою сіе мѣсто было отвсюду ограждено безъ всякаго прохода, кромѣ маленькаго окошка, въ которое очень не много проходило свѣта, стали ломать; то увидѣли человѣка въ раздранномъ платьѣ, съ предолгою бородою и волосами. При великомъ удивленіи всѣхъ тутъ находившихся, разнесся объ немъ во весь народъ слухъ, по которому сбѣжалось премножество народа, такъ какъ къ лѣсному и волосами оброcшему человѣку. Которые тутъ были искуснѣе и знающее прочихъ совѣтовали не вдругъ его на свѣтъ выводить, для того, чтобы онъ отъ сильнаго и необычайнаго ему воздуха или не ослѣпъ, или совсѣмъ бы не умеръ.

И такъ наблюдая сїю предосторожность нѣсколько дней они сохранили его во всякомъ здоровьѣ. Узнали также кто онъ таковъ, какого состоянїя и какъ сюда попалъ. Герцогъ наконецъ возвратилъ емуименїе по его смерть, которое было дѣти его по себѣ раздѣлили. Удивительно то, что онъ будучи посаженъ въ темницу былъ боленъ подагрою; но во все время, сколько онъ ни находился въ темницѣ, и послѣ какъ его уже изъ оной освободили, онъ не имѣлъ никакого тѣлеснаго припадка.

О двухъ невольникахъ, изъ которыхъ невинный былъ ошибкою казненъ.

Два невольника были посажены въ одну тюрьму, ихъ звали однимъ именемъ, изъ которыхъ одинъ былъ правъ и въ донесенномъ на нихъ дѣлѣ невиновенъ, а другаго напротивъ того преступленїе было явное. Почему судьи приговорили его къ смертной казни. Приставы посланные въ тюрьму, чтобъ взять и отвести виноватаго на мѣсто казни, стали его спрашивать и вызывать. Однако виноватый, видя неминуемую смерть, по ихъ зову не вышелъ; а другой, кото-

рому было тоже имя, ничего не опасаясь, вышелъ къ нимъ немедленно, ибо онъ думалъ, что его спрашивали на судъ для своего оправданія. Тогда приставы накинувши ему на шею пѣтлю, повели его на мѣсто казни, гдѣ и поступили съ нимъ, какъ съ виноватымъ. Сія ошибка до тѣхъ поръ не была свѣдома, пока стали судить уже о другомъ, который, казалось, не былъ по дѣламъ своимъ достоинъ казни, и какъ дознались, что они по одинакимъ своимъ именамъ въ тюрьмѣ перемѣшались. Почему и другой былъ казненъ.

О Карлѣ Королѣ Наварскомъ.

Карлъ Король Наварскій имѣлъ нещастіе умереть отъ того, чѣмъ надѣялся отъ болѣзни излѣчиться. Ибо когда онъ по совѣту докторовъ для скорѣйшаго излѣченія его болѣзни обшивали его полотномъ намоченнымъ водкою; то по окончаніи работы, когда портной сталъ свѣчею отжигать нитку, полотно намоченное тончайшею влажностію немедленно загорѣлось, чего портной не примѣтивши вышелъ вонъ, а Король отъ огня мучимый, не могъ тронуться,

закричать будучи какъ въ мѣшкѣ, ни просить себѣ вспоможенія, потому что и ротъ былъ такъ же окутанъ; и служителей тогда не было, ибо они думали, что онъ заснулъ; такимъ образомъ скончался.

О Вестфальскомъ господинѣ.

Нѣкоторой Вестфальской господинъ въ каждой почти воскресной день дѣлалъ обѣдъ для своего священника, которой былъ молодъ, веселъ и пріятенъ, притомъ не давно посвященъ во священники. Но какъ въ одно время по какому-то случаю господинъ сей долженъ былъ отлучиться на нѣсколько дней отъ своего дому: то отъѣхавши отъ замка своего съ полмили, говорилъ своему слугѣ: мнѣ пришло теперь на мысль посовѣтовать нѣчто моей женѣ, что какъ для нее, такъ равно и для меня очень надобно. Почему воротись немедленно и скажи ей моимъ именемъ, что бы она во время моего отсудствія для священника нашего не дѣлала никогда ни обѣда ни ужина, и чтобъ не пускала его въ мой домъ во все то время, въ которое я намѣренъ отлучиться; а особливо не ходила

ходила бы сама въ домъ къ нему и отъ его разговоровъ удалялась бы сколько возможно. Слуга обѣщался господину своему исполнить его приказанїе. Но отъѣхавши нѣсколько отъ него началъ самъ съ собою разсуждать такимъ образомъ: конечно мой господинъ опасается, чтобы новой нашъ священникъ, поелику онъ еще молодъ, здоровъ, красивъ и при самомъ цвѣтѣ возраста своего, во время своего отсудствїя, не подступилъ бы подъ крѣпость цѣломудрїя его сожительницы; для того-то онъ и приказываетъ ей, что бы она съ нимъ никакого не имѣла знакомства. Но женскїе нравы довольно мнѣ извѣстны. Нѣкоторыя женщины обыкновенно то дѣлаютъ, что имъ накрѣпко запрѣщается. И такъ что бы госпожа моя во время нашего отъѣзда противъ запрѣщенїя своего мужа не сдалась священнику, то я лучше совсѣмъ не буду ей напоминать приказанїе моего господина, а скажу что нибудь другое его именемъ.

Такимъ образомъ какъ скоро показался онъ въ домъ, то госпожа увидѣвши его заплакала и стала спра-

шивать

шивать: за чѣмъ ты возвратился? ужъ въ добромъ ли здоровьѣ мой сожитель? Слава богу, отвѣтствовалъ слуга; онъ меня прислалъ сюда нарочно для нѣкотораго дѣла, о которомъ своимъ именемъ приказалъ вамъ донести; а имянно, что бы вы въ его отсудствіе не играли съ цепною собакою и на нее не садились, ибо мужъ вашъ опасается, что бы она васъ не укусила, потому что она весьма зла и огрызлива. На сіе госпожа отвѣтствовала: тьфу пропасть! что ето за приказаніе такое? Мнѣ право и во снѣ того не грезилось, что бы я съ нашею собакою желала когда нибудь играть, или на нее садиться. Да и никто изъ домашнихъ за мною того еще не примѣтилъ. Почему мнѣ и не было нималой нужды въ семъ приказаніи. Наконецъ слуга возвращаяся къ своему господину говорилъ ей: слышители сударыня, въ чемъ состоитъ приказаніе вашего мужа; постарайтесь же его исполнить? На что госпожа отвѣтствовала ему: ступай скорѣй, и пожелавъ моему сожителю всякаго благополучія, скажи ему, что бы онъ былъ спокоенъ и не сумнѣвался бы о препорученномъ мнѣ дѣлѣ;

ибо

ибо я сколько возможно буду стараться, что бы онъ былъ увѣренъ въ томъ самымъ дѣломъ, что я и въ семъ его приказанїи, равно какъ и всегда, ему вѣрна и послушна. Впрочемъ едва только слуга отъ нея ушелъ, не могу подлинно надивиться, говорила госпожа сама себѣ, что бы это такое было, для чего мнѣ мужъ заказалъ играть съ кобелемъ и на него садиться? Конечно есть тутъ что нибудь важное, что онъ мнѣ сїе запрѣтилъ. Я право не помню и того, приходило ли мнѣ о семъ когда нибудь на мысль, не только что бы я это стала дѣлать: пропади оно совсѣмъ, естьли я хоть пальчикомъ дотронусь до кобеля. Разсуждая о семъ съ удивленїемъ долгое время, наконецъ она понесла собакѣ хлѣба и увидѣвши, что она съ жадностїю его пожираетъ и притомъ къ ней ласкается, принесла ей еще болѣе и накормила до-сыта. Потомъ начала ее гладить рукою, т. е. чтобъ испытать, такъ ли она зла, какъ увѣдомлялъ ее мужъ чрезъ присланнаго вѣстника. Напослѣдокъ примѣтивши, что собака на ея приманки отвѣтствуетъ своими ласками и ни мало не

не огрызается, говорила она сама съ собою: подлинно этотъ кобель очень смиренъ; и не мѣдленно на него сѣла. Кобель отъ сего разсердившиеь такъ больно укусилъ ей плечо, что она принуждена призвать Доктора для излѣченія своей несносной болѣзни. По прошествіи нѣсколькихъ дней возвратившись домой мужъ ея увидѣлъ жену свою въ опасной болѣзни лежащую на постелѣ, въ лицѣ перемѣнившуюся и поблѣднѣвшую. Чему удивившись господинъ спросилъ ее, что тебѣ, свѣтъ мой, сдѣлалось? Ты причиною всему моему нещастію, отвѣтствовала она; ибо я вѣчно бы не отважилась, да и на умъ бы мнѣ не пришло трогать кобеля, естьли бы ты самъ мнѣ того не объявилъ чрезъ вѣстника. Мужъ, извиняя себя передъ женою, божился ей, что онъ чрезъ вѣстника совсѣмъ того не объявлялъ; потомъ призвавши своего слугу говорилъ ему: когда я тебѣ приказывалъ объявлять женѣ моей, чтобы она не играла съ собакою? Подлинно, сударь, отвѣчалъ слуга, вы мнѣ сего не приказывали; но я это сказалъ ей для того, что бы она во время вашего отъѣзда не впускала

 къ

къ себѣ въ домъ нашего священника; ибо я заподлинно вѣдалъ что нѣкоторыя женщины, по слабому своему расположенiю и худой привычки, обыкновенно то дѣлаютъ, что имъ запрещается съ великою строгостiю. Почему естьли бы я вашимъ именемъ заказалъ ей имѣть какое нибудь обхожденiе съ нашимъ священникомъ, то безъ сомнѣнiя она пускала бы къ себѣ въ домъ, и вы имѣли бы вмѣсто хорошей жены... не смѣю сказать; однимъ словомъ я тѣмъ самимъ старался отвратить видимое для васъ нещастiе, за подлино вѣдая, что иногда женщины склонны къ запрещенному, что можно видѣть изъ теперешняго случая; ибо супруга ваша по той единственно причинѣ вздумала играть съ собакою и на нее садиться, что я ей сiе наистрожайше заказалъ вашимъ именемъ. Господинъ похваливши благоразумныя мысли своего слуги сталъ къ нему являть большую любовь и уваженiе, и лучше, говорилъ онъ самъ себѣ, женѣ моей быть укушенной отъ собаки, нежели отъ кого опороченной.

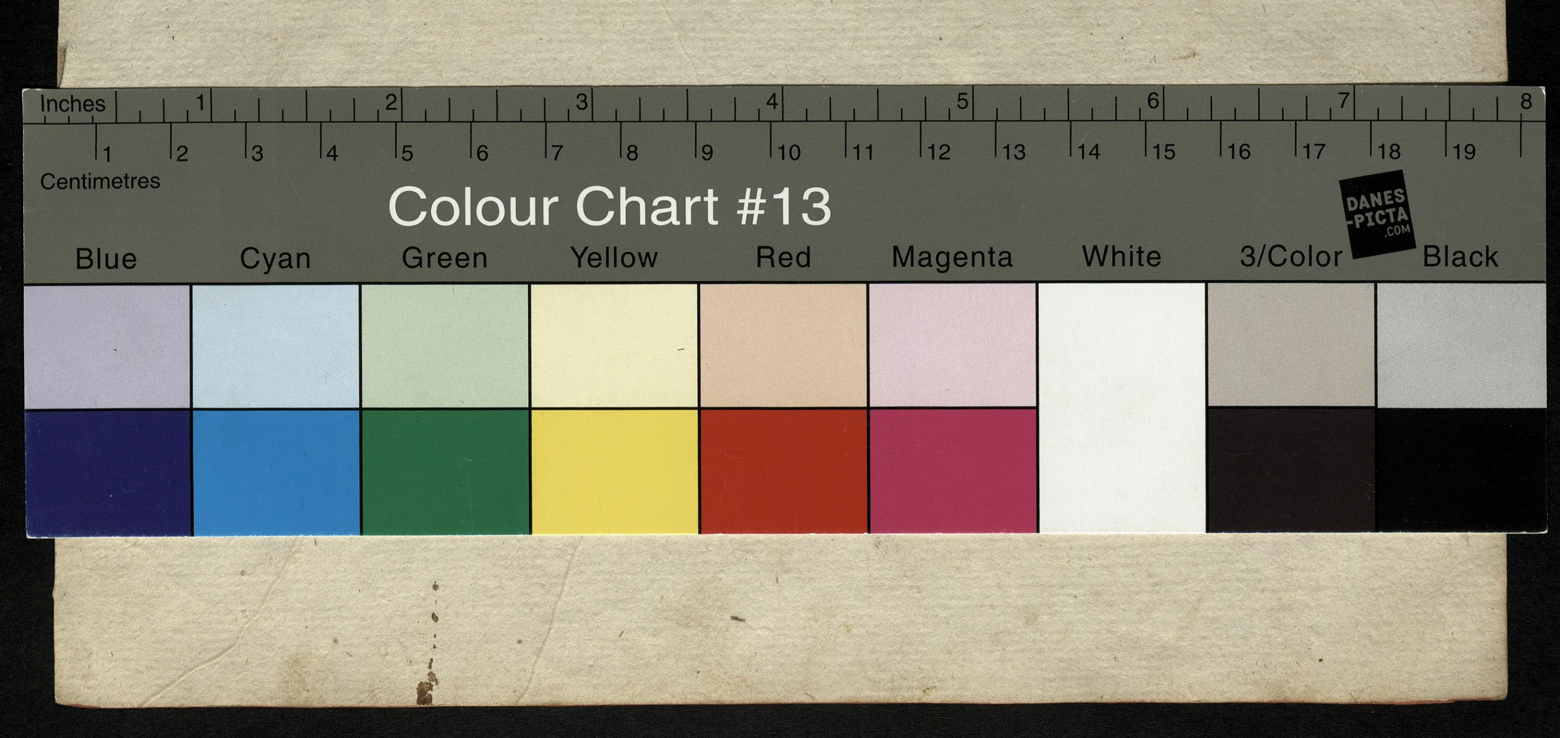
О Докторѣ Эразмѣ Алберѣ.

Когда Эразму Алберу, находившуся въ осадѣ Магдебургской и во всемъ недостатокъ претерпѣвавшему, одинъ добродѣтельный и благочестивый гражданинъ принесъ въ подарокъ для ухи рыбы: то Алберъ поблагодаривъ его за подарокъ, говорилъ ему слѣдующее: я бы очень желалъ, что бы и ты какъ пріятнѣйшій изъ всѣхъ для меня гость, вмѣстѣ со мною откушалъ сію рыбу; но къ моему неудовольствію не имѣю дровъ, чѣмъ бы можно было сварить оную. Однако Богъ милостивъ; я надѣюсь, что онъ и о семъ промышляетъ. Чтожъ наконецъ? Алберъ не успѣлъ сіе сказать, какъ изъ Мавританскихъ лагерей выстреленное пушечное превеликое ядро, прилѣтѣвши въ самой домъ Алберовъ, отшибло отъ перекладины довольно великой отломокъ никого изъ тѣхъ не повредивши, которые тогда въ оныхъ покояхъ нa-

ходились. И такъ Алберъ увидя сїе, говорилъ своему гостю: смотри, не говорилъ ли я тебѣ прежде, что Богъ и о томъ печется, чѣмъ бы мы могли сварить сїю рыбу? Вотъ я въ томъ и не обманулся.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

Inches
Centimetres
Colour Chart #13
DANES -PICTA .COM
Blue
Cyan
Green
Yellow
Red
Magenta
White
3/Color
Black

